





*Александр Лаговский*

«ВСЁ БЫЛО ИМЕННО ТАК...»

Книга воспоминаний о Костроме  
и костромичах XX века

Кострома  
2015

УДК 947.084(471.317)

ББК 63.3(2Р34)6

Л 145

**Лаговский А.В.**

**«Всё было именно так...»:** книга воспоминаний о Костроме и костромичах XX века / А.В. Лаговский; (ред. Н. Муренин). – Кострома: Линия График Кострома, 2015. - 240 с.: ил.

Книга мемуаров костромича А.В. Лаговского охватывает практически все стороны повседневной жизни людей, которые выросли вместе с веком и для которых провинциальные истории о любимом городе – необычайно дороги, отсюда желание их увековечить хотя бы в дневниковой записи. Автор воспоминаний был участником и свидетелем двух мировых войн и трёх революций, многих значительных событий в жизни Костромы и России.

Издание осуществлено при поддержке администрации Костромской области

УДК 947.084(471.317)

ББК 63.3(2Р34)6

©Баженова Л.А., 2015

*Александр Лаговский*

## «ВСЁ БЫЛО ИМЕННО ТАК...»

*Александр Викторович Лаговский принадлежит к одной из известных костромских фамилий, составлявших цвет русской интеллигенции на протяжении нескольких веков. Родился он в Костроме в 1891 году в семье Виктора Никаноровича Лаговского, преподавателя математики Костромской духовной семинарии и Григоровской женской гимназии. Закончив в 1909 году с золотой медалью Первую костромскую гимназию, он избрал профессию юриста и поступил на юридический факультет Московского университета. После его окончания работал в Окружном суде, а с образованием Костромской области – в областной прокуратуре. Александр Викторович был свидетелем и участником разных исторических событий, в том числе трёх русских революций и двух мировых войн, хорошо знал многих замечательных людей. Мемуары, захватывающие конец XIX и первую половину XX веков, написаны живым языком, весьма интересны подробностями и деталями давно прошедшей жизни Костромы и России.*

## ДЕТСТВО

*М*инуло 80 лет, а я все еще ясно помню, что происходило со мной, двухлетним ребенком, глубокой зимней ночью на нашей квартире на углу улицы Пятницкой, чудом сохранившей свое название, и Царевской улицы по имени церкви царя Константина, что стояла в третьем квартале от площади и была в свое время разрушена, а улица переименована в Пролетарскую, затем в улицу Текстильщиков и, наконец, возведена в ранг проспекта.



*Отец Виктор Никанорович, учитель математики в женской гимназии.  
1900-е годы*

Очевидно, у меня резались зубы, сопровождалось это плачем, капризами, уснуть я не мог, несмотря на все старания моей матушки Людмилы Кузьминичны. Среди ночи ее сменил отец – няни в то время в семье не было, а старшей моей сестре было всего около десяти лет, и она – не помощница. Отец, одетый в темно-зеленый халат, держит меня на руках и ходит по большой, в три окна, комнате, слабо освещаемой маленькой керосиновой лампочкой, стоя-

щей на обеденном столе. Комната одновременно играла роль и столовой, и зала. Висячая лампа под белым стеклянным абажуром не зажжена. Полумрак. В переднем углу на полу стоит фикус, его крупные, продолговатые листья привлекают мое внимание, и отец позволяет мне дотянуться до них



*Мать Александра Лаговского  
Людмила Кузьминична.  
Кострома. Нач. XX века.*

рукой, что я и делаю, уже засыпая. Через 8 лет этот фикус, которому станет уже тесно в частной квартире, будет подарен отцом в музыкальную школу, где он украшал эстраду большого концертного зала.

В той же нашей квартире года два-три проживал в качестве квартиранта с полным пансионом воспитанник старших классов семинарии Миша Клиентов, сын Кинешемского протопопа, настоятеля собора. (После него протопопом стал отец другого ученика семинарии – в будущем Маршала Советского Союза Василевского,

дальние родственники его и поныне живут в Костроме).

Ванны в доме не было, взрослые пользовались баней, а для меня существовало личное корыто. Само мытье происходило на лежанке в комнате Миши, как наиболее теплой. Хозяин комнаты меня очень стеснял, а когда через год меня возили в санках по женским дням в семинарскую баню и сажали на одну скамейку с моей ровесницей, дочкой ректора семинарии отца Ивана Сырцова, мне это казалось нормальным.

Возвращаясь домой с Набережной улицы (теперь улица 1 Мая) при пересечении Мшанской (теперь улица Островского) против церкви Богоотцов, еще существовавшей, делали мы остановку в булочной Панкова, чтобы купить для меня сдобную булку в виде премии за поездку в баню. Старшая

дочь хозяина булочница Анна Михайловна, окончив еще до революции высшие женские московские курсы и получив звание биолога, вышла замуж за земского врача в Кинешемском уезде Константина Анатольевича Доброхотова. В первую германскую войну он служил врачом в кавалерийском полку, во вторую – начальником госпиталя. Считался хорошим диагностом и был по дружбе как бы нашим домашним врачом. Жили Доброхотовы в собственной половине двухэтажного дома по Комсомольской улице. Сдав городу свою половину дома и с грустью покинув свой любовно ухоженный сад, они переехали в коммунальную трехкомнатную квартиру в новом доме на Осыпной улице. Этот переезд выбил Константина Анатольевича из привычной для него обстановки, и он, прожив в коммунальной со всеми удобствами квартире года два, скончался в 1973 г. в почтенном возрасте 89 лет.

Помню еще как меня, одетого в светлый байковый халатик, ставили на широченный подоконник, лицом на Пятницкую улицу, и я рассыпал всем проходящим воздушные поцелуи, благо окно лишь немного возвышалось над тротуаром. На нашей же улице, на берегу Волги, была женская гимназия и при ней «Романовский пансион для девиц благородного звания». Очевидно, предполагалось, что там будут только дворянки, но в действительности было не так. Нужны деньги, а не происхождение. Солигаличский сплавщик леса, отправляя своих дочерей в единственную на всю губернию женскую гимназию, помещал их там же и в пансион. Их облачали в особую для приходящих девочек форму – белый корсаж, белые нарукавники и белые пелеринки. На прогулки под приглядом классной дамы выводили парами, одетых в какие-то допотопного фасона пальто и шляпы пирожком. В пути не только со встречными, но и между собой никакие разговоры им не разрешались. Когда такая торжественная процессия проплывала мимо моего заветного окна, тут уж приходилось поторапливаться, чтобы воздушных поцелуев хватило на всех.





*Саша Лаговский. 1892 год.*

Игрушек у меня было немного, и то преимущественно домашнего производства. На шнурок нанизывались деревянные катушки, освободившиеся после рукоделий и шитья матушки на машинке. Такая гирлянда одевалась через голову и должна была обозначать то ли орарь дьякона, то ли епитрахиль священника. На плечи накидывался платок – это уже риза, и можно было приступить к действию: раскланиваться во все стороны и кричать изо всех сил: «бай Коль». Все это должно было изображать молебен и возглас «Святителю отче Николае, моли Бога о нас». Современной молодежи все это совершенно неинтересно, но для людей моего возраста вполне понятно. Отец

мой, хотя и окончил физико-математический факультет С.-Петербургского университета со степенью кандидата наук, но первоначальное образование получил в духовном училище и семинарии, сбежав после четвертого класса семинарии. А матушка среднее образование получила в Ярославском закрытом училище для девиц духовного звания, откуда за весь курс даже на летние каникулы отпускали к родителям лишь один раз на два месяца.

Дед мой со стороны отца был дьяконом беднейшего прихода Троице-Чудца Галичского уезда (недалеко от усадьбы господ Рылеевых). Разумеется, дед Никанор Алексеевич не мог никак помочь своим сыновьям оставить духовную среду и получить светское образование. Все трое своим горбом до-

*Все было именно так...*

---

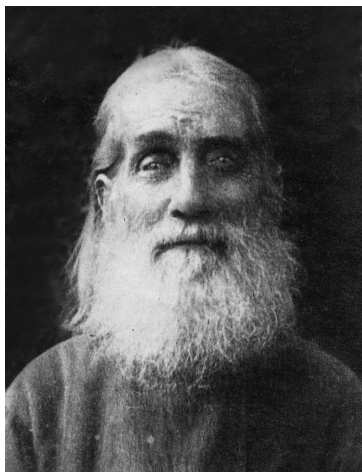
бились высшего университетского – отец стал математиком, дядюшка Петр Никанорович филологом и Федор Никанорович – юристом. У дядюшки Федора было увлечение музыкой. Имея абсолютный слух, он собирал народные песни Костромской, Вологодской, Владимирской и Ярославской губерний. Нотные записи и текст песен были в двух тетрадах дважды изданы: первый раз в Череповце, где дядя служил, и второй раз – в Костроме, Архивной комиссией по предложению отца, состоявшего членом этой комиссии. Полные экземпляры изданий хранятся в библиотеках – Ипатьевского заповедника и Костромской областной научной. Экземпляр сборников дочь автора, Анна Федоровна Лаговская, проработавшая после окончания Петербургской консерватории 50 лет преподавателем по классу фортепиано в Самарском-Куйбышевском музыкальном училище, передала композитору Кабалевскому для включения в предполагаемое многотомное издание народных песен.



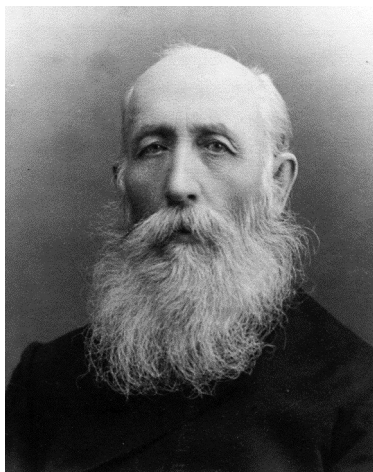
*Людмила Кузьминична  
Соловьева перед замужеством.  
1900-е годы.*



*Виктор Лаговский, студент  
Петербургского университета.  
1881 год.*



*Дед Никанор Алексеевич  
Лаговский, дьякон церкви  
Троице-Чудца Галичского  
у. Костромской губ.  
Сер. XIX века.*



*Дядя Александра -  
Фёдор Никанорович Лаговский.  
Кон. XIX века.*

## МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ

Но мои «бай Коль» были ничто в сравнении с происходившим в семье учителя Фрязинова. Его старший сын Сережа в возрасте 4 лет знал наизусть многие церковные службы, любимой игрой его было полностью распевать за священника, дьякона и за хор. Мне и его младшему брату Владимиру вручались колокольчики, мы, не считаясь ни с чем, звонили напропалую, но Сережа считал то нарушением порядка и пугал меня словами: «Шуа, хочешь я тебя посажу на паатаок?» (Сережа был несколько косноязычен и остался таким навсегда). Однако, мне такая перспектива – оказаться на потолке – не нравилась. Заключался мир: мы с Володей оставляли в покое колокольчики, а Сережа прекра-

шал «службу». Сережа был несомненным феноменом, и о нем надо сказать несколько слов поподробнее. В гимназии за все 8 лет он ни разу не получал отметки ниже пятерки, за что и получил прозвище «Балда». Когда он пришел в класс с подаренными ему родителями часами, то ребята в первый же день сочли необходимым удостовериться, что внутри часов есть какой-то механизм. Неплохо было бы разобрать. Это к восторгу всего I отделения, где учился Сережа, и было сделано.

Сережа после уроков принес домой немного, что осталось от часов, но это его ничуть не огорчило. Он знал наперечет всех архиереев в России. Он самостоятельно выучил греческий язык, который в гимназии не преподавали, и выучил настолько досконально, что был как уникам представлен какому-то приезжавшему в Кострому заграничному иерарху, и беседовал с ним «запросто». Золотая гимназическая медаль была для него в порядке вещей, но он ухитрился (нет, это не то слово) и в университете на филологическом факультете получить золотую медаль.

По воскресеньям у нас появлялась в гостях девочка 8-9 лет, Саша Кардакова, круглая сирота, воспитывавшаяся в Мариинском детском приюте, который был в первом квартале бывшей Никольской, а ныне Свердловской улицы. Саша прекрасно ко мне относилась, придумывала игры, и для нее-то самой интересные. Весной, когда на дворе Саша находила какую-нибудь лужицу, там появлялся пустой ящик или большая коробка – это пароход. Меня производили в офицеры, в знак чего на голову мне одевалась лубяная корзиночка из-под пирожного. Пирожные покупались по праздникам предпочтительно в кондитерской немца Тарнера на Русиной-Советской улице. По качеству и разнообразию товаров эта костромская кондитерская, пожалуй, не уступала московской, на углу Петровки и Кузнецкого моста, знаменитой Трамбле. В один из приходов к нам Саши ей пришла мысль поиграть в дикарей-людоедов. На людей-то мы не

кидались, но косточки от отбивных котлет выпрашивали у кухарки и дочиста обглаживали их, спрятавшись во дворе за дровяником. Там нас и нашла матушка. Саша говорила, что мы были преданы кухаркой. Саше было строго объявлено, что ее из приюта никогда больше не возьмут, если она не бросит подобных игр. Судьба связала нашу семью с Александрой Порфирьевной Кардаковой, позднее Богородской, на долгие годы. По окончании приюта Саша получила права учительницы сельской школы, и моя матушка устроила ее у себя на родине в Череповецком уезде в церковно-приходскую школу в селе Нелазском. Проработав там несколько лет и серьезно подготовившись, Саша поступила в педагогический институт в Москве, в Грузинах, а через 4 года обосновалась вместе с мужем в Костроме. Семейная ее жизнь не заладилась из-за болезненно ревнивого характера мужа, и она вскоре после революции скрылась от него. Мы-то знали, что она уехала в Москву, но мужу ее отказали в его попытках узнать московский адрес Саши. Прописаться в столице тогда было чрезвычайно трудно: все зависело от одного весьма авторитетного товарища. Явившись к нему на прием, Саша разрешения не получила но... стащила со стола чистый бланк разрешения, прописалась, поступила на работу и тогда опять явилась к тому авторитетному товарищу и, сознавшись во всем, просила прощения. Его она получила. Далее пошла техническая работа в обществе старых большевиков, затем секретарем у Яна Полуяна. Не помню его должности, но она какая-то весьма высокая и, наконец, Саша получила то, чего ей и было надо: должность воспитательницы в единственном экспериментальном Доме художественного воспитания детей с комнатой в том же доме. Через несколько лет Дом художественного воспитания был выведен в другое место, а комната за Сашей так и осталась. Там у «тети» Саши и прожила 4 года моя дочь Людочка, будучи студенткой юридического факультета МГУ.

*Все было именно так...*

---

Кроме Саши Кардаковой у нас на квартире привечали еще одну девочку, подругу по гимназии моей старшей сестры – Наташу Болсунову, воспитанницу гимназического пансиона. Наташа очень гордилась тем, что она дворянка, записана в какой-то пятой книге (я и до сих пор не знаю, что это такое). У ее предков было огромное имение в Буйском уезде, отца уже не было, а мать со своими не совсем полноценными 2 сыновьями ютилась где-то в районе Медного пруда, теперь засыпанного. Существовали на средства от содержания квартирантов, почему-то всегда почтовых одиноких чиновников. Вероятно, оказывал материальную помощь и предводитель дворянства. С этой Наташей, впоследствии Натальей Павловной, связи тоже сохранялись до самой ее смерти. Если Саша, педагог, имела способности и как художница, то Наташа, обладая прекрасным голосом, увлекалась музыкой, была регентом пансионского хора, будучи уже взрослой, выступала на



*Отец Виктор Никанорович с семейством, рядом Саша Лаговский.  
1895 год.*

любительских концертах и любительских постановках опер в городском театре. Мне кажется, что слово «любительский» концерт более правильно отражает существо дела, чем слово «самодеятельный». Например, что значит самодеятельный художник? Художник есть и остается художником при всех обстоятельствах.

По окончании гимназии Наташа служила (более точное выражение, чем работала) классной дамой в Нерехтской и Костромской гимназиях. Мои внучки, не понимая, что это за должность такая, просили объяснений, и я, полагая, что все внучата всех моих ровесников тоже окажутся в блаженном неведении, уточняю: классная дама – это воспитательница в женских гимназиях и институтах, обязанная присутствовать на всех уроках, которые ведут преподаватели мужчины. Если преподаватель женщина, то присутствие классной дамы не обязательно. Сидели эти дамы где-то в сторонке за отдельным столиком, может быть, занимались рукоделием, но в то же время внимательно следили за поведением учениц, не вмешиваясь, разумеется, в само проведение урока. После революции Наташа, которая в нашей семье именовалась уже тетей Наташей, вышла замуж за адвоката Клирикова, с ним вместе переехала в Москву, где ее муж стал консультантом в государственном арбитраже. Когда он умер, тетя Наташа получила пенсию республиканского значения, чем очень гордилась, как в свое время дворянством. Проживала она в коммунальной квартире на Петровке, где во время моих командировок в Москву и принимала меня, а я за это подсовывал ей под чайный поднос свои суточные деньги. Наташа и Саша поддерживали между собой тесные дружественные связи и всегда с большой теплотой и благодарностью вспоминали моих родителей, как своих бескорыстных шефов.

## ХОЗЯЕВА И КВАРТИРАНТЫ

Жадо сказать и о хозяине дома. Это был купец Калашников, немолодой, высокий, с черной бородой. Одевался он в темного цвета поддевку и сапоги. Являясь к отцу за квартирной платой, держался с достоинством. Сколько ему платили за четыре комнаты с кухней, парадным и черным ходом – не знаю, но из позднейших слов родителей было видно, что домовладелец наш не подходил к обычному типу хозяев. Перед тем, как нам летом уезжать на два месяца в деревню, обычно на родину матушки в село Даргун Череповецкого уезда, Калашников предлагал родителям выбрать в магазине обои для каждой комнаты, образцы передать ему вместе с ключом от квартиры в день отъезда с тем, чтобы он мог прислать маляров, и все бы было готово к нашему возвращению. Вся обстановка оставалась в квартире в полной сохранности «на веру». Предусматривался ли особый расчет за это или же расходы включены были в квартплату – я не узнал и позднее. Двор содержался распоряжением хозяина в образцовом виде, а поскольку он был невелик, то снег с него время от времени вывозился на Волгу. Это мне памятно из-за такого случая. К обеду было приготовлено мороженое, специальная плотно закрывающаяся мороженица была закопана на дворе в снег. Мне, естественно, не терпелось дожидаться десерта, но ждать нам всем пришлось долго: не только мороженицы на дворе, но и снегу, куда она была закопана, не оказалось. Возчики охотно показали место, куда возили снег, сами же его раскопали и нашли мороженицу в неприкосновенности, за что и были отцом чем-то премированы. Внимание домохозяйина к своим постояльцам и прислуге выразилось еще в том, что помойная яма была оборудована особым приспособлением для крышки: была она тяжелая, поднимать ее трудно вручную, потому и был приспособлен блок с камнем-противове-





*Братья Лаговские Виктор  
и Фёдор с сыновьями. Кон. XIX века.*

сом. Стоило слегка нажать на него, и крышка поднималась. Наша весьма немолодая кухарка не могла порадоваться и расхваливала хозяина.

Жили мы тут года четыре, но, очевидно, квартира понадобилась самому хозяину или он захотел сдать ее кому-то другому. И отцу ничего не оставалось, как безропотно подчиниться, т.к. в те времена домовладелец был полным хозяином. Перебрались мы на теперешнюю Комсомольскую улицу, почти

против Кадыевского переулка. Жили там недолго, не более 2 лет. Необычно для нашей семьи звучало имя одного из сыновей хозяйки – Жорж. Учился он в реальном училище, мне он покровительствовал и не дразнил меня, что я играл в куклы. Подарил он мне крестовку. Когда я пытался ее запустить на улице и подвергся налету каких-то незнакомых мальчиков, вот тогда и пришел ко мне на помощь Андрюша Рыбников. Он уже был гимназистом 1 класса, ходил в форме и жил рядом с нами в доме своего отца. Потом уж мне стало известно, что его отец был старшим приказчиком или управляющим в магазине богатого купца. У Андрюши, который стал, выражаясь современным языком, шефствовать надо мной, было несколько старших братьев и сестер, и у всех у них оказались впоследствии разные профессии – инженера, юриста, врача, а сам Андрей Владимирович стал учителем-математиком. Жена его, Сусанна, была подругой моей старшей сестры по



*Виктор Никанорович с сыном Александром, первые слева в первом ряду.  
1895 год.*

Бестужевским женским курсам. Домами мы не были знакомы, но при случайных встречах надолго задерживались. И вспоминали запуски крестовок на тихом Кадыевском переулке. Старший брат Андрея Владимировича – врач, был известен как крупный специалист-терапевт и еще необычной продолжительностью приемов своих пациентов. Попастъ к нему можно было по предварительной записи чуть ли не за месяц. Был однажды прием больного, которого доктор обследовал 5 часов. Сестра моя попала как-то на прием и очень долго не возвращалась домой, а мы, не зная манеры врача беседовать с больным, забеспокоились и ходили на выручку, т.к. телефона у доктора не было. Злые языки утверждали, что такие порядки были простой рекламой. Не знаю.

Квартира у вдовы Промптовой была случайной для нашей семьи: всего три маленьких и низких комнатки. Вскоре нашлась другая квартира, а искали их по небольшим бумажным в 1/8 листа наклейкам на воротах и на окнах. Двухэтажный каменный дом на той же улице и на углу Верхненабережной.

Ее позднее переименовали на «1-е Мая», как и Нижнюю Набережную переделали в Лесную, хотя там никогда не бывало ни лесных складов, ни лесопилок, а все они располагались по реке Костромке именно по Верхней Набережной. Совсем необоснованно улицу «Нижняя Дебря» горисполком переименовал в улицу Кооперации, лишь потому, что случайно на ней в каком-то старом доме устроилось правление облпотребсоюза. Но для истории Костромы Нижняя Дебря не погибла, т.к. под этим заголовком Хабаровское издательство выпустило интересную книгу нашего земляка, старого гимназиста Иванова. Там повествуется о событиях 1905 года в Костроме. Книга эта есть и в областной библиотеке, и в Ипатьевском заповеднике. Надо сказать, что автор, создавая книгу вдали от родного города, допустил некоторые неточности, на которые очень подробно указал на полях личного своего экземпляра книги Николай Федорович Иорданский.

Мне удалось сохранить стихи неизвестного автора, гимназиста, относящиеся к бурным временам 1905 года. Одно из них начиналось так:



*В начале Дебринской улицы. 1904 год.*

*Скоро погибнет гимназия наша.  
Барин Сережа умрет.  
Умрут педагоги тираны и т.д.*

Гекзаметр выдержал строго, стихотворение большое. Под барином Сережей подразумевается директор гимназии Сергей Павлович Лебедев, чрезвычайно представительной наружности, стройный, несмотря на свои почтенные годы, сидящий мужчина. Вид у него действительно был как у старого сановника-барина, хотя по своему происхождению он никакого отношения к аристократии не имел. Он никогда никого из гимназистов не наказывал, хотя бы оставляя «без обеда», – этим занимались инспектора. Его уважали и при нем подтягивались. Как-то после пятого урока старшеклассники выпрашивали у малышей их заплечные ранцы для книг, чтобы донести их по двору за ворота мимо гулявшего по двору директора. Дело в том, что старшие гнушались ходить по городу с заплечными ранцами и носили книги и тетради просто в руках или за бортом шинели, а тут хотели щегольнуть перед директором своей дисциплинированностью.

Отдал я в библиотеку заповедника кроме стихов гимназиста еще два стихотворных произведения: «Медный пруд» и «Сашка» – о шалопае-гимназисте Коновалове (фамилия не упоминалась, но все знали, о ком речь). Это был сынок миллионера, кинешемского фабриканта. Если не ошибаюсь, он был министром финансов при Временном правительстве Керенского. Громадный особняк коноваловский был на Большой Никитской, за Никитскими воротами. После революции там помещалось какое-то учреждение.

На новой квартире у Кореновкиной семья наша выросла на одного человека: у нас стала жить очень немолодая девушка, племянница отца – Саша Покровская. Откуда она приехала, чья дочь и какая степень родства с нами – не знаю. Вообще дело было поставлено так, что приезжали к нам родные обоих

родителей, и для всех прием оказывался радушный, несмотря на то, были это родственники отца или мамы. Слышал, что где-то в Костромской губернии были родственники Островские, а в Богоявленском монастыре в Костроме жила почтенных лет, уже постриженная монашина, тетушка Татьяна, фамилии таким монашинам сохранять не полагалось. Ходила она в клобуке с длинным черным шлейфом, жила в отдельной келье – просторной светлой комнате, в ее распоряжении была молодая послушница. Меня ребенком приводили к тетушке Татьяне один раз, а она бывала у нас несколько раз, чтобы занести подарки, самодельные бумажные цветы для пасхальных куличей, и получить в свою очередь крашеные яйца и кулич. Когда и где умерла матушка Татьяна, слышно не было.

Кстати, еще об одном, таинственного происхождения, родственнике. Сергей Сергеевич Моисеев служил скромным чиновником в губернском правлении, жил где-то по Павловской улице (проспект Мира) на квартире один, холостяком. Когда он приходил к нам, то называл отца дядюшкой. Что мне запомнилось, так это большой белый ухоженный пудель Сергея Сергеевича, сопровождавший хозяина. Среди различных номеров, исполнявшихся умным псом, был следующий: Сергей Сергеевич, сидя с нами за обеденным столом, громко говорит: «У меня нет лакея!» Маркиз немедленно прибежал из передней, где ему приказано было ждать хозяина, становился на задние лапы за стулом Сергея Сергеевича, а передние лапы клал на спинку стула, ожидая дальнейших распоряжений. Когда у нас появился свой пудель, мы его также называли Маркизом. Сергей Сергеевич женился на дочери помещика Тихменева, Анне Дмитриевне.

После 1905 года тип старых полицмейстеров был уже нетерпим, и полицмейстером был назначен тишайший С.С.Моисеев. В этой должности он встретил февральскую революцию. Сменил его, уже в качестве начальника милиции, капитан 202 пехотного запасного полка Бакрадзе. Не за



*Вид на Павловскую улицу. 1915 г.*

что было самому Моисееву и его большой семье подвергаться каким-либо репрессиям и после Октябрьской революции. Освободив казенную квартиру над управлением, уже милиции, Моисеевы несколько лет жили в частном доме на Смоленской улице, переехали в Ленинград, где и умерли, и где их дети и внуки здравствуют и работают в качестве врачей, инженеров, пережив тяжелые времена блокады. Очевидно, Анна Дмитриевна была дворянка и потому могла поместить свою вторую дочь Варю в Московский Екатерининский институт. Когда я был студентом и жил в Москве, мне было поручено навестить Варю в день годового институтского праздника (5.XП, считая по новому стилю). Отправился туда днем с коробкой конфет. Еще подходя к зданию института, понял, что не напрасно пошел в форменном студенческом сюртуке, а не в курточке: карет у подъезда целая вереница, швейцар в расшитой ливрее. Он первый и допрашивал меня, кто и к кому. Затем в вестибюле появилась классная дама, пожелавшая узнать, кем я прихожусь воспитаннице пансионерке Моисеевой. Пришлось для верности отрекомендоваться дворяродным братом. Затем меня провели в огромный зал, где

за разбросанными столиками происходили свидания с институтками. Коробку-подарок у меня та же воспитательница, что привела в зал, отобрала, объяснив, что сама вручит ее девочке, предварительно ознакомившись с содержанием, и предложила немного подождать. Я остановился около окна, но ко мне сейчас же подошла другая воспитательница, очевидно, дежурная по залу, и заявила, что стоять нельзя, и я должен где-нибудь присесть и ждать, когда девочку приведут. Варя оказалась грустным заморышем-цыпленком. Сразу было видно, что ей режим института после свободы в Костроме и в Юрьевце, где одно время служил ее отец, пришелся не по душе. Поговорили мы очень недолго, сказалась разница в наших годах. «Передайте папе с мамой, чтобы забрали меня домой, писать мне самой об этом нельзя». Просьбу ее исполнили, и Варя через несколько лет превратилась в исключительно красивую, цветущую девушку с прекрасным легким характером.

Шел 1896 год с его Всероссийской Нижегородской выставкой. Родители мои, забрав с собой и дочь Марочку, присоединились к большой группе учителей и на пароходе отправились полюбоваться чудесами выставки, а меня оставили с бабушкой Ольгой Васильевной, которая переехала в Кострому из Череповца после смерти дедушки Кузьмы Васильевича Соловьева.

Бабушка Ольга была очень набожной, строго соблюдала все посты вплоть до постных дней среды и пятницы. В семинедельном Великом посте матушка моя, чтобы бабушка не ослабла, прибегала к маленькой хитрости: каши варила на молоке. Такое кушанье бабушка похваливала, но какое-то сомнение у нее появлялось, и она говорила: «Что это, Людмила, каша-то как скромная», но ее успокаивали, объясняя, что это такая каша получается из-за дорогой крупы «Геркулес». Любила бабушка и по монастырям ездить, но одновременно она, выражаясь современным языком, была общественни-



*Дед по материнской линии  
Кузьма Васильевич Соловьев  
с внуком Александром.  
Череповец. 1894 год.*



*Ольга Васильевна Соловьева -  
бабушка Александра Лаговского.  
Кон. XIX века.*

цей. Она, сельская попадья, прошла курсы оспопрививателей, получила соответствующие права, обзавелась необходимым инструментарием и вакциной и расхаживала по деревням чуть ли не всего уезда.

У бабушки было, кроме моей матушки, еще две дочки: Елизавета и Александра. Так вот, бабушка Ольга никак не могла самостоятельно решить, у кого из дочерей остаться. Съездила к какому-то архиерею посоветоваться, и тот хитро, по-соломоновски, ответил: «Живи, где лучше!». Опять задача: зовут во все три места, и везде хорошо. И стала бабушка от нас время от времени уезжать, навещая других дочерей. Умерла она в 86 лет в Даргуне, у Александры, от воспаления легких. Не было тогда пенициллина, а то бы бабушка пожила еще.

...Из сувениров, которые были привезены с выставки, помню стеклянный тяжелый бокал; на нем выгравирована дата и монограмма. Бокал этот хранится у нас и теперь.



А еще красиво и солидно оформленный альбом фотографий с выставки и целую прядку стеклянного льна сероватого цвета. Дома она пробыла недолго, отец отнес ее в физический кабинет женской гимназии или семинарии, который тогда создавал.

На квартире у Кореновкиной появился славный белый пес, кавказская овчарка. Летом в те годы мы жили на даче в девяти верстах от Костромы в селе Покровском на Кубани. Собственно, это было не село, так как никаких крестьянских хозяйств там не было, а только погост с домом причта и немудреными дачками, некоторые из них принадлежали церкви, а другие горожанам. Занимали мы домик в три окна с терраской и светелкой. С одной стороны стояло здание школы, а с другой дача хозяйки газеты «Поволжский вестник» Татьяны Павловны Покровской и ее мужа, Федора Ивановича, в прошлом певца-баса. Эти имена запомнил потому, что через несколько лет сестра моя в семье Покровских репетировала их сына Юрочку, унаследовавшего артистические способности отца, но с голосом тенора. Обитали в поселке семьи членов Окружного суда Упервицкого и Вальберга, бухгалтера с какой-то фабрики Федорова. Старший сын Федорова, окончив Московскую консерваторию по дирижерскому отделению и открыв рядом с консерваторией нотный магазин, жил долго в Москве, но в голодные времена возвратился на родину и организовал здесь полупрофессиональную оперную труппу. Жила в Покровском и семья ректора семинарии Сырцова. Отец Иван, почти старик, очень благоволил ко мне, несмотря на то, что у самого были два взрослых сына. Я же делил свои симпатии между отцом Иваном и семинарским кучером дядей Александром. Последний был даже лучше, именно он правил парой вороних ректорской пролетки, иногда сажал меня на облучок рядом с собой, позволяя держаться за вожжи. Что может быть лучше для пятилетнего мальчика? Один раз отец Иван, отправляясь по делам на архиерейскую дачу,

захватил и меня с собой. В покои архиерея меня не водили, оставив в приемной с семинаристом, исполнявшим обязанности послушника. Тут же меня угостили лакомством, какого мне еще не приходилось отведать: пирамидка розоватого желе с пустотой внутри.

В Покровском мне как-то случилось поехать на телегах. Подростки выкрикивали какие-то незнакомые для меня слова, погоняя своих лошадей. Словечки мне понравились, я запомнил их и с гордостью выпалил родителям, когда вернулся к вечернему чаю, сервированному на террасе. Я был очень доволен, заметив, что родители усмехнулись, но радость моя сразу же пропала, как только за мои новые словечки мне велено было спустить штанишки и подвергнуться последней в моей жизни порке прутиком. Порка была чисто символической, больно мне не было, но после экзекуции, поразмыслив под столом, куда я забрался, я понял глубину своего грехопадения и потом, будучи подростком, гимназистом, студентом, солдатом и офицером старой и Советской армии, не осквернил больше своих уст. Когда ребенком я делал что-либо не так, как следовало, матушка меня не наказывала, а делала вид, что она чрезвычайно расстроена и ей грустно, что ее сын скверный мальчик. Это для меня было ужасно. Наоборот: что может быть лучше, когда мама довольна.

## НАШ ДРУГ БРУНКО

**В** первое же лето нашей дачной жизни на Кубани отец принес с Ивакинской мельницы крошечного пушистого щенка и сказал, что мельник уже дал ему кличку «Брунко». Что это за имя никто не понимал, но кличка осталась. В городе Брунко жил в дружбе с нашей кошкой.

Питались они из одной плошки, играли по комнатам в догонялки, и не без моего участия. Заключительным номером игр было следующее. Брунко «в шутку» бил лапой кошку, она валилась на пол, после чего Брунко садился на нее, а вернее рядом, но, прикрывая кошку своим пушистым хвостом, все были довольны. Кто-то высказывал опасения, что хвост у Брунко будет крючком, что пес-дворняга из породы «кабы сдох», но эта клевета, обижавшая, главным образом, меня, не оправдалась, мой друг оставался овчаркой, в крови которой была заложена страсть к охране овец. Ходил он по городу без поводка, своих находил по следу. Эта его способность поставила в неловкое положение мою сестру Маргариту, когда она в одиночку перед страшными экзаменами в гимназии зашла на всенощную службу в церковь. Очень скоро к ней подошел староста и попросил оглянуться. Оказалось, что Брунко, полагая, что от него сестра скрылась, как при игре «в прятки», нашел ее по следу и уселся сзади ее. «Нашел!»

С возрастом у Брунко силушка прибывала, и он изобрел игру: на улице кидаться на людей, сзади молча, без предупредительного лая толкать лапами в плечи и радоваться, когда от неожиданности человек падал носом в снег. Крики, ругань, вопли, жалобы отцу: уберите собаку. Возражать нельзя. Отвели Брунушку к Левашовым, в семью священника, что жил наискосок от нашего дома. Там ему построили хорошую будку, но посадили на цепь. Он рвался, скулил и лаял, не умолкая. Это отпугивало богомольцев и нарушало благолепие службы. Без нашего ведома отправили его в какую-то пригородную деревню, там пес объявил голодовку, никого не признавал и добился того, что его пришлось вернуть обратно к нам. Надо было видеть, какие шутки он выделывал и как радовался, оказавшись дома. Встреча ознаменовалась мытьем в корыте. Без поводка или без цепи во дворе он уже не появлялся до самой старости.

## *Все было именно так...*

---

По летам мы жили на даче у одного предприимчивого страхового агента Красовского, который на своем небольшом участке выстроил десяток дач и сдавал их, благо лодочная переправа была совсем близко на песчаном пляже. Брунко стал плохо видеть и слышать, гулял на свободе. Звать его было бесполезно. Надо было хлопать в ладошки, тогда он оглядывался и как бы сконфуженно и виновато улыбался. Да, да, это именно так. Был случай, когда Брунко вплавь пытался догнать перевозную весельную лодку, на которой матушка ехала в город. Пришлось просить лодочника и пассажиров лодки вернуться с середины Волги и спасти старика, которому одолеть всю реку было бы не под силу. Народ отзывчивый, согласились. Брунко был настолько умен и предан, что перед смертью ушел куда-то, скрылся, и все поиски его оказались безрезультатными. У Брема, кажется, отмечено, что слоны, когда наступает время, тоже прячутся, чтобы не тревожить других.

Когда на нашу новую квартиру приходили знакомые, им показывали все комнаты, я бывал в восторге и старался, чтобы от внимания взрослых ничего не ускользнуло, и однажды



*Дачная купальня на Волге под Костромой. Нач. XX в.*

допустил непростительную ошибку. В комнате Саши Покровской стояло бывшее дедушкино кресло с секретом - сиденье приподнималось, и кресло превращалось в судно. Для своего второго назначения кресло не использовалось, но мне была известна его конструкция, и я подробно объяснил, в чем дело, подняв крышку и чехол, сделанный из старого коврика. По тем временам конфуз!

По какой причине отцу пришлось еще раз менять квартиру, не знаю. Можно предполагать, что из-за холода: в угловой комнате мы вынуждены были поставить переносную печь, отопляемую каленым углем. В тот год директор реального училища Живилев перебрался в казенную квартиру, а свою в собственном доме и предложил нам занять. Цена была непомерно высокой, 22 руб. в месяц, зато 8 комнат, но столько нам было и не нужно. Где-то у Куприна, кажется, сказано, что один переезд равняется двум пожарам. В обстановке Костромы, может, и не так. Делалось все очень просто: отец шел в контору арестантских рот (вид тюрьмы с краткосрочным заключением), вносил там какую-то плату за то, чтобы силами арестантов перенести обстановку. На другой же день являлось человек 10-15 арестантов в сопровождении символической охраны в виде одного надзирателя. Замечательно приветливый и аккуратный народ. Всю обстановку, одежду и вообще все, что находилось в квартире, брали на руки и бережно ставили там, где им указывали в новой квартире. Роаль несли на плечах четверо, да ножки и подставку педалей двое. Степные Мозеровские часы переносил, как ребенка, один человек, он же ловко в стену и костыль для часов вбил. Никогда ничего не ломалось, не портилось и не пропадало. Все происходило весьма патриархально: конвоир сидел во дворе покуривал, уверенный, что побегов не будет, заключенные были довольны, что не сидели запертыми в камере. Премировать их, в особенности деньгами, не полагалось, но в отступление от правил надзиратель делал вид, что не видит,

когда арестанты из рук отца забирают старые колоды карт из ящиков ломберных столов. Одеты заключенные были в курточки и брюки из серого солдатского сукна, и круглые шапочки из того же материала. Группы заключенных можно было видеть, когда они мели и убирали площади и улицы города по договору городской управы с тюремным ведомством.

## «МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ»

**В** Живиловском доме начались мои университеты. Куплена была разрезная на картоне азбука и тетрадка в косую клетку. Сушим наказанием была для меня буква «Е». И это тревожило мамушку, мою первую учительницу. Расстраивало ее ужасно, когда я, списывая с прописи слова и получив разрешение бежать во двор, бросал все на полуслове и скрывался из комнаты. Через год меня передали в руки приходящего к нам на дом учителя детской школы при семинарии Пеликанова. Тут пошла и таблица умножения, и навыки дисциплины. Одновременно сестра Мара пробовала знакомить меня с роялем, но из этого ничего не вышло, т.к. авторитетом сестра у меня не пользовалась, и я при всяком удобном и неудобном случае лез в драку, и сестра убегала под защиту мамушки. На другой год меня отдали в детскую музыкальную школу В.С.Сумароковой, в будущем Мориней. Подробности об этой школе откладываю до воспоминаний гимназических лет.

С переездом в большую квартиру мои связи с прежними соседями-мальчишками не прекратились. Игры были различные. Наибольшим успехом пользовалась игра в «Котел». Нечто похожее на современный хоккей на траве. В центре устраивалась неглубокая яма-котел диаметром в метр, по

кругу, отступя от котла метра на полтора, маленькие ямки по числу играющих. Из них, вооружившись клюшками, ребята стараются загнать мяч в котел, охраняя одновременно свою ямку, чтобы и в нее не загнали мяч. Моим постоянным сверстником по играм был младший сын из семьи Левашовых, двое других были постарше. Иван учился в младших классах гимназии, а Николай в духовном училище. Под их руководством и при непосредственном участии мы строили и классные комнаты с партами, и пароходы с каютой и капитанским мостиком. Недостатка в строительных материалах - обрезках досок с соседней лесопилки Бычкова можно было не опасаться. На нашем пароходе соблюдалась строгая дисциплина, команды очередного капитана: «Отдай носовую, тихий назад», «Отдай кормовую, полный вперед» сейчас же отражались на движении колес (в трюме кто-то трудился). Недурно и посвистеть в дудку, имитируя пароходные гудки... Мы, росшие на Волге, прекрасно знали все сигналы и речные правила.

А став постарше, состязались в коллекционировании названий пассажирских и буксирных пароходов, которые мы видели своими глазами. Высшим классом считалось по гудку подваливавшего парохода назвать компанию, к которой написано судно.

Плавали тогда по нашему плесу Волги пассажирские пароходы общества «Самолет», самые фешенебельные, с командами в полуморской форме, окрашены они были в светлорозовый цвет, на трубах их была отличительная ярко-красная опояска. Кашинские пароходы окраской потемнее, более тяжеловесные, т.к. их владельцы зарабатывали, кажется, больше на перевозке грузов, а не пассажиров. Белые пароходы «Общества по Волге», «Братьев Каменских», Зевекинские - с колесом сзади на американский лад, описанные Марком Твенном (позднее пароходы общества «Надежда»). Все эти компании имели свои пристани-причалы, расписания предусматривали по несколько рейсов в день. Прибавить надо

еще два парохода, которые ходили по реке Костроме до Буя. Один одноэтажный, Набатовский, и другой Крестьянского товарищества, тоже одноэтажный. Какое было у него официальное название не помню, но в просторечии его прозвали «Люська кособокая» (имел какой-то дефект и действительно плыл немного бочком). Появились и юркие дачные пароходики, ходившие до Красного: «Чайка», «Муравей», «Пчелка». Поперек Волги таскал паромы на сорок конных подвод деревянный трудяга пароход «Бычков». Позднее город приобрел свой буксирный пароход «Горожанин».

Весь этот флот шлепал, пыхтел, свистел, благо тогда гудки не запрещались. Гудки были не только уставные, но и приветственные. Буксиры вели караваны барж и тоже подавали голоса низким басом. Получалось большое оживление на рейде. Красавцы трехэтажные теплоходы молча появляются с толпами отдыхающих туристов и так же тихо исчезают, не взяв на борт ни одного рядового пассажира, т.к. билеты все разобраны заранее еще в Москве (через экскурсбюро). Для деловых поездок у нас остались быстроходные метеоры и ракеты.



*Пароходы на Волге. Нач. XX в.*

У меня не было секретов от родителей. Я рассказывал о мальчиках, с которыми играл. Упомянул как-то и о «Ваське сопливом», которому дали такое прозвище из-за вечно мокрого носа. Матушка выразила сомнение, может ли быть хорошим мальчик, не имеющий носового платка. Мне при-



шлось защищать его авторитет: когда я в кровь ссадил колёнку, именно он научил меня останавливать кровь пылью с дороги. Воображаю, какая бы началась суета вплоть до противостолбнячной прививки, если бы сейчас произошло подобное с моей внучкой.

Запомнилась самая удачная рождественская елка: она была до потолка и разукрашена красиво частью картонажами, которые собственноручно приготовил отец. Елку опутали цветными бумажными цепями изделие мое и сестры. Конечно, были елочные свечи, а на полу вокруг елки куча пакетов и коробок с подарками для каждого маленького гостя. Да, чуть не позабыл, крымские, длинноватой формы, с красными бочками яблоки (теперь усовершенствованные гибриды вытеснили этот сорт), разнообразных фасонов пряники, пастилки и золоченые грецкие орехи. А еще на елке висели гирлянды бумажных национальных флажков государств мира. Самое сильное впечатление на всех производил высокий, с колокольчиком внутри, соломенный колпак. Этот подарок для меня изготовила наша кухарка, вывезенная матушкой из Новгородской губернии. Колпак, по современной оценке, шедевр народного творчества. Кстати, об «импортных» домработницах, а по-старому прислугах. По существу они становились почти членами семьи.

Одна из таких деревенских, скучая о крестьянском хозяйстве, уговорила матушку обзавестись коровой, благо при доме был и хлев, и сеновал. Купили черную с белой головой Ярославку. Удой хороший, хватало и на сметану, и на творог, и на масло. Для меня был праздник, когда матушка с кухаркой, специалисткой по сельскому хозяйству, отправлялись на Сенную площадь за сеном. Покупали воз по 9-10 копеек за пуд, как смогут сторговаться. Затем покупку ставили на возовые весы, меня усаживали наверх, ехали шагком к дому, сваливали сено и уже все на пустых санях возвращались на Сенную, и взвешивали сани. Разница в весе тут же

оплачивалась наличными. Если у продавца и покупательницы возникали признаки взаимного доверия, то сговаривались о доставке соломы на подстилку. По вопросам качества сена бывали консультации с проживавшим в первом этаже дома водовозом Степаном, отчества не помню, а фамилии его никто и не знал. Водопроводов не было. Степан на своем Рыжике ездил с бочкой на водоразборную будку, ближайшую к нам, на углу Пятницкой и Мшанской, и развозил воду по своему району, не проникая в районы других водовозов. Бочка у него была усовершенствована: был ввернут большой медный кран, а у других водовозов ограничивалось деревянной затычкой, которая называлась втулкой. При таком устройстве терялось зря много воды, да и с санитарией дело обстояло хуже. С водовозами хозяйки уславливались о количестве ведер на каждый день без каких-либо праздников и за определенную помесечную плату. У Степана были две маленькие дочки, а сына не было и, вероятно поэтому, я пользовался его расположением. Отправляясь на работу, он часто сажал меня на передок телеги впереди бочки, причем мои колени почти касались хвоста Рыжика. Завидовавшие мне мальчишки всячески поносили меня и кричали, чтобы я «подставлял» свою шляпу, а куда и зачем понятно для всех. Мне удалось придумать, как избежать насмешек завистников, и я перебирался наверх, верхом на бочку. Родители мои знали о таких экскурсиях со Степаном, но не возражали, т.к. хорошо знали и уважали его. Одна из девочек Степана в свое время стала учительницей и бывала в нашей семье.

Разумеется, что в квартире электричества не было, как и во всем городе, следовательно, отсутствовали и электрические звонки. Отец мог бы устроить их с питанием от батарей, но не стал это делать в чужом доме, тем более, что там была своеобразная система сигналов. Во-первых, несколько комнат были соединены переговорными рупорными трубками с кухней, во-вторых, от парадной двери в переднюю и от сто-

ловой в кухню были проложены по стенам высоко под потолком тонкие резиновые шланги, оканчивались или вернее начинались они от резиновых шариков, запрятанных в подобие крупной электрической кнопки с выдающейся наружу пробкой из слоновой кости. Стоило резко нажать на кнопку, как воздух приводил в движение язычок колокольчика на другом конце своеобразного провода. Звонка не получалось трелью, как у будильника или электрического звонка, и нужно было для верности нажимать на кнопку несколько раз.

Летом с балкона открывался прекрасный вид на Волгу и ее правый берег с Городищем и Селищем. Несколько ветряных мельниц неумоимо размахивали своими огромными крыльями. Маленькие мельницы-крупорушки, как утверждает история Костромы, работали и в городе, они прибавили к названию Покровской церкви уточнение: «что в крупениках». Самое высокое место в городе, открытое для ветров, даровых работников. Теперь на этом месте по улице Энгельса высится телевизионная башня.

## У НАС СВОЙ ДОМ

Отец вспоминал, сколько квартир переменить пришлось в Вологде, где началась его преподавательская деятельность и семейная жизнь, пересчитал и костромские переезды и решил, что надо покупать дом. Матушка целиком разделяла это мнение и начала поиски по городу, забирая и меня с собой. Из всех осмотренных домовладений приглянулось больше остальных то самое, где пишутся эти строки. По улице Покровской-Энгельса между школой слепых и угловым дворянским домом Антиповых, позднее дворян Зюзиных, стояли два почти одинаковых, со светелками, де-

ревянных дома многосемейной вдовы Ольги Ивановны Иорданской. Очень приветливая седая женщина, ежеминутно закуривавшая гаснущие папиросы своей набивки, сказала, что дом продаст, сама переберется в свой другой, соседний. При доме флигель, баня, сарай и земли «палестина» с фруктовым садом и липовой аллеей. Познакомились и с семьей: два сына - один гимназист, другой студент, Коля и Валера. Дочь Леля учится в приготовительном классе, еще две дочери-консерваторки в отъезде. Есть еще 3 нахлебника-гимназиста. Дом явно запущен: деревянная крыша поросла мхом, флигель развалина, но уж очень хорош участок и сама хозяйка.

Условились о деньгах с хозяйкой и подрядчиком, а дальше пошло очень просто: после купчей у нотариуса в тот же день заложен был дом в Госбанке, что причиталось хозяйке - выплачено, остальная сумма отложена на капитальный ремонт. В каких рублях это выразилось - не знаю, а известно мне, что на сберегательной книжке родителей было не более 200 рублей, и точно знаю, что отец выплачивал ежемесячно ссуду в Госбанк и последние 300 руб. внес уже после революции. Мог бы, конечно, и не платить, никто бы с него и не стал взыскивать, но отец рассуждал так: брал у государства, отдам полностью, какие бы перевороты не произошли. С подрядчиком условились, чтобы работы начались ранней весной, и все должно закончиться к началу учения в школах, т.е. к середине августа.

Наискосок от нашего дома жил законоучитель гимназии отец Василий Соколов. Летом вся его семья уезжала на дачу, квартира пустовала и о. Василий предложил ее занять, чтобы удобней было наблюдать за ремонтом. Так и было сделано. Выражаясь современным языком, надо сказать, что работы ремонтные велись по «сетевому графику». Мастера разных специальностей трудились одновременно, но не мешая друг другу. Видно, что знали свое дело и относились к нему добросовестно и не вымогали чаевых на водку. Отец говорил,



*Дом Лаговских на ул. Энгельса, 25. 1900-е годы.*

что на таких мастеров любоваться следует. Флигель во дворе был сломан, дощатые сени заменены более солидными в пол-бревна, появился теплый туалет (система люфт), дровяник и мшениый коровник для нашей Ярославки. Без каких-либо споров была поделена земля, поставлен забор, причем в одном месте по просьбе Ольги Ивановны забор шел с большим изгибом, чтобы не заставлял соседку переносить флигелек, в котором жили ее квартиранты. Фасад дома, да и весь его целиком, выкрасили светло-зеленой масляной краской по желанию матушки, которая восхищалась таким тоном на киевских улицах. Случайно у наших ворот оказался уличный фонарь - керосиновая лампочка на столбе немного выше сажени. Пожалуй, он и не освещал ничего, но являлся ориентиром на темной улице, но все же мне было приятно, что и фонарь у нас есть. База фонарщиков помещалась около Медного пруда, теперь засыпанного.

На этой базе и заправлялись лампы. Они развозились по точкам, а вечером фонарщик с легкой лесенкой бегал по своему хозяйству и зажигал лампы. В те времена слово «хулиган» не было известно, не было, значит, и хулиганов, а сле-



*Каток на Медном пруду. Нач. XX в.*

довательно, никому не приходило в голову бить фонари, они пользовались неприкосновенностью. Улица наша была не только без асфальта, которого вообще в городе знать не знали, но была и не мощена, однако грязи не бывало, т.к. почва была песчаная. Тротуар, отделявшийся от проезжей части деревянными тумбами, редко где выкладывался кирпичами. Сейчас улица покрыта асфальтом, опоясана газонами и американскими кленами и залита электрическим светом.

В подкрепление похвал нашей улице поделюсь следующей историей. Губернский архитектор Л.А. Большаков зашел как-то по делам в служебный кабинет санитарного врача Когана, и, увидев у него на столе план города, заметил в шутку: «Что это у Вас мухи разными цветами... план?» Коган ответил, что он санитарный врач, и это он сам условными разноцветными значками отмечает места, где в городе вспыхивали какие-либо эпидемии. Большаков заинтересовался, попросил посмотреть санитарное состояние переулка, где находится его квартира. А там оказался целый цветник из точек. Неприятно. Тем более, что у Большакова были две маленькие доч-

ки. Продолжили путешествие по плану города и обнаружили чистёхонькое местечко, прямо-таки «зона здоровья». Где это? Покровская улица (Энгельса): высокое место, сток воды на все четыре стороны, песчаная почва, район не перенаселенный. Архитектор сюда и переехал, купил у О.И.Иорданской второй ее дом, сломал его, выстроил по собственному плану дом-картинку с башней, с чугунной решеткой вместо обычного забора. Так он и сделался нашим уважаемым соседом. Сейчас там живут другие люди, шесть хозяев.

В ту осень, когда мы вселились в свой дом, заботы родителей были направлены, так сказать, на интерьер, чтобы достойно встретить на новоселье многочисленных знакомых, которые присылали поздравления и подарки. Мой крестный, Е.Г. Орлов, к тому времени директор школы слепых, привез дюжину венских стульев (70 с лишком лет прошло, а ни один не расшатался), Г.Н. Ботников (о нем речь впереди) доставил качалку, тоже у нас сохранилась. Традиционный подарок на новоселье - это хлеб да соль в чистом виде, однако более всего присылали торты, но обязательно с солонкой из серебра или хрусталя. Празднование новоселья, кажется, было приурочено к маминым именинам накануне знаменитого 17 сентября по старому стилю. В этот день женская гимназия почти пустовала: Веры, Нади, Любы и Сони не приходили на уроки. В нашем доме такой торжественный и многолюдный прием был первым и последним. Мне тогда было 9 лет, из гостей знал немногих, как проходил вечер не помню. Врезалось в память, как событие исключительное: из единственной в городе гостиницы приехали два лакея во фраках. Привезли они несколько раскладных столов и полную сервировку, различные закуски, кушанья и вина. Все это разместилось в двух больших комнатах с окнами на улицу, в комнате с выходом на террасу стояли два ломберных стола для карт, а в задней комнате хозяйничали лакеи, в их распоряжении была наша горничная Настя. Не могу понять, как это случилось,

что никаких деталей в моей памяти не сохранилось, тогда как многие мелочи, более ранние и поздние, стоят перед глазами.

## В ГИМНАЗИИ И МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Кончились великие праздники, начались великие будни. Моего первого учителя Пеликанова перевели в другой город. Вместо него в Образцовой школе появился Иван Петрович Лебедев. Учителем он был прекрасным, выдержанным, никогда не кричал и не сердился. Завел бальник для отметок по русскому, Закону Божьему, арифметике, прилежанию. Приходил он не каждый вечер, а раза три в неделю, в том числе в субботу, к 6 часам вечера. Он занимался еще с одним мальчиком, сыном нерехтского фабриканта, который сына своего держал отдельно, в Костроме, под присмотром старой гувернантки-немки. Иван Петрович иногда задерживался там на несколько минут и к 6 часам не приходил. Если это случалось в субботу, то меня одолевало богомолье, я рвался на всю ночь в церковь соседней школы слепых, доказывая, что учитель вообще не придет. Добившись разрешения уйти, я забивался в церкви в самый дальний угол, чтобы меня не нашли. Увы, Настя меня находила, шептала, что учитель пришел и меня ждет. Богомолье не состоялось. Помимо этих уроков, у меня были и другие – в музыкальной школе. Музыкальная школа помещалась в большом угловом доме, где и сейчас находится музыкальное училище. Хозяйкой была Варвара Сергеевна Сумарокова, из каких она кругов – говорила ее фамилия и немного грассирующая манера говорить. Преподавательницы - Середович, Усольцева по классу рояля и другие, по



скрипке и пению. Сама хозяйка-директорша предпочитала работать с учениками-мальчиками, т.к. мы, в отличие от девочек-плакс, стойчески переносили вопли вспыльчивой учительницы, когда делали ошибки в игре или даже совершали своего рода «рукоприкладство» – В.С. находила, что у нас не пальцы, а «макаронны» и требуемый удар, а значит и звук, поэтому не получается. В таких случаях В.С. брала палец-«макаронину» и даже очень чувствительно ударяла им по клавише и заставляла понять, какой звук должен получаться. Мы не обижались, понимая самые лучшие намерения В.С. Надо сказать, что в первые годы моей музыкальной жизни меня значительно больше привлекала балалайка, мандолина и гитара, с которыми гимназисты выступали в струнном оркестре, исполняя не только «Светит месяц» со многими вариациями, но и солидные нотные вещи. Только к шестому классу гимназии, после 4-5 лет принудительной игры на рояле, до меня дошло, какое удовольствие получаешь сам и слушатели, если сможешь в какой-то степени передать в игре талант композитора, сочинившего музыку. Очень часто, через 1-2 месяца, устраивались в школе ученические вечера-концерты. Слушателями являлись ученики школы и их родители.

Году в 1904 школу перевели на новое место, и она заняла второй этаж первого дома по улице Русиной-Советской, против несуществующей в настоящее время церкви Воскресения на Площадке, уступившей место павильону с мороженым. В новом помещении – концертный зал больше старого, эстрада с двумя роялями. Мы, четыре мальчика по 12-13 лет, выступали как-то с исполнением на двух роялях в восемь рук марша Черномора из «Руслана и Людмилы».

В годовой праздник училища в домово́й церкви служил архиерей. В какой-то момент службы появлялись перед амво́ном трое мальчиков-исполтатчиков, исполнявших концертного характера песнопение. Поскольку училище было женским,

то в отступление от правил исполтчицами были назначены девочки с лучшими голосами. В их число попала и матушка. Переволновалась она или перестаралась, но «петуха» пустила. Плакали все трое, и учительницы, и начальница шипели. А мудрый старик – его Преосвященство – перед тем, как по окончании службы отправиться к начальнице училища «откушать чаю», послал служку в кондитерскую, велел купить три коробки лучших конфет и принести ему. Во время чая попросил вызвать маленькую преступницу-исполтчицу, а узнав, что ей фамилия Соловьева, посмеялся, сказав, что и соловьи могут петь «кукареку», утешил все еще плачущую девочку, подарил ей на всех троих исполтчиц коробки конфет и «отпустил с миром», исключив возможность какого-либо наказания со стороны начальницы училища.

Возвращаясь к нашему музыкальному училищу, вспоминаю трагикомический случай с одним из мальчиков-учеников. Мы все, и, конечно, я в том числе, переживали этот случай очень тяжело. Сережа должен был исполнить на рояле довольно легкую вещицу. Поднявшись на эстраду и сев за инструмент, он от волнения все забыл, не начинал играть, а когда очень строгая учительница Ключарева довольно громко сказала, чтобы он начинал, Сережа закрыл глаза, ударил обеими руками по клавиатуре, вскочил и убежал из зала и навсегда бросил школу.

А вот еще эпизод из музыкально мира, поразивший меня. В голодные времена приезжала в Кострому студентка консерватории Козлинская, фамилию которой нельзя забыть. Встречался я с приезжей музыкантшей всего два раза у общих знакомых. Гимназия наша была единственной на всю губернию с ее двенадцатью уездами. Из последних при районировании отобрали у нас уезды Кинешемский, Юрьевецкий, Ветлугу, Варнавин, часть Нерехтского уезда с текстильными фабриками. Гимназистов было 800 человек в 8 классах. Обмундировали меня в серую суконную курточку со стоячим воротни-

ком, скрытыми стежками, такого же сукна брюки навыпуск и гордость – блестящая на поясном ремне бляха с буквами «ККГ», т.е. Костромская классическая гимназия. Это было не совсем верно, т.к. к моему поступлению отменили изучение греческого языка, а латинский с первого класса отодвинули до третьего класса. Из всех учителей, людей нормальных и даже доброжелательных, выделялся своей жестокостью и подлинным отвращением к нам, малышам, учитель французского языка Митрофан Митрофанович Синицын, довольно молодой человек. Может быть, он был тяжело болен, и ничего ему было не мило. Он почти не говорил с нами, не объяснял, ограничивался заданием урока по учебнику, а за уроком вызывал к доске писать неправильные глаголы, при малейшей ошибке объявлял: «Двойка», отсылал на место и вызывал следующего. Было бы лучше, если бы он кричал, сердился, а не шипел и не глядел на нас, как удав. К нашему счастью, он недолго нас мучил, на смену пришла уже стареющая учительница Мария Александровна Вознесенская, жена директора Городского училища. Она кое-чему нас научила. Вообще же с французским языком у нас была чехарда: становились учителями, надев на себя преподавательский форменный сюртук, гувернеры детей очередных губернаторов: Борель, Буассон, Дестор, почти не говорившие по-русски. Один из них, когда сердился и желал нас бранить, кричал: «О, Ви пьянис». Это мы-то, дети из 1-3 классов, пьяницы! Во всяком случае мы не обижались, но со своей стороны потешались всячески над такими педагогами. Например, в Великом посте перед уроком один из учеников выходил к доске, делал вид, что читает молитву (хотя такие были давно отменены), болтал, что попало, вроде: «Ах вы, сени, мои сени..», а весь класс, встав на колени, залезал под парты, француз, уважая «религиозный» обряд, стоял смиренно и ждал, пока нам не надоедало валяться под партами. Один подобный случай кончился для Пашки Козлова, сына мелкого торговца-лавочника,

весьма печально. Он, потеряв чувство меры, без разрешения учителя вышел из класса, а через несколько минут просунул из коридора в класс голову в полуоткрытую дверь, начал под хохот всех ошеломленных дерзостью учеников выговаривать такие слова приветствия учителю, что повторить их, а тем более запомнить нельзя. А во время этого дикого номера по коридору проходил инспектор, он все видел, слышал и понял. Козлов исчез из гимназии навсегда. Дежурному по классу было приказано ранец Козлова с книгами и тетрадями сдать надзирателю (помощник инспектора). Родители мои знали, что с французским в гимназии у меня ничего путного не получится, были вынуждены подтянуть меня при помощи репетиторов: престарелой мадам Фливерк и позднее молодой девушки Груздевой, только что окончившей Смольный институт. Говорить на этом языке меня не научили, но понимать

и читать французский текст мне не представляло трудности.

С немецким языком дело обстояло из рук вон плохо. Немец Доцауер, несмотря на то, что всю жизнь провел среди русских, не пожелал правильно говорить по-русски. Обращаясь к ученику, всегда начинал так: «Ты шорт такой», а когда кто-либо просился выйти, то разрешение сопровождалось издевательскими словами: «Там для тебя настоящее место». Второй учитель был русский, очень состоятельный человек, потому держался даже с начальством независи-



*Гимназист Саша Лаговский.  
1 класс. 1900 год.*

мо. Мужик невредный, но самодур – Иван Петров Федотов. Он невольно оказал мне плохую услугу. Я вообще не любил (и не люблю) немцев, это чувство переносил на их язык, а Федотов, начиная со средних классов, ни разу не спрашивая с меня урока, просто ставил мне пятерки. Естественно, мне и в голову не приходило учить немецкий. Дело вот в чем. Был организован ученический спектакль под руководством жены директора Шамолина. В одном из одноактных водевилей под названием «Старые холостяки» мне была отведена роль такого холостяка. Я согласился играть с тем условием, чтобы Борис Славочинский меня «натаскал» и, во-вторых, сидел суфлером в будке. Меня загримировали так, как я выгляжу в настоящее время. Одели в папин жилет и сюртук, набив их подушками. В таком виде я и выступал. Была там одна сцена игры холостяков в винт, а надо сказать, что все учителя были винтерами, да и я дома наглядился ни эту игру, почему общий успех достиг вершин, когда я объявил «большой шлем» и остался без трех. После этого моего выступления Федотов, вызывая меня на уроке, не мог даже спрашивать от смеха, отправлял меня на место и ставил пятерку. Такой порядок и укоренился в ущерб моим знаниям. Среди прозвищ учителей были: Коля-пряник, Коза, Копчушка, Паровоз, Серко. Все эти словечки весьма меткие, так что даже посторонний человек не ошибся бы и сразу признал в латинисте Мурашеве – Колю-пряника. Особо стоял математик «Саша-мерин». Фамилии его не назову, имея в виду неприличное прозвище и латинское выражение *Nomina sunt odiosa*. Был он толст, апатичен, ленив, ничем, по-видимому, не интересовался, объяснял уроки плохо, а когда забирал на дом наши тетрадки с классными контрольными работами, то их никогда не возвращал, т.к. оставлял непроверенными. Такое положение привело к тому, что часть учеников сдавали совершенно чистенькие тетрадки, не затрудняя себя решением задач. Все резко изменилось, когда к нам уже в старших классах пришел только что кон-

*Все было именно так...*

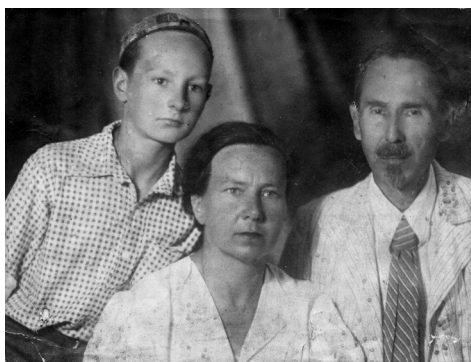
---

чивший университет математик Павел Дмитриевич Яковлев. Спасибо ему, он привил вкус к науке, и в частности к тригонометрии. Я не только понимал, в чем дело, но и работал с большим удовольствием, однако из-за прежней запущенности не мог даже к VIII классу выбиться из четверок, хотя и числился первым учеником. П.Д. был справедлив и не хотел давать мне поблажки, а говорил, что исправить дело можно будет и на экзамене. Так оно в будущем и получилось.

## ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Параллельно с гимназией и музыкальной школой шла у меня и домашняя, так сказать, личная жизнь. В семье нашей все было отлично и довольно патриархально. Когда отец уходил на службу, он обязательно кричал из передней: «Люда, я ушел», и также обязательно получал ответ: «Иди с Богом». По вечерам, отправляясь спать, я никогда не забывал сказать: «Покойной ночи, папа, покойной

ночи, мама». Если вечером родители отправлялись к кому-либо в гости, то утром я обнаруживал у себя под подушкой яблоко или апельсин, или конфету. Это бывали лакомства редкие, не как теперь у моих внучек, которые походя жуют пирожные, фрукты и т.п., против чего мы с



*Семья Баженовых: Д.И. Баженов  
с женой и сыном. 1940-е годы.*

женой пытаемся протестовать, но безрезультатно. Товарищами моими по играм были мальчики-гимназисты, которых на полном пансионе содержала наша бывшая хозяйка, а позднее соседка, О.И. Иорданская. Игры только во дворе и в саду, за ворота выбегать запрещалось, и это соблюдалось настолько строго, что переходы с одного двора на другой совершались только через забор. Вождем и организатором считался один из двоих мальчиков Чистяковых – Валентин. Несмотря на то, что был он уродливо горбат, да к тому же видел лишь одним глазом, повредил второй, разбив патрон от двухстволки. Он олицетворял жизнерадостность, находчивость и острый ум. Его брат Борис, тоже постарше всех из нашей стайки, держался несколько в стороне. Со временем, сделавшись врачом, он покинул не только нас, но и Россию, предпочитая лечить арабов в Александрии.

Зимой устраивали гору с валами при спуске, каток для коньков, катались на лыжах в Ушаковскую яму. Это был огромный глубокий котлован, образовавшийся от добычи там песка с незапамятных времен для строек в городе.

Ездили на горы и за Волгу. Один из таких выездов кончился для меня очень прискорбно: сломал чудесную дорожную норвежскую лыжу. Естественно, что уцелевшая вторая никуда не могла пригодиться. Делали подкопы в сугробах, куда залезали ползком на животе или спине – по вкусу. У меня на дворе такой лаз был длиннее, чем у других, и оканчивался пещерой, где можно было даже сидеть на корточках. Светильниками приспособили чернильницы, куда наливали немилосердно коптивший керосин. В светелке нашего дома организовали общественную химическую лабораторию, но в ней ограничились опытами только с порошком фуксина, пачку которого кто-то принес на алтарь науки. Несчастный фуксин кипятили, выпаривали, разливали в колбочки, но философского камня, о котором мы уже читали, не получалось, однако алхимики были довольны, а это главное. Как-то в нашу «лабораторию»

заглянули как бы на экскурсию две гимназистки-третьеклассницы. В виде особого расположения к одной из них и в знак уважения, я, как хозяин лаборатории, на русую головку бросил щепотку порошка фуксина. Когда на следующий день девочка явилась в гимназию с целой прядкой красных волос на голове, начальница ужаснулась, однако, узнав на допросе, что виновником является сынок уважаемого преподавателя математики Виктора Никаноровича, нашла возможным предать инцидент забвению, но фуксин был изъят, и лаборатория закрыта. Вместо нее соорудили из двух кроватей, стульев и одеял фургон для интереснейших путешествий с географическим атласом на коленях. Обычно в путешествии принимали участие двое: хозяин-ученый, член академии наук, и его слуга, он же кучер и повар. Роли менялись часто, т.к. одному надоедало копаться в картах, а другому нещадно хлестать по лошадям-табуреткам и стульям.

Хватало времени и для чтения. Для меня выписывался журнал «Вокруг света». По оформлению очень бедному, он не шел ни в какое сравнение с современным одноименным изданием, но по своему содержанию давал многое. Многочисленные морские рассказы журнала перекликались со Станюковичем, полное собрание сочинений последнего было в библиотеке отца. Мой крестный Егор Геннадьевич Орлов подарил мне подписку на журнал «Юный читатель». Из обширной библиотеки при общественном клубе, наряду с «Историческим вестником», «Вестником Европы», «Миром Божьим» для родителей брали и для меня «Родник». В этой библиотеке за толстенной регистрационной книгой восседала старая-престарая благообразная старуха Крепион, а ее помощник подросток Федя лазал по стеллажам и выдавал книги. Много лет спустя этот Федя, уже будучи директором банка, приехал к нам домой, чтобы выяснить со мной какой-то путаный финансовый вопрос. Когда он и моя матушка встретились лицом к лицу, оба страшно обрадовались, матушка спросила:





*Катание на лошадях. Нач. XX в.*

«Вы ли это, славный мальчик из библиотеки?» и получила в ответ: «Тот самый, которому Вы иногда за расторопность дарили двугривенные».

Моя матушка обладала чувством юмора, быстро подмечала в людях что-то характерное, не бросавшееся сразу в глаза. Забыв или даже не зная фамилии человека, о котором хотела поговорить, мама одним жестом или интонацией слова заставляла окружающих понять, о ком идет речь. При таких способностях она могла бы выступать на сцене, чего ей очень хотелось, но этого ей добиться не удалось, ведь она жена учителя, и ее участие даже в любительских спектаклях считалось бы чем-то зазорным. Тяга к театру компенсировалась посещением спектаклей профессиональных актеров.

Город наш до первой мировой войны был невелик – всего 42 тысячи. Естественно, что никакая пьеса не выдерживала повторных постановок. Во время театрального сезона каждую неделю ставилось по четыре разных вещи. Играли, конечно, под суфлера. Акустика в театре замечательная. Говорили, что здание в этом отношении одно из лучших в

*Все было именно так...*

---

России, и теперь никаких микрофонов не ставят. Приезжали Адельгеймы, Орленев со своей коронной ролью Федора Иоанновича. По нескольку сезонов в Костроме выступали Певцов, Жихарева, Костромской (Чалеев). Все они впоследствии перешли в Московский Малый театр, а Н.Ф.Костромской работал там даже директором театрального училища. По воскресеньям шли дневные спектакли в Народном доме. Там и началось мое знакомство с театром. Матушка эти спектакли не пропускала и всегда брала меня с собой, благо билеты были дешевые – первый ряд 40 копеек, втрое дешевле, чем в городском театре, и разрешения для меня не надо было ни от кого, т.к. я в гимназии еще не был. Недавно я набросал список пьес, которые видел на своем веку. Оказалось, около двухсот, а вероятно, и больше, т.к. память несовершенна. Не говоря о таких, как «Горе от ума», «Ревизор», комедии Островского, врезались в память вещи Шиллера, Шекспира и других классиков. Помню пьесы Сумбатова «Старый закал», «Казенная квартира». Как успевали менять декорации при отсутствии вращающейся сцены – уму непостижимо, да часто еще дава-



*Театр в Костроме. Нач. XX века.*

ли водевиль. Когда я был в младших классах, то даже в тех случаях, когда предполагался выход вместе с родителями, следовало получить разрешение от инспектора гимназии, а он осведомлялся, есть ли у меня мундир, и, узнав, что его нет (он появился у меня лишь к шестому классу), посылал к эконому, чтобы получить подходящий по росту мундир из пансионских запасов. Никакого контроля при входе в театр не было, никто не хватал за рукав и не требовал билета. Для зрителей, занимавших места в партере, был гардероб, а люди, занимавшие ложи, оставляли свои пальто и калоши в коридоре у дверей своих лож, где были пристроены и вешалки. Никогда не бывало случая пропажи вещей из коридора. Вот сейчас, когда я рассказываю дочке и внучке о таких порядках, мне говорят: «Да что ты, дедушка, ты что-нибудь путаешь и не говори никому об этом». Я и воздерживаюсь, не говорю об этом вне дома.

С 1905 г. гимназистам уже не нужно было просить разрешения на посещение театра, чем я с согласия родителей и воспользовался, благо не приходилось платить и за билеты, т.к. в течение нескольких сезонов у матери моего товарища Бориса Славочинского была бесплатная ложа бенуар, которую ей предоставлял ее родственник – председатель коллектива артистов, снимавших театр у города. В эту ложу я и являлся четыре раза в неделю, за что в гимназии по поведению за три четверти у меня стояли четверки. Последняя четверть, когда театральный сезон кончался, приносила мне пятерку, а, следовательно, и годовая отметка была такая же.

Летом, после переезда в свой дом, много времени у отца занимали работы в саду, и я не отходил от отца и тоже трудился. В саду – аллея столетних лип, аллеи сирени, орешник, на искусственном пригорке – крытая беседка, посередине сада – утрамбованная площадка для крокета или для городков, в южную сторону – яблони и сливы. Дела хватало, дорожки надо очистить от травы, и за это отвечал я лично.

Удивительная история, не понимаю до настоящего времени: ни о каких вредителях на яблонях никто и не слышал, никаких опрыскиваний ядохимикатами не требовалось, а теперь приходится три наших яблони без конца опрыскивать, и все без толку. В чем дело? Сливы держатся, не поддаются вредителям, размножаются они вегетативно и бурно, так что я раздаю молодняк своим знакомым для их кооперативных садов. Между садом и огородом стояла баня в два окна. Топили ее раза два в месяц, была она не «по-черному», а с печкой-каменной и полком, на который отец по старой деревенской привычке забирался с веничком.

В огороде было все, что полагается, но больше всего клубники, а о картошке, конечно, и речи не могло быть. Около самого дома небольшой цветник с летниками и розами. Эти последние в количестве сорока штук были подарены сестре, репетировавшей девочку какого-то богатого чина, когда последний перевелся в другой город. В этот же цветничок отец осенью высаживал луковицы гиацинтов, которые выписывал непосредственно из Голландии. Первые цветы они давали зимой дома к Новому году, а в грунт попадали уже ослабленными для второго цветения, но зато вылезали весной прямо из-под снега и радовали глаз. У отца были легкая рука и знания, все у него росло прекрасно, чего не могу сказать про себя, хотя у меня «охота страшная, да участь горькая» и плюс мои годы. Все эти работы при жизни отца проделывались без помощи садовников или дворников, разгребка снега зимой во дворе и на улице – тоже. Горничная или кухарка не имели никакого отношения к таким работам.

Попутно скажу о горничной Даше, которая выказала медицинские способности. У меня на руке выросла бородавка, с ней неприлично появляться в музыкальной школе, да и вообще это безобразно. Никакие ляписы и прижигания кислотами не помогали. Даша взяла внутренности только что зарезанного цыпленка, натерла ими то место на руке, где си-

дела бородавка, но этим не ограничилась, заставила меня совершить некоторые ритуальные действия: выкопать в земле ямку и закопать в нее куриные кишки. Все это было проделано. Даша порекомендовала бросить всякие мази и забыть о лечении. Бородавка исчезла бесследно, не оставив даже рубчика, и очень скоро. Действительно, есть вещи, которые не снились мудрецам. Часто к нам приезжали родственники. Из Череповца на несколько месяцев был прислан сын дядюшки Федора – Арсений. Он запустил в училище математику, и отец взялся поправить дело, хотя было это нелегко: Арсений – балованный подросток, курил в открытую и сразу одновременно две папиросы, одна, видите ли, его «не удовлетворяет». По году жили у нас дети дядюшки Петра: Муся, прекрасная музыкантша, предпочла VIII класс кончить в Костроме, и Сергей, студент Петербургского университета, высланный из столицы за активное участие в студенческой демонстрации у Казанского собора. Если бы он поехал в Глазов, где дядя был директором прогимназии, то это могло бы неблагоприятно отразиться на службе отца, ну, а в Костроме это не бросалось в глаза, и Сергей на год устроился на работу в земстве. После революции он был преподавателем в Ленинградской промакадемии.

## ЭКЗАМЕНЫ

За свою жизнь мне пришлось держать, вероятно, штук сто экзаменов, и я заметил, что чем больше волнуешься, тем лучше выходит. Такое ответишь, чего ранее как будто и не знал. Был ответственный экзамен по закону Божьему. Архидерея не было, за столом сидели незнакомые старые священники. Стою перед ними, жду вопросов (билетов по этому



*Гимназист выпускного  
8 класса Костромской  
мужской гимназии  
Александр Лаговский. 1908 год.*

предмету не полагалось). Слышу прямо философский вопрос: «Почему обязательно выполнение заповедей Господних?». Не знаю, откуда что взялось, но я без задержки выпалил текст: «Иго бо мое благо и бремя мое легко есть, всяк дар совершен сходит от тебя, Отца светов». Где это написано – до сих пор не знаю. «Иди, голубчик, с миром, пять».

Поскольку в немецком языке уверенности у меня не было, а все знали, что из года в год на экзамене давали переводить без подготовки одну и ту же книгу «Историческая проза», то я со своими друзьями пошел в книжный магазин Бекенева в рядах против теперешнего фонтана, а ранее против водонапорной башни, мы купили такую книгу, предложили всем желающим хотя бы бегло просмотреть тексты, собраться вечером накануне экзамена на Муравьевке. Собрались, почитали, подготовились, и на экзамене никто не провалился. Латынь – Тит Ливий и «Метаморфозы», Овидия – тоже благополучно миновали.

Опять уклоняюсь в сторону, необходимо уточнить вопрос о книжной лавке. Была она единственная на весь город, маленькая, на два раствора, с одним приказчиком, стариком Алексеем Ивановичем Молчановым, большим знатоком и книголюбом. Он мог достать любую книгу, и магазин являлся как бы клубом для многих учителей. Зимой они рассаживались в магазине, а летом для них стоял деревянный диван на

галерее. На мою жизнь и понимание ее, несомненно, оказали влияние два мальчика, с одним из которых у меня до сих пор ведется деятельная переписка. Он почти мой ровесник, постарше на год. Это Дмитрий Жохов. С ним за одной парте в гимназии мы просидели весь курс, за исключением одного года. Дело в том, что у нас в пятом классе появился новичок – Яков Чемодуров, сын председателя Окружного суда. А отец Дмитрия был членом этого же суда, и в их семьях мамыши решили, что для Яши будет лучше, если Митя возьмет над ним шефство и будет соседом по парте, да к тому же оба они «Рюриковичи». Через год, когда Яков осмотрелся, Дмитрий сбежал опять ко мне, хотя Яков был, вообще, неплохим товарищем. Фамилия Дмитрия была довольно примечательна уже по одному тому, что и улица, где стоял их большой старинный дом, называлась Жоховским переулком, и был он совсем близко от нас, так что и вне гимназии мы были почти соседями. Разумеется, что впоследствии было сочтено более современным дать новое название «Сакко и Ванцетти», а затем их развенчали, и появилась улица Войкова. Тут явная недооценка в Костроме первоначального названия, т.к. даже на всех картах мира один из островов в Северном ледовитом океане декретом советской власти поименован «Островом Жохова», т.к. открыт он русским морским офицером Алексеем Жоховым, братом Дмитрия. В первую германскую войну другой брат, инженер-кораблестроитель Сергей, будучи призван в армию как прапорщик, быстро дошел до командира полка и был в этой должности, так и оставшись прапорщиком. А вот старшего брата Анатолия не уважали даже в своей семье. Знаменит он, пожалуй, тем, что в 1913 году, когда государь приезжал в Кострому, Анатолий успел в один день три раза представляться ему, меняя мундиры: прапорщика запаса, кандидата на судебные должности и просто мундир дворянина. По работе кандидатом в суде он тоже выделился: писал только гусиными перьями, не пользовался промокательной бумагой,

а засыпал написанное песком из специальной песочницы. Что история с мундирами действительно имела место – можно поверить, т.к. о ней мне рассказывал Дмитрий, который не щадил старшего братца.

Дмитрий был мальчиком очень способным и развитым, со скептическим складом ума. Занимая место на первой парте, он славился как мастер подсказки, своевременной и верной. У его отца, действительного статского советника, т.е. генерала, была громадная библиотека с книгами не только на русском языке. Для своего положения он выделялся весьма либеральными поступками. А старик Жохов был кандидатом на сенаторское кресло, но так и остался членом Окружного суда. Семьи моя и Дмитрия знакомства не поддерживали, да вряд ли были и знакомы, а дружились только мы. Дмитрий пытался выводить меня в «свет», но неудачно.

Во время выпускных экзаменов у нас было условие по вечерам не засиживаться за книгами, чтобы не «переучиться», а приходиться на бульвар, который в настоящее время называется парком культуры и разросся за счет взорванных старого и нового соборов. Кто не являлся на бульвар, тому присваивалось звание «зубрилки». На бульваре четыре вечера в неделю играл военный оркестр в специальной беседке-раковине, исполнялись популярные марши, вальсы, мелодии из опер. Специальной танцевальной музыки не давалось, т.к. и танцев не было, и танцевальной площадки не существовало. Против музыкального павильона располагался летний ресторан с отдельными беседками и фонтаном посередине. В бассейне плавали рыбы, пока повара их не вылавливали и не приготавливали по заказам посетителей. В ресторан мы, конечно, были невхожи, да и позднее мне никогда не приходилось там бывать.

Закончив экзамены, мы собирались отпраздновать событие именно в этом ресторане, но затем отказались от этой мысли: во-первых, дорого, а во-вторых, у нас нет опыта. Решили устроить пикник в подгородном лесу, где теперь ж.д.



вокзал. Не помню, кто взял на себя хозяйственные заботы, закупил и легкие вина (первый раз! В гимназии мы понятия не имели о выпивке). Вина оказалось больше, чем следовало. К счастью, нас выручили гимназические «дядьки» – классные уборщики из отставных солдат, которые, узнав, куда мы отправились, явились к нам с поздравлениями и быстро ликвидировали все, что было на пиршестве. В тот вечер у нас дома тоже праздновали мое окончание, были гости. Я не осрамился и явился домой в полном порядке. Помню, что на моей белой рубашке сияли вместо гимназических серебряных пуговиц уже золотые студенческие, т.к. в те времена не могло быть сомнений, поступишь или нет в университет. И в столичные университеты не могли поступать только евреи и семинаристы. Последних принимали в Варшаве, вероятно, в целях русификации. Дмитрий возвращался с пикника в сильном подпитии, не доходя до дома, присел на скамеечку у полицейской будки, что на углу его и нашей улиц, и начал почему-то громогласно поносить своих родителей, к ужасу старика-полицейского Карпа Ивановича, которому все же удалось избавиться от Дмитрия, но тот решил отправиться на квартиру Павла Груздева и там учинил разнос за то, что отец Павла служил надзирателем в тюрьме. Попутно не могу удержаться от того, чтобы не повторить рассказ внучки, ученицы 9 класса, о том, что недавно, в декабре 1973 года, их девочка из 10 класса была задержана пьяной и доставлена в вытрезвитель. В школе она благополучно продолжает ожидать диплома. А в 1907 г. из гимназии исключили моего товарища Гришу Мичурина за то, что он весной, когда под окнами еще сохранились сугробы, будучи хорошим спортсменом и на спор с одноклассниками, выскочил из окна второго этажа в сугроб и невредимым вернулся в класс. В 1909 г. ему разрешили держать выпускные экзамены вместе с нами. После выпуска мы расстались с Дмитрием, т.к. он поступил в Петербургский политехнический институт, а я в Московский университет, и встречались

только на каникулах в Костроме. С началом первой немецкой войны, а затем и гражданской мы совсем потеряли друг друга.

Недалеко от нас на гимназической парте сидел Борис Ростовский. В шестом классе он выглядел уже юношей, был старше нас года на два, т.к. в каком-то классе «сидел», и мы его догнали. В городском театре в антракте Борис прогуливался со знакомой девицей, была она красива и приглянулась молоденькому офицеру, который, не будучи знаком, начал заговаривать с ней, против чего Боря запротестовал. Подпоручик увидел, что перед ним гимназист, и позволил себе, хотя и в шутку, взять Бориса за ухо, а тот, не будь плох, развернулся и ответил ударом по лицу, но тотчас же бросился бежать. Подпоручик сообразил, что ему, битому, нельзя оставаться в полку, если он немедленно не накажет обидчика. Обнажив шашку, он пытался догнать Бориса, но тот скрылся. На другой день утром, установив фамилию и адрес Бориса, он явился к его отцу, директору госбанка, и потребовал, чтобы отец выпорол Бориса. Получив отказ, подпоручик нанес, хотя и символический, удар старику. Кончилось это тем, что подпоручику по требованию офицеров полка пришлось навсегда снять мундир офицера. Борис же сделался героем гимназии, его качали не только в нашем классе, но таскали и в другие классы для того, чтобы качать и там.

В связи с этим вспоминаю еще один случай. Наша семья никогда не была связана с военной средой, однако в годы после несчастной японской войны у нас в доме стал часто появляться «запросто», без особых приглашений знакомый моей сестры, офицер поляк Маевский. Безукоризненно воспитанный, он держал себя прекрасно, завоевав симпатии всей семьи, а мое расположение в особенности. Дело в том, что у него была собственная верховая лошадь, сам он пользовался ею мало и предложил мне освоить в какой-то степени верховую езду. Разумеется, я был в страшном восторге, и когда, кое-как освоив премудрость, выезжал за ворота и «гарцевал»



*Гимназисты первой мужской гимназии: Саша Лаговский-  
первый справа; третий справа - Дмитрий Баженов,  
сын Ивана Васильевича Баженова, известного костромского  
историка и богослова. 1903 год.*

по улицам, чувствовал себя на седьмом небе. Так вот, этот Маевский на Русиной (теперь Советской) улице среди бела дня каким-то не вполне трезвым мужчиной был остановлен, обруган ни за что ни про что. Маевский не хотел раздувать инцидент, потребовал только, чтобы незнакомец отступился, но в ответ незнакомец начал сталкивать Маевского с тротуара на дорогу. Получалось так, что Маевский оказывался тоже «битым». Он вынужден был обнажить шашку, ударил ею по правой руке обидчика, а когда увидел, что из рукава показалась кровь, крикнул извозчика, посадил раненого на пролетку, сел с ним сам и сдал его в больницу. Все хорошо, что хорошо кончается.

## В УСАДЬБЕ ЧАЛЕЕВЫХ ГОТОВЦЕВО

Был у меня гимназический друг Борис Славочинский. Старше меня на один класс, но связанный со мной, во-первых, тем, что мы вместе ходили в музыкальную школу, а во-вторых, и тем, что семьи наши поддерживали между собой многие годы дружеские отношения. Отец Бориса был военным моряком, командиром корабля на Черном море. Борис по отцу поляк, а по матери, урожденной Де Лобель, уж не знаю какой национальности. Однако сам он считал себя русским, т.к. какие-то родственные связи были со старой галичской дворянской фамилией Чалеевых. Плававший еще на парусных военных кораблях адмирал Ф.Н.Чалеев с женой проживал в крохотной усадьбе Готовцево на реке Тебзе, верстах в 25 от Галича. Подробно останавливаюсь на подробностях, т.к. два лета подряд, будучи шести и семиклассником, жил в этой усадьбе вместе с Борисом и его матерью Лидией Дмитриевной. Но не в качестве гостя или приживальщика, а как дачника-постояльца. Только на таких условиях мои родители и приняли приглашение для меня в Чалеевскую усадьбу. Помню прекрасно, как конфузилась адмиральша, принимая золотые монетки за «проживание». По всему расположению усадьбы видно, что когда-то здесь был большой барский дом, подъезжать к нему нужно было по запруде между двух больших копанных прудов. Вместо старого дома, очевидно, сгоревшего, стоял деревянный флигель со свежей деревянной пристройкой в несколько комнат. Флигель соединялся длинным холодным коридором с кухней. Над флигелем была светелка, где мы с Борисом и размещались. Судя по тому, что через дорогу от жилого дома сохранились каменные большие конюшни, коровники и другие помещения хозяйственного на-

значения, можно было предполагать, что когда-то усадьба процветала. Через широкий двор перед домом можно пройти в запущенный сад, в котором аллея не из традиционных лип, а из рябин вела к церкви. Аллея, как мне помнится, была около полуверсты. Прекрасный широкий кругозор по долине реки Тебзы. Речка эта оказалась целительницей. Зимой и весной перед поездкой в Готовцево у меня были ревматические боли в правой руке. Порошки, прописанные папиным товарищем доктором Понизовским, не помогали, была надежда на лето. При первой поездке с Борисом и его матушкой мы ехали поездом на Ярославль, там паромом на другую сторону Волги к узкоколейке до Вологды с пересадкой до Галича, где нас встретили лошади из усадьбы. Никакого сравнения с современным транспортом прямо на Галич.

Правая рука висела у меня плетью, но я не мог отказать от купанья, да по нескольку раз в день. Надо сказать, что берега Тебзы были какие-то желтые - очевидная связь с Солигаличским курортом и грязелечебницей. Ходили и по лесам, и по болотам, сапоги и чулки вечно мокрые. Очень скоро я забыл о ревматизме, и он у меня больше не повторялся. Одновременно с нами в Готовцеве жил сын адмирала Николай Федосеевич, очень хороший драматический актер под фамилией Костромской, т.к. адмирал не допускал возможности, чтобы фамилия Чалеев «трепалась» на подмостках театров, хотя бы императорских, где впоследствии в Малом московском театре и выступал Н.Ф., будучи одновременно директором театрального училища. Н.Ф. бывал постоянно с нами: купанье, прогулки в лес, игра в городки, чтение книг из обширной библиотеки в усадьбе. Иногда Н.Ф. поднимался к нам в светелку с томиками Салтыкова или Горбунова и читал вслух. Мы катались от смеха, умоляли пощадить нас, дать передышку. Потом я видел Н.Ф. в театре, в пьесе Андреева, в роли городского, проходившего мимо студентов. Не было произнесено ни одного слова, но Н.Ф. одним своим появле-

нием вызывал восторг и аплодисменты всех зрителей. Конечно, он был непревзойденным Фамусовым. Здесь не могла не сказаться порода. Такого царя Берендея, какого давал Н.Ф., мне видеть больше не приходилось.

Заходили мы и к соседям, километров за пять. Запущенная усадьба Вальмуса с хозяином, тоже запущенным, напоминает чем-то обстановку, в которой оказалась Наташа Ростова у своего дядюшки после выезда на охоту. Близ усадьбы Вальмуса, под горой, ближе к Жаркам, был хутор какого-то отставного чиновника Готовцева, страстного охотника, занимавшегося разведением гончих собак особой костромской породы, отмеченной по достоинству писателем Пришвиным. Между этими домами Вальмуса и Готовцева произошел трагический случай с матерью Бориса. Ей захотелось навестить дочь адмирала, которая, вопреки воле родителей, допустила «мезальянс», выйдя за сына костромского купца-рыбника Скалозубова, и поселилась в том же Галичском уезде в небольшой усадьбе Скалозубовых. Лидия Дмитриевна, так звали мать Бориса, выпросила у адмирала лошадей, и все мы в каком-то рыдване на тройке двинулись в путь. Недалеко от усадьбы Вальмуса дорога спускалась под гору к мосту через речку. Кучер был плохой, тройка не выезжена и на спуске не убавила ходу. Л.Д. так испугалась катастрофы, что выскочила из экипажа, а он через каких-нибудь 5 сажен остановился. Мы бросились к Л.Д. и сразу же увидели, что у нее на одной ноге открытый перелом кости, которая даже чулок прорвала и торчит наружу. Надо везти в Галич. Взяли у Вальмуса чудом сохранившееся ландо, уложили Л.Д. и отправили ее вместе с Борисом в Галич. Там ногу ампутировали. Борис не только присутствовал при операции, но, по просьбе хирурга, даже помогал чем-то. Думаю, что этот случай послужил толчком к тому, что Борис поступил на медицинский факультет и сделался незаурядным хирургом. В дальнейшем влечение к артистической

деятельности все же пересилило и выдвинуло его на пост профессора ГИТИСа.

После печального происшествия с Л.Д. одному, без Бориса, не было смысла мне оставаться в Готовцеве, и я вернулся домой, но предварительно сходил пешком верст за 10 на родину отца, в погост Троица Чудца, где дедушка Никанор Алексеевич, умерший еще до моего появления на свет, служил дьяконом, а по существу крестьянствовал, т.к. приход при отсутствии государственного жалования, являясь беднейшим в уезде, почти ничего не давал. Отец рассказывал, что дедушка вел хозяйство сам, без работника, сам пахал свой участок, боронил, сеял и деревянной колотушкой разбивал на поле комья земли - суглинок. Когда единственная корова телилась, то теленок выкармливался тут же в избе, где жила вся семья. Бабушка Вера умерла рано, и за хозяйку была старшая дочь Нонна. К моему появлению на погосте церковь, разумеется, была цела, но мне удалось заглянуть туда только через окна, т.к. двери были заперты, а сторожа я не нашел. Меня окликнула какая-то пожилая женщина, спросила, кто я и откуда, а узнав, что я внук дьякона Никанора, обрадовалась и сказала, что священник на службах до сих пор поминает «за упокой» дьякона Никанора и жену его Веру. Могилы бабушки найти не удалось, а дедушка был похоронен в Череповце, где умер у дяди Федора, своего старшего сына. Второй раз в следующем году мы с Борисом добрались до Готовцева «на долгих» с городским извозчиком, который постоянно обслуживал Л.Д., ходившую с большим трудом на неудачно сделанном протезе. В это второе лето Н.Ф. Костромской приезжал к родителям вместе со второй своей женой Софьей Феликсовной Волховской, тоже весьма талантливой актрисой, что и было доказано ее последующей работой в Москве. Боюсь, что я повторяюсь, но мне хочется еще раз остановиться на колоритной фигуре адмирала. С утра он одет в полную морскую форму. Требуется строгого соблюдения «адмиральского часа» в 12

часов. Один раз его поймали самого за нарушением порядка: ему хотелось есть, но 12 часов еще не было, так старик залез на стул, передвинул стрелки часов и выговаривал адмиральше за опоздание. К столу подавалась только для него банка с оливками. Ввиду особого расположения к Борису и ко мне, он угостил оливками и нас. Гадость в лампадном масле... Борис проглотил, а я сумел этот деликатес сплюнуть незаметно в носовой платок. За обедом соблюдалась тишина, а когда Борис, забывшись, замурлыкал мотив из какой-то оперы, старик был глубоко возмущен. Старый закал в нем сказывался.

Как-то во время грозы все мы сидели на открытой террасе за столом, адмирал же стоял у барьера. Когда раздался очень сильный удар грома, и молния расщепила березу по другую сторону двора, все мы оказались на полу около стола, адмирал же даже не дрогнул, но выдержки своей не счел нужным подчеркивать. За одним обедом оказались «неплановые» жареные утки. С ними он попал в неловкое положение. Со своей террасы он увидел, что в пруду плавают утки. Почему-то он решил, что это утки не их, а чужие, из деревни. Забрав из комнаты мелкокалиберное «Монте Кристо» с патронами на одну пульку, адмирал «открыл огонь» по уткам. Услыхав выстрелы, адмиральша поспешила к мужу: «Что ты делаешь, Феодосий Николаевич, ведь это наши утки!». Но все пять уток были «готовы», ни одна не ушла. Так вот я и познакомился с барской усадьбой, хотя и захиревшей.

## МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**В**осьмом классе мы начали подумывать, что дальше, когда получим аттестат зрелости. Был у нас предмет «Законоведение», вел его по совместительству член



окружного суда Стрешнев, отличавшийся чем-то от профессионалов-учителей и сумевший меня заинтересовать. Кроме того, мне было известно, что служащие магистратуры и в особенности прокуратуры стоят на каком-то исключительном положении: даже во времена жестокой реакции, когда губернаторы своей властью, пользуясь усиленной охраной, могли любого высылать из города и губернии, судебские и прокурорские работники под такой произвол попадать не могли. Также мне было известно, что в судебном ведомстве почти совсем не было титулованных и вообще лиц, пользующихся какими-то привилегиями перед остальными, и обязательный трехлетний кандидатский стаж для всех был законом без каких-либо исключений. Следовательно, от самого тебя будет зависеть, сможешь работать или нет. Тогда же в гимназии прочитал и А.Ф. Кони, того самого, который впоследствии из царских прокуроров и сенаторов, сняв красный с золотом мундир, не только сразу же признал советскую власть, но и активно для нее работал. В те времена у нашей семьи не было знакомых судебных и прокурорских работников, но мы знали, что в их среде немало лиц и из духовного звания, не из дворян. Все это и заставило меня склониться к юридическому факультету Московского университета. Так как я не был ни семинаристом, ни евреем, то меня обязаны были туда зачислить, тогда как семинаристы направлялись в Варшавский университет, вероятно, в целях русификации, или в Томский. Еврей мог поступить в Московский университет только в том случае, если кончал гимназию с золотой медалью. Таким был глазной врач в Костроме по фамилии Зак.

Отец мой высказывал желание, чтобы я поступил в Петербургский политехнический институт, куда золотых медалистов принимали без конкурсных экзаменов. Послали документы и туда, и на юридический факультет Московского университета. Матушка моя склонялась к последнему, как и я, сознавая, что с математической подготовкой дело было ис-

порчено. Первое извещение о принятии в политехнический институт вместе с поздравлениями по этому поводу прислал какой-то петербургский магазин готового платья с просьбой «почтить» заказом студенческой формы. Вот это оперативная работа! Фирма купила в канцелярии списки с адресами принятых и разослала ранее официального извещения. К осени было решено ехать в Москву. Студенческая рабочая, пока без сюртука, форма заказана в магазине Сутина, как всегда, в кредит. Вот как было поставлено дело. «Виктор Никанорович, зайдите в наш магазин, закажите что-нибудь, мы получили прекрасный товар». Отец отвечал: «Нет денег». Реплика Аарона Сутина: «Какие деньги? Их и не надо заплатить, когда захотите». Надо отдать справедливость, что фирма никогда никаких обязательств не требовала и счетов не присылала, а этим, естественно, привязывала заказчика к своему магазину.

В те времена почти вся торговля в Костроме, кроме продовольственных товаров, была в руках у евреев. Помню еврейские фамилии Азерских, Домбек - часовщики (у нас до сих пор, уже 70 лет, безукоризненно идут стенные часы), Глейзер, Верт, Грунац - аптекари, Кантарович, Раббот, Ратнер - готовое платье, Зак и Залкинд - канцтовары, Демме, Зауль - велосипеды и т.д. Из всех этих фамилий остались в Костроме только доктора Залкинд и Сутин, а все остальные после революции куда-то разъехались, кажется, что преимущественно в Москву. Никакого антисемитизма в Костроме не было, все были люди как люди. Была у них синагога, так же как у поляков костел, у татар мечеть с башенкой, откуда несколько раз в день кричал муедзин, и кирка для немцев.

В конце августа 1909 г. перед моим отъездом матушка меня благословила, отец с особым значением для молодого человека просил быть очень осторожным в своих увлечениях. Извозчик к вечернему московскому поезду за Волгой заказан, корзинка с моим имуществом упакована. Золотые

швейцарские часы с золотой цепочкой, которые родители подарили мне взамен отданной им моей золотой медали, я, конечно, в Москву не брал. Заранее было условлено, что в Москве я поселюсь в комнате Бориса Славочинского на Нижней Кисловке, где он вместе с другим медиком уже прожил год у каких-то впавших в бедность грузинских княжен. Комната большая в три окна, выходящих на улицу чуть-чуть повыше тротуара. Обед нам давали хозяйки, какая была оплата - не помню, а завтрак и ужин мы организовывали сами: чаепития с традиционными московскими калачами. Почему-то запомнил, что в булочной у Никитских ворот фунт сахарного песка стоил 9 копеек. В той же квартире, в соседней комнате, жили две курсистки, будущие зубные врачи. Одна из них была, кажется, отдалённой родственницей Бориса, на которой он впоследствии и женился.

Юридический факультет размещался в так называемом «новом» здании университета напротив манежа, а старое, основное, занималось медиками и математиками. Нас на первом курсе насчитывалось около тысячи человек, занимали мы для лекций самую большую аудиторию №1 в конце коридора второго этажа. Через четыре года осталось нас меньше половины, человек четыреста, остальные или отсеялись, или отложили государственные экзамены на год, на два, как, например, сделал Юрий Попов, товарищ по гимназии, но с другого отделения.

Вскоре по приезде в Москву я получил от родителей письмо, в котором они писали, что из своего дома переезжают на казенную квартиру при женской гимназии, так как отец принял на себя дополнительные обязанности секретаря попечительного совета, и ему полагалась квартира бесплатная, с отоплением и освещением. Свой же дом они сдают кому-то под квартиру. Мне по молодости лет показалось всё это очень неприятным: бросить свой дом с прекрасным садом и огородом, переселиться в какую-то маленькую квартиру в первом

этаже отдельного гимназического дома на Набережной улице. И я начал в письмах «вопить», чтобы они этого не делали, пока не понял, что иного выхода нет: надо было содержать в Москве меня и сестру, оканчивающую Бестужевские курсы в Петербурге.

На первом курсе я посещал все лекции, запасался учебниками, которые частично покупал на Моховой у Карабасникова, а иногда уже бывшие в употреблении у старшекурсников. Мне очень понравился порядок такой торговли: студент, желающий продать свою книгу, оставлял её на подоконнике коридора с запиской о цене. Желающий купить брал книгу, а деньги оставлял в записке тут же на подоконнике. А старый профессор Самоквасов свои книги по Памятникам русского права не сдавал в магазины, а предпочитал, чтобы студенты приходили к нему на квартиру при Архиве министерства юстиции, и покупали книги из его рук. Похоже, профессору просто нравилось встретиться и неофициально поговорить со студентами. О нашем земляке-костромиче профессоре Озерове ходил такой анекдот: кому-то из студентов, проводивших летние каникулы в Кологривском уезде, был задан в одной из деревень вопрос, знает ли он в Москве большого ученого, «Христофоркина» сына. Оказывается, так попросту крестьяне называли отца профессора-финансиста Ивана Христофоровича Озерова.

Лекции И.Х.Озеров читал увлекательно, вкрапывая в строго научные данные примеры из жизни и быта, о которых в учебнике не говорилось. На



*Студент А. Лаговский. МГУ.  
Москва. 1910 год.*

экзаменах профессор был доволен, если студент упоминал ту или иную деталь – значит, он посещал его лекции.

Профессор Хвостов, читавший Историю и Систему римского права, давал очень много, но терял из-за того, что говорил с закрытыми глазами, получалось как-то необычно и даже раздражало слушателей. Все профессора никогда не прибегали к чтению текста. Тут нельзя не вспомнить указ Петра



*Студент Лаговский -  
первый слева, сидит. 1910 год.*

Первого: господам сенаторам в заседании не читать по бумажке, а говорить своими словами, чтобы дурость каждого была видна. Грешил против этого один профессор Филиппов, он держал на кафедре свой учебник Истории русского права. Вполне естественно, что на его лекциях студентов было мало, на первой скамье сидели три прибалтийских немца, два еврея, два казака в военной офицерской форме и три поляка. У последних была традиция одеваться только в штатские хорошие костюмы, но чтобы фуражка, даже у первокурсника, была старая, выгоревшая, помятая и обязательно с ярким голубым околышем. Такие фуражки переходили от оканчивающих университет к полякам-первокурсникам.

Кто-то из профессоров, кажется, князь Трубецкой, читавший курс энциклопедии права, начинал каждую лекцию обращением к нам: «Мои милостивые государи!» Нам, в основном юнцам по 18-19 лет, это очень импонировало. Ведь когда еще, минимум через четыре года с дипломами в кармане, нас

стали бы называть «Ваше благородие», потом – «высоко-родие», а наиболее преуспевших и «Ваше превосходительство». Как это ни странно, и сейчас, более чем через полвека после революции, отменившей чины, осталось разграничение: большинство – это просто граждане, а сокращенно «гр». Далее – перед фамилией трудящегося и без указания его инициалов появляется буква «т», т.е. товарищ, Следующая степень уважения выражается уже тремя буквами – «тов», обычно с инициалами и, наконец, к фамилии больших людей приставляется полностью – «товарищ», а также полностью имя и отчество. Некоторая аналогия есть, и, пожалуй, уместно упомянуть латинское выражение: каждому свое.

Возвращаясь к римскому праву, уточню, что семинары вел приват-доцент Новицкий, энергичный, требовательный, великолепно знающий свой предмет молодой человек. Интересно, что моей дочери в бытность ее студенткой того же юридического факультета удалось слушать уже академика Новицкого. Он же принимал экзамен по латинскому языку – этот предмет был введен в университете, т.к. в средних советских школах, в отличие от гимназий, латынь не преподавали. Дочь мне рассказывала, что во время экзамена к Новицкому пришел еще какой-то профессор, и они повели разговор на латыни. Разумеется, дочь могла уловить только отдельные слова, а не полное содержание разговора профессоров. Однако ее напряженное внимание было замечено академиком, и он закончил экзамен лишь предложением написать на доске по латыни слово «вода». Тут небольшой секрет заключался в том, что вопреки общему правилу латинского языка вода по латыни пишется не так, как произносится. Дочь меня не посрамила, и экзамен был сдан.

Уголовный процесс читал профессор Гольдштейн, он же вел и семинары, они мне нравились, и я старался быть их активным участником. О торговом праве говорить не буду, т.к. предмет этот, как и профессор Краснокутский, никого не за-

интересовал. Не в обиду будет сказано декану факультета, профессору церковного права Гидулянову: он не пользовался большим авторитетом, хотя зачастую, а может быть именно поэтому, упоминая о министре народного просвещения Кассо, добавлял: «Мой друг и товарищ Кассо».

Особо выделялся профессор уголовного права Позднышев. Здесь следует подчеркнуть, что русский уголовный кодекс действовал на всей территории России, а гражданский X том применялся со значительными исключениями. Сейчас принято говорить, что Российская империя была тюрьмой народов, но оказывается, в этой тюрьме были отдушины. В губерниях царства Польского действовал кодекс Наполеона, привычный для поляков. В прибалтийских губерниях действовало немецкое гражданское право, с которым эстонцы, латыши и литовцы издавна имели дело. В университете был даже небольшой курс – Гражданское право прибалтийских губерний. Был и специальный учебник, написанный почти сплошь по-немецки, на этом же языке составлялись экзаменационные билеты.

Учебник этот давно не переиздавался, в нашем университетском общежитии на Грузинах, где я со второго курса жил, был единственный экземпляр учебника. Мне его удалось заполучить только на два вечера. Пошел на экзамен для порядка, но знал, что провалюсь – не подготовился. Вообще-то я самым добросовестным образом готовился к экзаменам, но нет правил без исключения. Когда я уходил на экзамен, один мой товарищ, сдавший кое-как на «удовлетворительно» этот предмет, сказал: «Нарвешься на 9 билет – пропал». Подхожу к экзаменатору, сажусь, мне протягивает профессор программу и предлагает подготовить девятый билет. Билет составлен подробно, в несколько абзацев. Прочитал про себя, затем довольно бойко вслух по-немецки. Думаю, как бы мне перешагнуть на X том, если профессор найдет нужным задать дополнительные вопросы. Но нет, он молчит, даже отвернулся.

Я еще более бегло и с правильным произношением второй раз прочитал текст билета, не добавив от себя ни слова. Профессор взял мою зачетную книжку, сделал отметку и молча подал мне. Выскочил я из аудитории и увидел, что отметка «отлично». До сих пор не понимаю, в чем дело: или профессор задумался над чем-нибудь другим и удовлетворился бойкими немецкими фразами, или просто поиздевался над самим предметом.

Мечтая, что в будущем удастся служить следователем или прокурором, я уделял особое внимание уголовному праву, лекциям профессора Позднышева, его фундаментальному учебнику и семинарам под его же непосредственным руководством. Вероятно, по какой-то случайности он поручил подготовить мне доклад на одну из тем курса и выступить на семинаре. Недели через две, когда профессор узнал, что я подготовился, он, не проверяя доклада предварительно, уступил мне место на кафедре и предоставил слово. Излишне подчеркивать, что я ужасно волновался, ведь это было мое первое публичное выступление. Когда начались прения по докладу, мои зубастые коллеги по курсу старались разделиться со мной беспощадно, но я пробовал защищаться. Семинар закончился выводами профессора, что «избивать» меня не следует, что доклад мой был удачным. Естественно, что я почувствовал себя счастливым, а когда после очередного семинара профессор подозвал меня и сказал, что для дипломной моей работы он назначает тему «Условное досрочное освобождение», дал перечень необходимой литературы и рекомендовал серьезно работать не дома – в общежитии, а в юридической библиотеке на Страстном бульваре, я почувствовал себя на «седьмом небе».

Происходило это в первом семестре выпускного четвертого курса. Профессор предупредил, чтобы я начинал с разработки подробного плана, и когда он будет готов, чтобы я показал план ему, на домашней квартире в Николо-Песков-



ском переулке. Такое разрешение явиться на квартиру профессора не было каким-то исключительным явлением. Мой будущий зять-филолог был приглашен на квартиру для сдачи экзамена вместе с двумя другими студентами. Визит начался с чаепития и разговоров на литературные темы, а студенты все волнуются и ждут, когда же будет экзамен. Часа через два профессор взял у своих гостей зачетки и отметил о сдаче экзамена, сказав, что он убедился в знаниях студентами предмета и общем их развитии. Поэтому я и не считал себя вправе хвастаться перед кем-либо, что я побывал дома у профессора.

Дипломная работа была необходима, т.к. она в сочетании с надлежащими экзаменационными отметками давала право на университетский диплом первой степени, а это, в свою очередь, давало право на повышенный чин, кажется, титулярного советника, если поступать на государственную службу. Поскольку мне предстояло служить по судебному ведомству, я не хотел тянуться в хвосте, и еще в студенческие годы мои друзья сулили мне прокурорскую работу – это и осуществилось после революции, да и до нее я недолго был «и.д. прокурора».

## УЧАСТИЕ В ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ

Из одного прошлого сделаю экскурс в другое прошлое. Году в 1911-1912 Московская городская Дума решила провести перепись населения, торговых и промышленных предприятий. На временную недельную платную работу привлекали студентов. Согласился и я, заработал рублей 20, но дело оказалось не в этом, а в интересных встречах с людьми. Мой участок – Кузнецкий мост и

несколько прилегающих к нему улиц. Предполагалось, что бланки будут заполнять сами жители и хозяева предприятий и контор, но счетчики были обязаны приходить на помощь, поэтому чаще всего заполнением разнообразных бланков приходилось заниматься нам. Банкирский дом Джамгаровых. В оперативном зале главный бухгалтер без труда сам заполнил все графы. В квартире хозяев я был встречен немолодой представительной хозяйкой кавказского типа. Должно быть, она не особенно сильна в русском языке, а потому попросила «господина студента» заполнить опросные листы на всю семью. Дошли до графы «образование». «Это что такое? Мы все дома учились!». Что же мне писать: никакого? Сговорились на «домашнем». Не мое дело разглядывать квартиру и обстановку, но посмотреть было на что. В квартире управляющего или хозяина банкирского дома в первый раз увидел роскошную комнату без окон: днем свет проникал через стеклянный матовый потолок, как в некоторых музеях. Очень неприятное, гнетущее впечатление.

В английском магазине, не помню название фирмы, мне сначала вообще отказали дать какие-либо сведения, пришлось предъявить документ за подписью городского головы и доказать, что он вправе требовать данные о фирме, даже от англичан. Насмотрелся на кокетливых француженок, работниц перчаточной мастерской. Перчатки делались лайковые, по индивидуальным заказам, по мерке. Вот как!

Наши инструкторы-статистики предупредили, что в многоквартирных домах почти никогда нет квартиры под № 13 – такие снимать воздерживались. В одной из квартир хозяйкой оказалась молодая еврейка. Она была ужасно перепугана переписью, умоляла не записывать ее, двоих маленьких ребят и мужа – музыканта Большого театра. Обещала, что муж ее всегда сможет доставать для меня контрамарки на любую оперу. Мне было и смешно, и жалко испуганную женщину. Потратил полчаса на разъяснения и заполнил бланки только

после того, как хозяйка стала улыбаться, хотя все же недоверчиво.

Старик, отставной военный, «домоуправ», выражаясь современным языком, одного дома, не отказывался от личного заполнения всех форм бланков, но предупредил, что может сильно напутать. Вместо того, чтобы приходиться к нему на следующий день и получать его «путаницу», я предпочел задержаться в его одинокой комнатке, она же и контора, и заполнить все, что требовалось. Старик был так доволен, что не знал, как благодарить, а узнав, что я студент юридического факультета, сказал: «Быть вам хорошим прокурором».

На Большой Грузинской, напротив Зоологического сада, отступя от дороги вглубь квартала, стояли два больших дома: первое и второе университетские общежития. Три года я прожил в первом, два года в комнате на двоих, а когда перешел на четвертый курс, то перебрался в одиночный номер. Общежитие платное: за комнату следовало платить по полугодиям, вне зависимости, живешь тут или нет, а за стол по 12 р. в месяц за фактически прожитое время. Утром чай с неограниченным количеством булок, в два или четыре часа обед из двух блюд, очень обильный, по праздникам три блюда. В шесть часов чай с булками, обязательно с лимоном, и в девять вечера по комнатам разносили молоко с хлебом.

Кем и когда это было заведено – неизвестно, но все театры, кроме Большого и Художественного, давали нашему общежитию контрамарки, или совсем бесплатные, или за какие-то копейки. После вечернего чая желающие побывать в театре собирались в читальне и делили билеты. Оказывалось много любителей оперетки в Эрмитаже. Там подвизалась прекрасная актриса Сара Лин, покорявшая зрителей в «Графе Люксембурге». В театре Корша мы пересмотрели все постановки, то же у Незлобина. В Большом театре два сезона шла опера Вагнера «Валькирии». Смотрел и слушал эту оперу семь раз, и даже из ложи бельэтажа, не заплатив ни

копейки. Дело в том, что артист Баналич предоставлял ложу бесплатно, но с условием, что его за это будут «вызывать» не менее 5 раз в вечер. Случайно знакомый студент предложил мне присоединиться к их компании, которая по существу являлась «клакой», но отличалась от профессионалов тем, что мы получали только ложу, а не какие-то деньги за организацию успеха того или иного артиста. Все же это было если не пятно, то пятнышко на студенческой форме.

Хотя в университетские годы мне пришлось забросить рояль, но я не удержался и купил полную эту оперу: уж очень хороши у Вагнера «Полет валькирий» и «Заклинание огня». Честно покупал билеты на «Садко» с изумительной царевной Волховой в исполнении Неждановой. Самыми любимыми для меня были арии Варяжского, Индийского и Веденецкого гостей, а из других опер ария князя Елецкого в «Пиковой даме». Впоследствии мне удавалось не раз аккомпанировать певцам-любителям, исполнявшим эти арии.

Бывал я много раз на концертах в консерватории. Многие знакомые посещали и балеты, меня же они совершенно не привлекали, как не привлекают и в настоящее время, когда их показывают по телевидению. Впрочем, есть исключения: танец маленьких лебедей я исполняю на рояле, как и некоторые танцы из «Фауста» Гуно.

Будущий мой зять (муж сестры Маргариты – Николай Александрович Полубинский), студент-филолог, был рекомендован своим профессором в семью какого-то барона Мегдена для обучения его дочери латинскому языку. Какие были условия – не знаю, но важно то, что барон имел абонемент на целую ложу в Большом театре, и «репетитор» дочери весь театральный сезон по богатому посещал оперы и балеты.

## КОСТРОМСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО В МОСКВЕ

Новых знакомств в Москве у меня не получалось, а с костромичами встречался на собраниях землячества. Мое участие в работе землячества выразилось в организации благотворительных в пользу недостаточных студентов концертов с танцевальными вечерами в Костроме. В течение трех лет я был казначеем этих мероприятий, сменив медика Владимира Скворцова, окончившего университет. Землячество не являлось юридическим лицом, и нам нужно было заполучить какого-то официального организатора концерта, который бы имел дело с административными и финансовыми органами. Таким ответственным лицом при мне был присяжный поверенный Соколов, от его имени все и проделывалось. На 28 декабря – традиционный день московских студентов – снималось помещение Дворянского собрания, приглашались московские артисты, заказывались афиши, печатались программы на рекламных платочках, которые с удовольствием сотнями давали нам московские парфюмерные фабрики. Входили в соглашение с костромскими торговцами, снабжавшими нас фруктами, шампанским, конфетами для благотворительной продажи на вечере. На другой день сдавали обратно непроданные остатки. Никаких расписок или обязательств от нас не требовали, т.к. все делалось на веру. Торговцы были не в убытке, а нам выгодно. Мы подбирали для благотворительной торговли шампанским каких-нибудь губернских «львиц», которые, расположившись в аванзале, не пропускали никого, кто, по их мнению, мог заплатить за бокал рублей 10, а то и 50. Перед началом этой полезной «деятельности» мы клали из своей кассы на тарелочку такой очаровательной продавщицы бумажки в 25 и 50

рублей, чтобы тузы раскошеливались и не вздумали бы отделаться трешницей. Недостатка в выборе «львиц» не было, т.к. каждой было лестно покрасоваться. На другом столике продавались программы, на третьем – бутоньерки цветов. Последние нам поставляли хозяева оранжерей с Жоховского переулка Розановы. Говорили, что к этим дням они какими-то путями получали часть цветов из Ниццы. Во всяком случае бутоньерки составлялись из живых ароматных цветов с большим вкусом. За этими двумя столиками орудовали курсистки, которые побойчее и пококлетливее. Помню, что одной из таких была Верочка Яблокова, ее брат впоследствии был не то импресарио, не то аккомпаниатором певицы Плевицкой. По распространению билетов помимо кассы, куда сажали кого-либо из курсисток действовали «в разное». Мало приятная обязанность, и я, как казначей, был освобожден от нее. Но дело это выгодное: если, скажем, к городскому голове или фабриканту приходил студент и предлагал взять рублевый билет, то, разумеется, получал не рубль, а минимум десять. Например, богач Королев, проживавший в своем огромном доме на Русиной улице, где теперь «скорая помощь» и где еще до революции останавливался Свердлов, за билет давал 25 рублей. Когда сейчас, в 1974 году, я рассказываю об этом своей внучке, школьнице девятого класса, она спрашивает: «А как же отчетность?». Я отвечаю, что ни у кого никогда не возникало даже мысли о возможностях нарушения доверия. Самое слово «студент» было гарантией чести.

По окончании концерта расплачивались с артистами (тут уж под расписки). Они были очень дороги. Например, бас Большого театра Петров соглашался петь только за 250 р., только один день, в гостинице чего стоил. Буфетчик говорил об аппетите артиста: восемь котлет на второе. Привозили мы прославленную арфистку профессора Эрдели, которая и сейчас, кажется, здравствует. Она брала недорого, может быть потому, что ее родной брат служил в Костроме

товарищем прокурора Округного суда.

Костромичи привыкли к нашим традиционным вечерам, и сборы бывали хорошие. На другой день я подбивал итоги и наличными сдавал все ответственному распорядителю, адвокату Соколову П.В. (Его отец, председатель уездной земской управы, умер по дороге, возвращаясь из служебной поездки в Кострому. На месте смерти у шоссе между Караваемом и Поддубным сохранился и поддерживается кем-то большой памятник, вероятно, внуками). Куда отправлял Соколов деньги – в ректорат университета или в землячество – я не знаю, мое дело было отчитаться. Конкурировали с нами петербургские студенты специальных ВУЗов, но их благотворительные вечера устраивались после наших.

Один раз мы устроили трюк «Конкурс красоты». К билету прилагался талончик для вручения «королеве красоты». Народу было более обычного. Наибольшее количество талончиков оказалось за жену офицера польку Вигилянскую. Она красива, но выиграла потому, что офицеры, однополчане ее мужа, буквально выпрашивали у своих знакомых талончики для нее. Ее и провозгласили королевой. На другой день я с одной из товарищей купил рублей за 10-15 нелепую золотую брошку и на квартире Вигилянских вручил приз. Всем было понятно, что дело не в цене приза, а в чести. Если бы не хлопоты офицеров, то премию получила бы гимназистка-восьмиклассница из бедной семьи, проживавшей в полуподвальной квартире в Губернаторском переулке (теперь Крестьянская улица). Фамилия девушки была что-то вроде Мебес, но точно не помню.

## ПУТЕШЕСТВИЕ В ИТАЛИЮ

Жа втором или на третьем курсе университета мне очень повезло с деньгами. Два костромича, студенты первого курса (один университета, а второй Катовского лицея), не могли из-за миллионов своих родителей подготовиться к экзаменам и обратились ко мне за помощью. Сначала я подумал, что нужны только кое-какие советы, но мои богачи сказали, мол, давай займись с каждым отдельно вплотную и заработай на этом деле. Решил не стесняться и назначил неслыханную цену за час два рубля. Репетиторство мое принесло результаты: оба подопечных перебрались на следующий курс, а у меня накопилось около 300 рублей.

В те времена существовало общество по организации заграничных экскурсий для учителей сельских школ «Под покровительством графини Бобринской». В 1912 году было объявлено, что формируется группа для студентов, курсисток и лиц свободных профессий для экскурсии в Италию с краткосрочной остановкой в Вене. Родители мои и посоветовали истратить мой заработок на эту поездку. Очень удачно получилось, что моим спутником оказался бывший подопечный, родители которого решили, что со мной не страшно отпустить их единственного сынка за границу. В первых числах июня группа в 46 человек тронулась с Белорусского вокзала в Москве на Варшаву и Вену, в Италию. Для выезда за границу нужно было получить в канцелярии губернатора особый паспорт, стоил он 10 рублей, и выдать его были обязаны в день заявки. Начальник канцелярии попросил меня зайти на другой день. Разумеется, я мог это сделать, никакой спешки не было, но по крайней своей молодости я напомнил, что задержка даже на один день законом не предусмотрена. Пожилой начальник канцелярии улыбнулся и сказал, что паспорт будет выдан сегодня. Мне стало неловко.



Сейчас, рассматривая групповые фотографии на Пинче в Риме, вспоминаю с удовольствием своих спутников. Прежде всего, это чета не очень молодого доктора и его очень молодой жены – учительницы немецкого языка, очень красивой, при виде которой старухи-итальянки с милой непосредственностью говорили: «molto bella siniora». Художник Борис Терновец, который в советское время был директором музея западного искусства в Москве. Мир тесен: лет через 20 я его встретил на Набережной в Костроме, во время остановки парохода, на котором он путешествовал по Волге. Добродушный художник Петр, который позволял подсмеиваться над собой, когда в Неаполе ограничился лишь карандашными набросками вида из окна нашей гостиницы на залив и Везувий. «Приходите ко мне зимой в Москве на Маросейку и тогда посмотрите» - говорил он. Зимой я воспользовался приглашением, был у него в студии и поразился: глядя на большую картину, вообразил, что я опять в Неаполе и с балкона гостиницы люблюсь тем, чего уже никогда не увижу в натуре. Две эксцентричных курсистки зубоврачебных курсов, гордившиеся тем, что при индивидуальных прогулках итальянские молодые люди упорно сопровождали их.

Вообще наши русские женщины имели в Италии громадный успех у итальянцев, не обходилось даже без серенад под окнами наших гостиниц. Надо сказать, что все итальянцы симпатизировали русским. Как только узнавали нас, сейчас же слышалось «руссо, руссо» и «карашо». Это слово, должно быть, знали все. Мне нравилось ходить по незнакомому городу, отбившись от группы, в одиночку. Никаких опасений заблудиться не существовало: в кармане печатный адрес гостиницы, портативный разговорник, да к нему почти и не приходилось прибегать, т.к. некоторые познания в латинском языке и знакомство с французским языком очень облегчали возможность общения с итальянцами. Если спросишь встречного итальянца, как пройти туда-то, итальянец на сло-

вах и жестами постарается объяснить, а иногда и проводит один-два квартала. Пришлось мне один раз обратиться к морскому офицеру, так тот не только помог, но даже вручил мне свою визитную карточку, узнав, что я студент из России.



*Друг дома - зубной врач  
Мария Михайловна Горовиц.  
1910 год.*

В Костроме у нашей семьи был искренний и преданный друг – зубной врач, еврейка Мария Михайловна Горовиц. Когда она узнала о моей предстоящей поездке в Италию, то попросила отвезти коробку шоколада ее подруге, с которой учились вместе в Швейцарии, дала адрес в Неаполе. Разумеется, я согласился и, будучи в Неаполе, нашел адресата в старинном доме на холме Вомеро. Хозяйка квартиры сказала, что синьора отдыхает, спит и стоит ли ее будить. Но по моему настоянию мы прошли в комнату русской синьоры (а она тоже еврейка, как и М.М.Горовиц). Надо же было видеть радость и изумление девушки, когда она услышала русскую речь, привет из Костромы да получила еще и посылочку.

Была в поездке совсем неподходящая к нам фигура: молодой японец Фунао Миакава, которого японское посольство в Москве сумело включить в нашу группу в целях усовершенствования в изучении русского языка, на котором он говорил. Интересно вот что: в первый день приезда в любой город с утра Миакава исчезал до вечера. Думаю, что он ходил не только к официальным японским представителям, консулам,

да их и не могло быть во всех городах, а являлся к резидентам-шпионам. Опять скажу, что мир тесен: этот японец, как позднее было видно из газет, служил в японском посольстве в Москве, потом был консулом в Хабаровске, а в последнюю русско-японскую войну состоял в каком-то качестве при командующем Квантунской армией и с ним вместе попал к нам в плен. Об этом я узнал от ветерана Великой Отечественной войны Н.И.Смирнова, который служил начальником штаба одной из дивизий, разгромивших Квантунскую армию.

Еще была курсистка из Киева. С ней вышла дискуссия на тему: что правильнее – Малороссия или Украина? Большинство склонялось к тому, что Украина – это какой-то придаток у края чего-то и не может говорить о какой-либо самостоятельности. То ли дело – Малороссия, она, как Белоруссия и Великороссия, равноправная часть России. Наша киевлянка доходила до слез, отстаивая название Украина.

Может быть, до сих пор здравствует в Ленинграде тогдашняя петербургская курсистка-медичка К.М.Кандаратская. Когда я был в гражданскую войну в Петрограде, то искал К.М., но не нашел.

## ВСТРЕЧА С ГОРЬКИМ

*Т*ри дня пробыли мы на Капри. Не буду останавливаться на Голубом гроте и других красотах острова, а отмечу кое-что, касающееся Горького. Имею смелость считать, что его, несомненно, большого писателя, создавшего «На дне» и «Мои университеты», все же перехвалили: Нижний Новгород стал Горьким, главная улица Москвы Тверская превращена в улицу Горького. Этот псевдоним писателя везде и всюду. На первой странице «Литературной

*Все было именно так...*

---

газеты» два портрета: Пушкина и Горького. А я где-то читал у Пушкина (некогда искать, в каком томе), что только невежество отвергает прошлое, преклоняясь перед настоящим. Утром на Капри мы купались на мужском пляже, увидели, что Горький прогуливается по берегу. Многие студенты бросились приветствовать писателя и пригласили его к нам в тратторию «Гаудеамус», где мы столовались, на вечерние часы, когда по плану нам должны были продемонстрировать итальянский народный танец тарантеллу. Мне кажется, что Горький несколько погрешил против скромности, он сказал: «Знаете, коллеги, если я приду к вам, то все ваше внимание будет сосредоточено на мне, вы не увидите тарантеллу, а посмотреть ее стоит. Приходите лучше ко мне, найти будет нетрудно: каждый встречный укажет виллу русского писателя».

Так и условились. Тарантеллу всей группой посмотрели, описание ее и исполнение давать излишне, и пошли к Горькому. Конечно, не все 46 человек, т.к. было бы просто непри-



*Группа русских туристов на Капри. Лаговский  
крайний справа на 6 ступеньке. 1912 год.*

лично, да и не все хотели идти. Отправилось человек шесть, в том числе и я. Встречены мы были радушно, расположились в большой комнате, выходящей на террасу. Писательзнакомился с каждым из нас отдельно, кажется, обрадовался, узнав, что я с Волги, из Костромы. От разговоров о себе он уклонялся, больше расспрашивал нас. Естественно, что беседой руководил он, так как мы представляли из себя зеленую молодежь. Угостил нас каким-то квасом или разведенным по итальянским обычаям красным вином кьянти. Пробыли мы у него минут сорок. В те годы Горький жил не со своей женой Пешковой, которая впоследствии и похоронила его в Москве, а с актрисой Андреевой. Но она к нам не выходила, или потому, что мы не представляли для нее никакого интереса, или потому, что положение ее было несколько необычным.

Несколько лет тому назад в журнале «Огонек» были в разное время помещены красочные репродукции двух художников на одну и ту же тему: «В.И. Ленин среди рыбаков Капри». Хороши обе, но более ранняя мне кажется лучше. Когда мы были у Горького, он словом не обмолвился о тех, кто его навещал в Италии, в том числе и Ленин.

Благодаря нашей экскурсии удалось испытать удовольствие от плавания по Средиземному морю от Неаполя до Генуи на океанском корабле, следовавшем в Геную из Нагасаки. Удовольствие оказалось ниже среднего, т.к. половина из нас осталась без классных мест на положении только палубных пассажиров, в том числе и я. Получилась «бьяка-ляка», но ничего нельзя было поделать.

Милан был последним городом нашего маршрута. Зашел на почту получить из дома письма «до востребования». Получил, но не сразу: итальянка-связистка пожелала узнать не только мою фамилию, но и вдобавок имя, т.к. письма Лаговским были и Александру, и Сержу. Получив свое письмо, попросил показать и другое, для Сержа. Оказалось, что одновременно со мной путешествовал по Италии «диким»

способом мой двоюродный брат Сергей Петрович, уже преподаватель математики. После революции он преподавал математику в Ленинградской промакадемии.

Расставание в Милане было грустным, в особенности с одной из наших спутниц – преподавательницей немецкого языка, она с мужем продолжила за свой счет путешествие и отправилась в Швейцарию. Через несколько дней я был дома, в Костроме, где меня уже ожидала открытка с видом на Неаполитанский залив и с милой припиской: «Люблю Неаполь за первый вечер в нем».

Кончились великие праздники и начались великие будни. В это лето родители снимали половину большой дачи на Волге прямо напротив Костромы. Один предприниматель купил рощу в несколько десятин, построил там 10-12 дачек и сдавал их костромичам. Другую половину дачи снимал бездетный директор Кашинской (Третьяковской) фабрики. Небезынтересно отметить, что этот директор получал в месяц тысячу рублей, тогда как у губернатора жалованье было пятьсот рублей. Сообщение с городом было очень удобное: от пристани постоянно ходили большие завозни. Хозяева, Семен и Гаврила, только получали по 2 копейки с пассажиров, которые сами гребли и правили. Матушка моя любила управляться с кормовым веслом. Кроме того почти у всех дачников были свои лодки. Я ежедневно ездил за отцом к гимназии, где у него и летом была работа по добавочной должности секретаря попечительного совета.

В то лето к нам из Глазова приезжали дядюшка Петр Никанорович с женой Ольгой Федоровной. Пароход снизу пришел под утро, я с большой лодкой ждал с вечера. После реки Ченцы, на которой стоит Глазов, Волга показалась уж очень широкой, и наши гости не сразу согласились забраться ко мне в лодку. Родственные связи трех братьев всегда поддерживались, как и связи с родными матушки.

## ОКОНЧАНИЕ УНИВЕРСИТЕТА

Четвертый курс в университете. Добросовестно готовлюсь к государственным экзаменам. Кандидатская работа уже зачтена. Первым предстоит держать уголовное право. Не хвастаясь скажу, что даже помогал товарищам по общежитию. Сознывая значение момента, отправился к шести часам на экзамен. Оделся даже в форменный сюртук вместо обычной курточки. Попал не к профессору, а к какому-то приват-доценту. В коридоре товарищи говорят, что мне повезло. Билет затруднений не представил, ответил безукоризненно. Дополнительный вопрос: «Дайте определение самоуправства». Чего проще! Определение такое же, как и сейчас по советскому праву. Ответил. «Не точно, - сказал экзаменатор, - ставлю удовлетворительно». Понимаю, что все мои труды над кандидатской работой и надежды на диплом первой степени рушились. Попросил дать еще вопросы (спорить-то нельзя). Из-за чего этот «приват» озлобился – не знаю, но он пригрозил мне, что после дополнительных вопросов я рискую получить и «неуд». Что мне было делать? Я был уверен, что никаких ошибок не допустил, но пришлось отступить и сдать на «уд». Однако я решился на борьбу.

Прямо из аудитории направился к председателю испытательной комиссии профессору Гидулянову с просьбой о разрешении экзаменоваться в комиссии. Профессор меня вспомнил, т.к. я у него уже сдавал полукурсовой экзамен по церковному праву. Просьбу мою удовлетворил, велел приходить к 11 часам, но добавил: «Бросьте, все равно ничего не выйдет». Вот так утешил! Четыре часа я вертелся по университету, а в 11 часов вместе с пятью провалившимися студентами предстал перед пятью профессорами. Председателем был профессор Позднышев. Увидав меня, он удивился и спросил: «неужели провалился?». Говорю, что нет, но не

согласен с оценкой. «Будете отвечать первым». Надо сказать, что мой обидчик участия в комиссии не принимал. Стою на-вытяжку. Слышу вопрос о вменяемости, один из самых трудных по всему курсу. Знаю прекрасно, но от радости не могу даже начать (как говорится, в зубу дыханье сперло). На меня с удивлением все посматривают. Минута прошла, не больше, но она мне показалась вечностью. Наконец меня «прорвало», ответил так, что даже заслужил улыбку своего профессора. Он предложил другим экзаменаторам задавать вопросы. Сидевший с ним рядом профессор Гольдштейн отказался от вопросов, сказав, что помнит меня по семинарам уголовного процесса. Удовлетворенные моим ответом отказались задавать вопросы и остальные экзаменаторы. Спасибо! Ведь если бы захотели, то, конечно, смогли бы «завалить». Профессор Позднышев объявил, что отметка исправлена, а затем неофициально вполголоса сказал: «Надеюсь, что мы еще встретимся, побывайте у меня». Чувствуя себя победителем, отправился пешком в свои Грузины.

Помню и рассказ сестры об ее экзамене по химии в Бестужевке. Сестра очень боялась, накануне экзамена спала ночь тревожно. Приснилось ей, что вытащит восьмой билет. Проснулась и проштудировала этот билет еще раз. Когда на экзамене дошла очередь до нее, пошла к столу и вытасила восьмой билет. Сказала, что



*Сестра А.В. Лаговского Маргарита (справа). Нач. XX века.*



может ответить без подготовки, и получила высший балл. Вот какие случаи бывают.

У меня остальные экзамены прошли без осложнений, если не считать последнего по торговому праву. Профессор Краснокутский выслушал мой ответ без замечаний, посмотрел зачетку, увидел сплошь высшие отметки и решил созорничать, поставил «у», может быть за то, что не видел меня на своих лекциях – я на них не ходил. Его отметка ничего не изменяла в моем дипломе, и я не пошел на комиссию. Много лет спустя я понял, что профессор Позднышев оставил бы меня при своей кафедре, потому-то и предлагал побывать у него после всех экзаменов. А зачем же иначе? По молодости лет я не понял такой возможности, к профессору не явился, а поспешил домой, чтобы поскорее записаться в очередь кандидатов на судебные должности.

Родители отдали в мое распоряжение небольшую комнату, где уже стояли сделанный по заказу письменный стол и чудесное венское кресло. Они целы, за ними и пишу настоящие строки. В моем домашнем архиве сохранилась копия статьи в «Советскую юстицию», приехавший в Кострому представитель которой просил меня прислать ее в редакцию. Я послал, но она, конечно, не прошла. А копию сейчас прилагаю.

## НАЧАЛО СЛУЖБЫ В КОСТРОМЕ

Местно признаюсь, не собирался сначала писать мемуары для широкого круга читателей, хотелось просто в небольшом очерке вспомнить некоторые эпизоды из своего далёкого прошлого, которые, может быть, были бы интересны для современных судебных работников.



*Окружной суд в Костроме. 1910-е гг.*

Незадолго до начала первой империалистической войны после окончания юридического факультета Московского университета, я был зачислен младшим кандидатом на судебные должности при Костромском окружном суде.

Мои документы принял старик, судебный пристав, исполнявший обязанности и начальника отдела кадров, и секретаря председателя окружного суда. Он предупредил меня, что через несколько дней он вызовет меня, для представления председателю суда, причём явиться мне следует обязательно в сюртуке. Меня это не смутило, так как штатский сюртук у меня был.

А вот приехавшему из Варшавского университета И.В. Сергиевскому, который в советское время проявил себя исключительно способным старшим следователем, пришлось брать в магазине готового платья сюртук на прокат - всего на несколько часов, чтобы предстать перед председателем суда. Кстати, Сергиевский принуждён был получить юридическое образование именно в Варшаве, так как его, как бывшего семинариста, хотя и выдержавшего при гимназии экзамен на аттестат зрелости, не допускали в Московский университет.

Это же касалось и евреев, исключение делалось, если они кончили гимназию с золотой медалью.

Но не будем отвлекаться. День моего представления председателю наступил. В вестибюле, где был гардероб, красовался с седой бородой почти до пояса швейцар в ливрее с блестящими позументами. Он принял пальто «на веру» – никаких номерочков не было. Поднявшись на второй этаж по широкой чугунной лестнице, застланной ковром, я подошёл к секретарю, он сказал: «Его превосходительство Вас примет». Через обычную, незабронированную войлоком и дермантином дверь, как принято было в советское время у больших начальников, вхожу в кабинет. Из-за письменного стола встаёт и идёт мне навстречу председатель окружного суда, действительный тайный советник. Происходит ритуал представления с рукопожатием и усаживанием в кресло. Председатель говорит несколько заученных на такой случай слов, считает нужным предупредить, что жалование младшего кандидата в 22 руб. 50 коп., и мне придётся подождать, поскольку денег на всех кандидатов не хватает. Объявил, что трёхгодичная моя стажировка начнётся в первом уголовном отделении суда, затем встаёт из-за стола, показывая, что аудиенция окончена. Безукоризненно вежлив, желает успеха.

Выхожу из кабинета, и пока меня не проводили в следующую инстанцию, вспоминаю детали встречи. Учёный значок у председателя не университетский, как у меня, кстати, с таким же белым ромбом, как и теперь, а другой – училища правоведения, в котором когда-то учился и А.Ф. Кони. Дело в том, что именно из училища правоведения назначали на руководящие должности юристы. В это училище могли попасть только дворяне, да и то не всякие, как и в другие привилегированные учебные заведения – Александровский лицей, где учился А.С. Пушкин, и Пажеский корпус, который кончил Игнатъев, впоследствии генерал-майор Советской армии.

К чести сказать, председатель суда ничем не подчёркивал расстояние между ним, «рюриковичем», и мной – разночинцем, и не протягивал мне для рукопожатия два пальца. А такое бывало. Мне рассказывал работник Куйбышевского областного суда Н.М. Васильев, что в 1915 году он был от Костромской прокуратуры, где состоял секретарём, откомандирован в ревизионную комиссию сенатора Кривцова, и тот на приёме разрешил Васильеву пожать только два пальца. Неискушённые в таких делах думали, что два пальца – это указательный и средний. Оказывается, что вельможи совали указательный и большой, так чтобы видимость пожатия всё же сохранялась. Обладавший юмором рассказчик сознался мне, что он не решился дать сенатору сдачи в виде полупальца (попросту кукиш) и был зачислен в сенаторскую комиссию.

Далее мне следовало представиться в уголовном отделении тоже генералу, но не тайному, а простому. Меня оставили в огромной, почти не мебелированной комнате, где стоял обыкновенный канцелярский стол и по стенам несколько стульев. В комнате никого не было, нужно было подождать появления начальства. Вскоре вошёл пожилой мужчина в форменном сюртуке, на петлицах которого были две махровые звёздочки. Разумеется, я встал и назвал свою фамилию, в ответ узнал, что будущий начальник мой, заместитель председателя суда. Он сразу же задал мне вопрос: «Почему Вы встали, когда я вошёл?» Я ответил, что это объясняется условным рефлексом вставать перед старшими по возрасту. С подкупающей доброй улыбкой мне был задан следующий вопрос: «А не записано ли это мудрое правило где-нибудь на древнеславянском языке? Не помните? Ну, так слушайте: «пред лицем седаго восстании и почти лице старчо». А теперь присядем и поговорим».

Далее произошёл буквально анекдотический, но ни для кого не обидный, диалог:

– Вы в преферанс играете?

– Да.

– А, может быть, и в винт?

– Да.

– Чудесно, у Вас работа пойдёт. (Он не ошибся – в советское время моя работа проходила удовлетворительно, но по другим основаниям). А то, знаете, отправляюсь я на выездную сессию в Ветлугу, Варнавин или другой уезд, со мной член суда и товарищ прокурора. Все трое по вечерам не прочь перекинуться в винт, но четвертого партнёра нет. Не можем же мы пригласить исправника, если он и винтёр. А Вы тут как тут: приехали в качестве исполняющего должность помощника секретаря в судебном заседании, конечно, под руководством чиновника, кадрового помощника секретаря. Ну, будьте здоровы, отправляйтесь в распоряжение секретаря отделения.

Так началась моя служба в суде. По правде сказать, было удивительно, почему заместитель председателя принимал меня не в своём кабинете, что на третьем этаже здания, а в комнате для свидетелей во втором этаже. Объяснение простое: некоторые члены окружного суда по уголовному отделению были настолько дряхлые, что в третий этаж, где был кабинет зампреда, подниматься не могли. И на второй-то этаж одного члена суда курьеры вводили под руки. Когда мы, кандидаты, присутствовали на заседаниях суда в качестве слушателей, то видели, что такие члены суда даже не могли поднять руки, чтобы одеть через голову блестящую судейскую цепь, она оставалась перед ними на столе. Председательствующему приходилось постоянно посматривать и направо, и налево, убеждаясь, что члены суда не уснули или не умерли. Зампред в частной беседе сам говорил об этом.

По наивности мне думалось, что в канцелярии мне сразу же предложат изучить какое-либо уголовное дело, но меня засадили за подшивку растрёпанных производств. Доказывая

мне необходимость освоить подшивку, заполнение статистических карточек и писание повесток, секретарь говорил, что года через три-четыре, когда буду следователем, судьей или прокурором, у меня у самого будут секретари и мне придётся учить их канцелярской премудрости и требовать от них порядка.

Теперь кажется необычным, что все двери из коридоров в канцелярии были всегда настежь, закрывались только двери зала, где шло судебное заседание. Через несколько дней нам, младшим кандидатам, – а нас в канцелярии было несколько – предложили изготавливать проекты резолюций, которые должны были накладываться начальством на бумагах, поступавших по делам. С этими проектами мы отправлялись к соответствующему члену суда, тот проверял их правильность и в случае согласия наносил резолюцию по нашим проектам, а если мы ошибались, то без каких-либо объяснений отправлял нас обратно, советуя подумать ещё раз. Тут нам помогали кадровые чиновники, и мы набирались опыта.

Запомнился мне разговор со стариком-секретарём. Он знал, что мой отец преподаватель и потому пользуется двухмесячным отпуском во время каникул учащихся. «А вот я, – сказал секретарь, – служу сорок лет и ни разу не был в отпуске». Затем после паузы добавил. «Когда я был молодой и женился, то по особому рапорту председатель суда предоставил мне отпуск на три дня». В настоящее время все забыли, что до революции никто из рабочих и служащих отпусками не пользовались.

Вскоре меня перевели для прохождения стажировки к исполняющему должность судебного следователя. Именно «исполняющему должность», так как настоящим несменяемым следователем в то время оставался только один на всю губернию. Дело в том, что правительству удобнее было иметь не следователей, которых можно было убрать только по суду, а лишь исполняющих должность, они были послуш-

нее. Попал я на учёбу к Тихановскому (в советское время он работал старшим следователем). Применял он своеобразный метод стажировки. Работало у него человека четыре кандидатов, проводили мы допросы свидетелей, обвиняемых, но протоколы подписывал сам следователь. Поручал он нам составлять и различные постановления: о приобщении вещественных доказательств, о привлечении в качестве обвиняемого и т.д. Напишешь проект и покажешь ему. Щадя наше самолюбие, т. Тихановский никогда с первого слова не браковал работу, а говорил: «Хорошо, хорошо, но не подпишу. Переделайте, подумайте, в чём ошибка». И так по нескольку раз. А иногда скажет и так: «Хорошо, только никуда не годится». В советское время он вёл особо запутанные дела. Когда после гражданской войны мне довелось работать народным следователем, часто вспоминал стажировку у него, она дала многое, хотя и была непродолжительной.

До призыва моего в солдаты на первую германскую войну довелось мне побывать на стажировке и в прокуратуре. Мне исключительно повезло – моим наставником был очень знающий, способный и работоспособный Н.Н. Иванов – товарищ прокурора, а выражаясь современным языком – заместитель прокурора. Был он находчив и довольно резок в выражениях. Как-то я обратился к нему с вопросом по поводу составления проекта обвинительного акта. Подошёл к нему не вовремя, он был очень занят, но всё же он меня выслушал и порекомендовал: «Спросите такого-то товарища прокурора (фамилию не помню), он Вам ответит, а Вы сделайте наоборот, вот и будет правильно».

Слушать его обвинительные речи было одно удовольствие, можно было научиться многому. Однако в те времена не считалось зазорным для прокурора вместо обвинительной речи ограничиться двумя словами «поддерживаю обвинение». Сейчас это, конечно, немислимо.

При воспоминаниях речей прокуроров не могу не остановиться на выступлениях в суде советского прокурора Н.В. Веселовского. Он в конце двадцатых годов был губернским прокурором, выступал часто и по наиболее трудным делам. Был он прирождённым оратором. Жаль, что речи не стенографировались, их надо было бы опубликовать. Его разносторонние способности были оценены советской властью и он, поработав некоторое время прокурором Нижегородской губернии, был откомендован в наркомат иностранных дел и назначен советником посольства Японии, где послом был Трояновский. Вероятно, было учтено его знание английского языка, которым он владел, проживая в Англии до Октябрьской революции, вероятно, как эмигрант.

Возвращаясь к своему дореволюционному наставнику Н.Н. Иванову скажу, что мне удалось встречаться с ним в 1930-х годах, когда он работал старшим следователем Верховного суда и вёл дела общесоюзного значения. Там же в Москве работал консультантом при Госарбитраже бывший дореволюционный прокурор Костромского окружного суда Червинский. Слышал, что один из его товарищей прокурора долго работал госарбитром, кажется, в Пензенской области. Все они безоговорочно приняли Советскую власть и работали не за страх, а за совесть.

Чтобы покончить рассказ о старой прокуратуре, упомяну ещё об одном товарище прокурора. Очень состоятельный человек с юго-запада России, он позволял себе крайне эксцентрические выходки, граничащие с самодурством, например: если он шёл по коридору суда, то канцелярские чиновники, да и мы, кандидаты, не имели права обогнать его, а если пытались это проделать, то он отговаривал: «Не торопитесь, идите сзади». Фамилию его помню, но не называю, она нередко встречается на концертных московских афишах и в газетных статьях о работниках советского искусства. Остановлюсь и на канцелярских чиновниках старой прокуратуры. Все они



работали и в советском суде, и в советской прокуратуре, некоторым из них пришлось учиться в заочной юридической школе, остальные так и остались секретарями.

В прозе А.С. Пушкина есть фраза: «Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади». Так вот, казначей окружного суда выплачивал «прогонные деньги» командируемым не по действительной стоимости проезда по железной дороге, на пароходе или на лошадях, а из расчёта вёрст по какой-то таксе на одну лошадь почтовой станции. Цифры эти перемножались, затем они ещё раз умножались на число лошадей, полагающихся тому или другому чиновнику, в зависимости от его должности. Если в командировку ехал председатель окружного суда, ему полагались прогоны на двенадцать лошадей, члену суда и товарищу прокурора – меньше, кажется, шесть, а секретарю или кандидату – на две лошади. Полагалась законная, безгрешная прибавка к жалованию. Представьте себе, что выездная сессия из губернского города отправляется в ближайший уезд, за сорок вёрст по железной дороге. Билет стоил один рубль, на пятерых – пять рублей, а казначей выплачивал за сорок вёрст на тридцать четыре лошади (на председателя – двенадцать, на члена суда и товарища прокурора – по шесть лошадей, на чиновника и меня – кандидата по две лошади). Если же действительно приходилось пользоваться почтовыми, то, разумеется, на одной тройке ехали и председатель, и член суда, и товарищ прокурора, считалось уже не три лошади, а тридцать. Мы с секретарём ехали на паре лошадей, а получали за четырёх лошадей.

Самая поездка оформлялась торжественно. Заблаговременно секретарь посылал открытку соответствующему станновому полиции (это соответствует современному начальнику районной милиции), чтобы к такому-то поезду, тогда-то были поданы тройка или пара почтовых лошадей и тоже на промежуточных почтовых станциях.

Многое, о чём вспоминаешь теперь уже не в качестве прокурора, а в качестве преподавателя вуза, покажется молодёжи нелепым, странным и просто смешным, но, надеюсь, всё же не лишённым интереса. Человеческая память несовершенна, и, возможно, что в деталях воспоминаний есть неточности, но в основном всё было именно так.

## СВИДАНИЕ В ЯРОСЛАВЛЕ

**А** переписка, начавшаяся после Италии, продолжалась, но встречи не было. Я закончил университет, состоял кандидатом на судебные должности и как-то летом в одном из писем прочел, что моя корреспондентка едет во Францию, указывает точно, когда ее поезд будет проходить через Ярославль. Прямого желанья встретиться нет, но ясно, что меня ждут. От родителей у меня не было секретов, и я спросил, как они на это смотрят, после чего собрался съездить. В намеченный день встречи рано утром получил телеграмму в два слова: «Не езди». Не согласен – поеду! Мой поезд пришел в Ярославль ранее транзитного, и я имел возможность встретить кого хотел, но в сопровождении мужа. Ничего страшного от этого не произошло, т.к. я за все время совместного путешествия мог честно смотреть доктору в глаза, как и в Ярославле, однако не скрыл, что встреча не является случайностью. Если бы я оказался на месте доктора, то хотя бы на 5 минут оставил жену одну, но он на это не пошел. Выпили на вокзале кофе, полчаса протянули в натянутых разговорах. Вскоре из Франции получил письмо, если ранее доктор не придавал значения нашей переписке, то на этот раз понял, что дело складывается серьезно. Не удалось мне поговорить откровенно, но я не жалел, что повидался и не разочаровался.

В прошлом году видел пьесу «Варшавская мелодия». Играют только двое – героиня и герой. Встречи молодых людей продолжают многие годы. И тогда, когда они создали свои семьи. Ни разу они не вступали в близкие отношения, но забыть друг друга не хотели и не могли.

## ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ СУДА

*Н*ачалась первая немецкая война. Меня еще не призывали, т.к. я имел «синий» билет ратника второго разряда – один сын у матери. В русской истории еще не было случая, чтобы единственных сыновей призывали, и я продолжал стажировку кандидата. Зимой в качестве и.д. секретаря выездной сессии Окружного суда ездил под присмотром кадрового чиновника в Ветлугу. До Шарьи поездом через Вологду, а в Шарье у вокзала нас ждали лошади – тройка для зампреда, члена суда и товарища прокурора и пара для меня с чиновником. Судейский курьер ехал на облучке тройки. Все были одеты в тулупы. У одного из старших кандидатов была новенькая медвежья доха, он и дал мне ее для поездки, а у генерала была выдавшая виды енотка. В Георгиевском, где предстояла смена лошадей, все мы, запорошенные снегом, ввалились на станцию. Порядок требовал, чтобы смотритель лично помог генералу раздеться, а он, увидев мою богатую доху, бросился ко мне, но быстро понял ошибку: лицо не похоже на генеральское. Отскочил от меня, но было уже поздно – его услуги не потребовались, помог курьер. Пробыли в Ветлуге с неделю, жили в меблированных комнатах какого-то повара, который держал и кухню. Как-то вечером ко мне заявился местный ветеринарный врач по фамилии тоже Лаговский. С почты ему доставили письмо на мое имя, а он, не разобрав инициалы, подумал, что

письмо адресовано ему. Вскрыл, но убедился в ошибке, почему и явился с извинениями. Этот однофамилец, конечно, из семинаристов, которых охотно принимали в Казанский ветеринарный институт, был, вероятно, каким-либо дальним родственником, имея со мной общего прародителя Григория Лаговского, преподавателя пиитики в духовной семинарии, где он в 1750 году по совместительству заведовал библиотекой. Об этом я вычитал в печатном каталоге семинарской библиотеки.

Выездная сессия в Ветлуге закончилась, надо возвращаться опять тем же путем в Кострому. Городовой, которого выставили на пост у наших меблированных комнат, доложил нашему курьеру (он его считал тоже начальством), что лошади поданы. Я еще накануне получил разрешение генерала ехать в Кострому через Петроград, сказав, что там мне хочется повидать одну «родственницу». Я узнал, что она находится там на курсах поднятия квалификации. Я боялся, что мы опоздаем в Шарье к прямому петроградскому поезду и уговаривал нашего кучера выехать вперед тройки, но он решительно отказался, сказав, что у меня «чин мал и нельзя лезти впереди генерала». Но мы не опоздали. В Вологде все пересели на Ярославль, а я промчался на Петроград, остановился в гостинице «Северной», вечер же провел там, где меня уже ждали, вернее, ждала.

Несколько лет, отделявших нас от Италии, ничуть не охладило наших отношений, но мы оба могли бы честно смотреть в глаза всем и каждому. На другой день вечером я должен был уехать прямым поездом в Кострому. Днем из цветочного магазина на Невском послал корзину цветов. До сих пор не понимаю, почему нам обоим не пришло в голову проститься на вокзале, меня никто не провожал.

## ПЕРВЫЙ АРМЕЙСКИЙ ОПЫТ

К началу 1915 года, после экзамена на старшего кандидата, меня прикомандировали к прокуратуре, дали оклад старшего кандидата в 75 рублей, и вскоре я стал и.д. товарища прокурора. Весной поехал в отпуск на грязевой курорт Тинаки близ Астрахани, т.к. у меня почему-то появились боли в колене правой ноги. Изумительное действие грязей, все прошло бесследно, и когда осенью 1915 г. меня призвали в армию, я был призван строевым. К этому времени льготы для единственных сыновей были отменены, а по должности я не подлежал освобождению, т.к. был только и.д. прокурора.

По просьбе прокурора Окружного суда А. М. Червинского воинский начальник отправил меня в Орел не с общим эшелоном призывников, а одиночным порядком позднее на три дня. Проводили меня родители на старый вокзал, билет я взял второго класса, т.к. не был еще обмундирован полностью в солдатскую форму, имел только фуражку с солдатской кокардой. В Москве тоже пересел в вагон второго класса, досталось верхнее место в купе. Тут же оказался раненый в голову офицер, и я уступил ему свое место, а сам остался на сидячем месте внизу рядом с какой-то молодой женщиной, демонстративно показывавшей свое обручальное кольцо.

Как обычно начались расспросы, кто куда едет. Когда я сказал, что еду в Орел в запасной полк, моя соседка меня поправила: не в Орел, а в Карачев. Я не придал этому значения, поскольку в моем предписании ясно был указан Орел. Пospорили в шутливой форме и мне напророчили, что из Орла вместе двинемся на Карачев. Спать сидя неудобно, поневоле ночь проходит в разговорах всех спутников по купе. В Вязьме на вокзале купил прославленных вяземских пряни-

ков и всех угостил. В Орле явился к воинскому начальнику, который к моему удивлению выписал мне литер именно в Карачев.

Утром отправился на базар, чтобы купить портянки. В Костроме я купил сапоги, но без привычки и в одних носках чувствовал некоторое неудобство в новой обуви. Портянки купил быстро, но теперь задача – как их наверхнуть на ноги. Тут я убедился, до чего же хороший народ орловцы: бабы меня обступили, и каждая советует и помогает обуваться. Прямо потеха!

Среди дня пришел на вокзал. Там моя спутница с мужчиной в судейской фуражке. Знакомлюсь, он член Окружного суда, а кто моя спутница, так и не выяснено. Вечером подъехали к Карачеву, беру маленький чемоданчик незнакомки и провожаю ее к выходу с вокзала. Ее ждет коляска с парой рысаков в дышло. «Ну, теперь я назовусь, я дочь командира вашего полка, жалею, что сразу же не могу пригласить вас к себе, т.к. вы все же солдат, а отец мой полковник старых правил». Переночевал на вокзале, утром явился в штаб полка, откуда меня отправили в восьмую роту.

За три недели, что провел в роте, офицеров не видел, занимались с нами унтер-офицеры – и на строевых, и на «словесности». После ужина выходили во двор и пред своим баракom пели с полчаса «под шаг» песни. В общем, ничего худого или зверского не было, люди как люди.

## ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

**К** первому октября отбирали солдат с высшим образованием – в военные училища, со средним – в школы прапорщиков. С университетским образованием

должны были направить в Александровское московское пехотное училище. Это училище считалось гвардейским и туда, по крайней мере в мирное время, брали только дворян. Я и подал по команде рапорт, чтобы меня отправили в Алексеевское училище, там хотя бы дисциплина, как я слышал, построже, но народ проще. Может быть, командир полка слышал от дочери, что за птица в восьмой роте – Лаговский, а может быть, по чему-то другому, но направление мне дали в Алексеевское училище. Была комедия с медицинским осмотром перед отправкой. Осмотра никакого и не было, а дело происходило так: нас, человек 30, построили, вышел полковой врач и спросил, кто болен. Таких не оказалось, значит, все здоровы, и врач приказал своему писарю раздать нам справки. Скоро и хорошо.

В Москву ехали одиночным порядком, приехали вечером, в училище пустят только утром, где-то надо ночевать. Случайно попался знакомый, бывший костромской гимназист, он служил санитаром в госпитале около Лубянской площади, и сказал, что может меня с товарищем устроить на ночь в госпитале, это лучше, чем искать по Москве пристанища на частных квартирах у старых знакомых и стеснять их. Пришли в госпиталь, когда там вечерняя проверка кончилась, врачи ушли, остались только дежурные сестры, которые и уложили нас среди раненых на свободные койки, но с условием, чтобы в шесть утра «духу нашего не было».

Спозаранку встали, поблагодарили милых сестер и отправились закусить в чайную. Тогда еще существовали эти чайные, удобные, дешевые, простецкие. Потом их начали презрительно называть «чайнушками», затем закрыли и заменили кафе с претензиями. Когда в тридцатых годах, будучи народным следователем, я ездил по деревням, то встречал сохранившиеся еще чайные с постоянными дворами. Не забуду чайную на реке Шаче. Вода что ли там была хороша или дело было поставлено умело, но такого вкусного чая ни я, ни

мой обычный спутник, судебный врач А.Н.Городков, нигде не пили. Время, часа полтора, пока наши лошади отдыхали и похрустывали овсом, проходило незаметно.

После такого панегирика чайным обращаюсь к училищу. До зачисления и смены солдатского обмундирования на юнкерское мы подверглись строжайшему медицинскому осмотру, т.к. допускавшиеся для солдат погрешности в здоровье не допускались для будущих офицеров. Проверяли в темной комнате зрение и способность при слабом освещении точно различать цвета, для чего давали клубки шерстяных ниток. Провалившиеся при осмотре возвращались в части, откуда прибыли. Меня по росту назначили во вторую роту. В первый день нас не трогали, мы осматривались и знакомились друг с другом. В шесть часов утра с сигналом трубы «подъем» машина обработки людей пришла в движение. Система разработана изумительно: двухлетний курс мирного времени надо было вбить в четыре месяца. Все общеобразовательные предметы были изгнаны, т.к. мы уже имели образование, остались науки чисто военные, строевые и полевые занятия, дисциплина и еще раз дисциплина и выправка. Малейшие нарушения карались беспощадно. В нашем училище провинившихся лишали воскресного отпуска, отправляли на свою училищную гауптвахту под арест и чаще всего ставили под винтовку.

Этот последний вид взыскания не применялся в Павловском и Александровском училищах, а у нас назначался даже по усмотрению взводного офицера и не требовал ничего утверждения. В училище было традицией не выпускать никого в офицеры без того, чтобы он попробовал стойку под винтовку. Провинившихся выстраивали перед комнатой дежурного по училищу офицера, подавались команды «смирно!», «на плечо!», и мы с винтовками на плечах буквально застывали на целый час. Малейшее движение могло вызвать команду «к ноге!», но сейчас же снова «на плечо!» и снова на час. Это было очень тяжело, но проделывалось это над нами



в значительной мере для того, чтобы мы сами в будущем не вздумали бы злоупотреблять своими правами ставить солдат под винтовку. Я, начавший строевую службу командиром взвода, никого ни разу под винтовку не поставил, избирая в случае необходимости другие виды взысканий.

Весь командный состав училища был безукоризненно вежлив, но того и гляди, что такая маленькая шишка, как командир взвода, за какой-то твой промах может показать молча два пальца – это значило два часа под винтовкой. Начинать следует с начальника училища. Невысокий, плотный добродушный генерал-лейтенант Хамин. Фамилия неблагозвучная, но это его не портило. Видели мы его редко, а при встречах в коридорах, становясь за четыре шага до него во фронт, с удовольствием выкрикивали: «Здравия желаю, Ваше превосходительство!». Генерал здоровался с юнкерами, на приветствия не скупился. Помощник его полковник Попов осуществлял общий надзор, сосредотачивая внимание не столько на юнкерах, сколько на офицерах и преподавателях. Можно назвать светлой личностью командира нашей роты, кадрового офицера гвардии капитана Васильева. Очень выдержанный, неторопливый, с легким юмором, он был хорошим, по моей оценке, художником. Как я узнал об этом, скажу позднее. У него не было ненависти к юнкерам со значками университета, но как-то на строевых занятиях, потребовав повторения плохо выполненной команды, он, улыбаясь в усы, сказал вполголоса: «Это вам не университет».

Был я дежурным по роте, сидел ночью за столиком дежурного. Пришел капитан, я его встретил как положено и сопровождал при осмотре всех помещений роты, причем, все время держал руку у бескозырки, поскольку не слышал от него команды «вольно». Он определенно испытывал меня, оглядываясь время от времени. Я знал его «пунктик»: проверить в умывальнике, нет ли в медных начищенных длинных тазах окурков. Я проверил уже ранее – чисто. Во взводах все

юнкера спят, никто не храпит, никто не спрятал голову под одеяло, платья расположены на тумбочках по всем правилам. И за все это отвечал дежурный по роте. Замечаний не было, только, уходя из роты, капитан сказал: «Смотрите не засните, ведь я могу пожаловать еще раз».

Полуротный, присланный с фронта раненый штабс-капитан, был человек не вредный, если не считать одного случая, когда ему показалось, что наш взвод при подходе к училищу со строевого учения не «дал ногу», и он приказал поставить весь взвод под винтовку на час. Ну, всем взводом и стоять легче, и обиды мы не затаили.

Есть у Куприна роман «Юнкера», где описываются порядки в Александровском училище. Писатель несколько идеализирует обстановку в мирное время, но в общем-то говорит правду и с некоторыми поправками с ним можно согласиться. А вот в одном из других рассказов Куприн клеветает устами одного офицера, говорившего, что половина офицеров не только пьяницы, но и венерики. Я не верю. Может быть, Куприн, провалившись на экзаменах в академию и оставив военную карьеру, считал себя в какой-то мере обиженным? Я же могу утверждать, что прохвосты, как исключение, все же были. Яркий пример этого – наш командир взвода прапорщик Лавров. У него красовался значок Катковского – неполноценного юридического лица, куда зачислялись сыновья фабрикантов, купцов, кабатчиков, имевших возможность платить за обучение в шесть раз дороже, чем в университете, и тратить большие деньги на содержание и обмундирование. Форма лицеистов была по существу как и у студентов, с той разницей, что воротники и околыши у нас были синие, а у них красные. Но лицеисты показывались на улицах только в треуголках, со шпалами и в белых перчатках, автобусами и трамваями не пользовались, им полагалось или ходить пешком, или катить на рысаках.

Выкормыш такого лица прапорщик Лавров и попал в кадры училища. Службу он знал, в этом ему отказать нельзя, но все свои старания он употреблял, чтобы выслужиться перед начальством и закрепиться в училище до конца войны. А кроме того, чтобы отравить и так несладкую жизнь юнкеров. Подозвав к себе юнкера младшего отделения, он неожиданно для него пробовал, достаточно ли туго затянут поясной ремень: если можно подсунуть под него не один, а два пальца – неминуемое взыскание. Старшие юнкера этот прием уже знали и своевременно успевали «надуваться»

Нас не отпускали на воскресенье в первый месяц службы, а потом, перед тем, как выпустить из стен училища, подвергали многократной проверке. Прикрепленные к роте «учителя» из юнкеров старшего курса (у нас был юнкер Васильев) посоветуют и научат исправить, что надо. Затем проверяли командир взвода, полуротный, ротный и командир батальона. Блестят ли пуговицы и пряжка, не морщит ли где шинель, правильно ли сидит папаха, не торчит ли на пальце перчатки ниточка, умеет ли юнкер отдавать на ходу честь или вставать во фронт. Каждый из проверяющих имел право скомандовать «в роту», если находил какой-нибудь недостаток. Эта команда обжалованию не подлежала. Дело ставилось так, чтобы на юнкера-отпускника смотреть было «любо-дорого». Как-то в субботу было приказано показать выходные шинели, не помяты ли они, начищены ли пуговицы. Осматривал Лавров, наш командир взвода. Один из юнкеров по какому-то поводу не мог отправиться в отпуск и на проверку не вышел. А когда его все же вызвали, он схватил у кого-то из юнкеров уже «апробированную» шинель, накинул ее, как полагается, на плечи и подошел к проверяющему. «Два часа под винтовку – пуговицы не чищены». Юнкер не мог сказать, что он в отпуск не идет, не мог доложить, что шинель-то уже была осмотрена, т.к. в этом случае он сознался бы в обмане, и пришлось ему смириться – два часа отстоял.

При училище была домовая церковь, в которую юнкера назначались по наряду. Лавров чувствовал, что мы его ненавидим, и особенно двое с университетскими значками, т.е. я и Изячик, так он нас вне всякой очереди назначал по воскресеньям за обедню, а это значило, что в субботу не уйдешь, а только к полудню в воскресенье. Конечно, стоять в церкви было легче, чем под винтовкой, можно было переступить с ноги на ногу, но вертеть головой и заглядывать на боковые хоры воспрещалось, за этим следили стоявшие сзади нас офицеры. Не помню, но в какое-то время службы можно было вставать на колени, что все охотно и выполняли – ведь это отдых – да так и не вставали, пока не услышим подававшуюся сзади команду вполголоса: «Встать!». Было мудрое правило: если юнкер по какому-либо случаю побывал в околотке на приеме, он автоматически лишался отпуска. Этим выражалась забота о здоровье: был на приеме, значит, нездоров, отдохни в училище. На машинной гимнастике, преодолевая высокий «забор», я неудачно навалился ребром на доску, почувствовал острую боль и свалился, а не соскочил с забора. Приказано идти в околоток, где доктор убедился, что ребра не сломаны, но есть внутреннее кровоизлияние, велел санитару намазать мне грудь йодом и отправить меня в роту без освобождения от строевых занятий. Ну, все обошлось благополучно, за исключением того, что в очередной отпуск я не попал.

Расписание занятий разнообразилось по неделям. Если в одну строевые проходили до обеда, то классные после обеда, а на следующей неделе наоборот. На младшем курсе меня назначили старшим по классу. Это значило, чтобы все к началу урока были на местах. При появлении преподавателя я должен был что есть мочи подавать команду: «Встать, смирно!». Затем бросаться по проходу навстречу преподавателю, как бы желая сбить его с ног, но остановиться от него ровно за четыре шага, рапортовать, а затем

отступить на шаг в сторону. На старшем курсе эту обязанность возложили на фельдфебеля роты Батракова, о нем еще будет речь впереди.

Из преподавателей помню старика-генерала Гутора, который читал тактику и внушал нам, чтобы мы не обращали внимания на строевые занятия, а изучали теорию. Строевики же внушали нам совершенно обратное. Учебная и строевая части были не в ладах. Санитарное дело читал доктор-полковник Мاستыко, уже старый. Деловую часть лекции оживлял анекдотами и некоторыми подробностями, о которых обычно умалчивают. Если в классе раздавался смех, сердился или, во всяком случае, делал вид, что сердится. На экзамене задал мне один вопрос: «Почему после гороху испачкаешь дорогу?». Слово «испачкаешь» он заменил другим, народным словом. При нашей двенадцатибальной системе доктор оценил мой ответ только девяткой. Эта отметка на отпуск не влияла, а при более низких баллах организовывалась зубрежка и в воскресенье.

Кстати об отпусках. Командир роты предупреждал, чтобы мы в отпуске не болтали: «у нас в училище, у нас в роте». Он убеждал нас, что нашим прелестным знакомым это совершенно неинтересно, и потому рекомендовал: «обнимай и молчи».

Фортификацию преподавал инженер-полковник генерального штаба, очень знающий человек. Был он, как и все, очень переутомлен и как-то во время урока, когда вызванный к доске юнкер чертил схему окопа, полковник, сидя за кафедрой, уснул. Сидим тихо, раздался сигнал отбоя, полковник не просыпается. Если бы так продолжалось до прихода следующего преподавателя, то неизвестно, чем бы это все кончилось. Наш фельдфебель поступил правильно, он громко доложил: «Господин полковник, был сигнал!». Сконфуженный полковник вскочил и удалился со словами: «Ну, господа, извините». Мы этот случай сохранили в тайне.

Надо признать, что порядки в училище были разработаны превосходно и умно. Нам оставалось только подчиняться. Если на строевых занятиях в морозы мы и зябли, то были уверены, что сейчас же попадем на машинную гимнастику в здании, из нас пар пойдет и о простуде не может быть и речи. Верховой ездой занимались даже без шинелей, но в этих случаях нам выдавали суконные мундиры вместо гимнастерок, в которые были одеты в ротах, несмотря на то, что температура там поддерживалась в 5 градусов. Проводивший учения по верховой езде кавалерийский ротмистр заставлял нас не пользоваться ни стременами, ни уздечкой, объяснив, что на первых занятиях мы будем вылетать из седла в снег, и что он не будет усматривать в этом какого-либо нарушения. А вот если юнкер схватится за гриву лошади, чтобы удержаться в седле, то это сочтется за проступок, влекущий за собой лишение отпуска.

У меня были минимальные навыки в верховой езде, но и я, не желая терять отпуск, вылетал из седла. Кони, великолепно выезженные, хорошо понимали и выполняли команды офицера, стоявшего с бичом в центре круга. Кавалерийские команды отличаются от пехотных. Если в последних команда обрывается резко: «шагом марш», то в кавалерии и конной артиллерии конец растягивается: «шагом или рысью ма-а-а-рш». Если бы нам, нетренированным наездникам, пришлось в голову по своему усмотрению изменить аллюр коня против заданного – из этого ничего бы не вышло, кони выполняли команды офицера. Эти занятия проводились партиями по двадцать человек, т.к. выезженных коней не хватало.

Ужасная штука – вытягивание в бег. В манеже цепочка юнкеров выстраивалась по кругу и шла обычным шагом, затем по команде «бегом марш!» бежали. Время для бега заранее не устанавливалось, бежали до предела сил. Вот тут-то опытный командир и должен был уловить момент, когда

подать команду «шагом марш», так как в противном случае кто-либо из юнкеров мог бы и свалиться, а самовольно изменить бег на шаг не пришло бы и в голову.

Разборка, сборка, чистка оружия, револьверов и винтовок – русской трехлинейной и японской «арисака, метание гранат входило в программу, как и работа с аппаратами связи. Перед новым годом ранним утром по тревоге все училище построили с оружием в руках, но без боевых патронов и объявили, что пойдем для стрельб на Ходынку в летние лагеря. Мороз небольшой, гололедица, идти по мостовой с винтовкой на плече трудно, к тому же нужно держать строй. Хорошо, что шли под оркестр или под барабаны – это очень облегчало дело.

Сколько верст от Лефортова до Ходынки – не знаю, но много. Первая остановка с командой «оправиться, можно закурить» была у Красных ворот под окнами Александровского института. Музыка привлекла институток, белые пелеринки виднелись во всех окнах второго этажа, но быстро исчезли, как по команде, очевидно классные дамы сочли проявление патриотических чувств неуместным. А жаль. В училище женщин вообще не было, хотя бы в качестве буфетчиц, поломоек, машинисток и т.д., все эти работы выполняли только мужчины.

Второй пятиминутный отдых был у Белорусского вокзала. Здесь к нам подошла более чем скромно одетая старушка: «На войну вас, милые, гонят?». Не успели ей объяснить, что пока мы еще учимся, как она из узелка носового платка достала гривенник и подала его мне, т.к. я стоял около нее. Не желая обижать ее, я гривенник взял и потом долго хранил его. Кстати, где-то читал, что в Польше нет стариков и старух, а есть «старшие паны» и «старшие пани». По-моему, это хорошо. Вероятно, я так считаю потому, что сам чувствую себя «старшим паном».

Пришли на Ходынку в ранние сумерки. Нас встретили командир батальона и роты, которые верхами прибыли ранее нас. Командование успокоилось, что все, несмотря на гололедицу, обошлось благополучно. Разместили нас в летних без печек бараках, на соломе. После горячего ужина проспали ночь под шинелями. Утром проводились стрельбы из винтовок по движущимся мишеням. За мишенями в блиндажах сидели сменные юнкера, показывавшие результаты стрельб. Стрельба и отбои проводились по сигналам трубы: к началу – «попади, попади, попади», а к отбою – «ту, ту». Указчиком из блиндажей приказано было не выходить до тех пор, пока к ним не подъедет верховой. Умная предосторожность.

Я лично отстрелялся из винтовки неважно, однако не настолько, чтобы заставили повторить стрельбу. Впоследствии в училище при стрельбе в тире из нагана я удивил и даже обрадовал командира роты, лично проводившего стрельбу, всадив все пули в яблочко.

Вторую ночь провели тоже в бараке, а утром тем же порядком отшагали в училище, где вечером нас отправили в баню. Это представляет интерес. Нелепая традиция требовала, чтобы очередная партия юнкеров, прибыв в баню в шинелях «внакидку» (если даже был мороз), не садилась и не раздевалась, пока старик-банщик не поздоровается с нами, мы же должны были ответить ему как генералу. Тогда он разрешал раздеться. На мытье давалось вместе с одеванием 15 минут, т.к. являлась следующая партия.

23 декабря юнкеру, если у него нет взысканий, выдавалось новое обмундирование – шинель и мундир для поездки домой на три рождественских дня. На всех московских вокзалах к вечерним поездкам подавались вагоны специально для юнкеров. С Северного вокзала нас ехало много, вагон был полон, посторонних никого. По общему согласию мы разрешили пустить в вагон одного «зайца», вернее «зайчиху», институтку или курсистку, которая вообще не достала билета до



Костромы. Можно представить, каким вниманием и почетом она была окружена. Оказалась она родственницей одного из костромских адвокатов Е.А.Огородникова. Приехав домой, узнал, что 202 полк из Карачева передислоцирован в Кострому. Значит, я теперь уже не солдат, а юнкер, могу и даже должен явиться с визитом к дочери командира полка Елене Павловне Чуйковой, что я и сделал. Командира дома не было, а дочь приняла меня приветливо и, считая полк «своим», высказала предположение: «Надеюсь, что при производстве в офицеры вы явитесь в наш полк». Красотой она не блистала, но держала себя прекрасно.

Три дня, которые я провел у родителей, промелькнули быстро, и у нас были гости, и мы ходили к знакомым. До производства оставался один месяц – январь, а там распределение вакансий. Будут ли они в Кострому, и удастся ли такую получить?

Еще до рождественских каникул, следовательно, до перехода на старший курс у меня состоялся разговор, именно разговор, а не выслушивание приказа от командира роты. С утра строевые занятия на плацу проводил сам командир роты. Все шло своим чередом, когда мы, в том числе и командир роты, увидели, что на плац в своей коляске едет начальник училища. В этом нет ничего из ряда вон выходящего, если бы не одно обстоятельство: командир роты был в калошах, он должен рапортовать генералу, а калоши по уставу не полагались. Пока коляска приближалась, капитан зашел за нашу шеренгу с тыла, сбросил калоши и не в виде приказа, а попросту сказал, чтобы кто-либо из юнкеров запрятали по одной калоше в карманы. После этого подал команду «смирно» и отрапортовал подошедшему генералу. Тот, конечно, поздоровался с нами, мы рявкнули, как полагается, генерал осмотрел строй и уехал. Калоши опять обрели свое место.

Капитан решил, что занятия можно закончить досрочно, приказал фельдфебелю вести роту в училище, а мне прика-

зал следовать с ним, захватив папку с картами, которую он держал в руках. «Слушаю» - ответил я, выйдя из строя. Уточняя кое-что по поводу своего ответа. В романах и повестях на военные темы современные писатели, не зная порядков старой армии, заставляют своих действующих лиц отвечать на приказы старшего словами «слушаюсь» или еще хуже – «слушаю-с», т.е. берут глагол «слушаться» или буквой «с» делают подхалимскую, лакейскую приставку. Так не было и так не должно быть.

Как и было приказано, фельдфебель повел роту, а я, отступив на два шага, пошел сзади капитана. Однако вскоре капитан сказал, что разговор будет неофициальный, и я должен идти рядом. Капитан сказал, что предполагает назначить меня фельдфебелем роты при переходе на старший курс, что мог бы это сделать приказным порядком, но хочет узнать мое мнение по этому вопросу. Тут мне надо соображать быстро. Во-первых, это для меня очень лестно – получить право командовать целой ротой и носить шашку. Затем – полная гарантия остаться при училище в должности курсового офицера и ждать тут победы, в которой мы тогда не сомневались. Но, во-вторых, я никогда не стремился делать военную карьеру и окапываться в тылу: пусть, что будет! Если останусь жив, мне предстоит прокурорская работа. И еще немаловажное соображение: после выпуска могу некоторое время побыть дома, если выйду в 202 полк.

Тем временем мы подошли к квартире капитана, и он пригласил меня зайти. Семейный он или холостой – не поймешь, но в комнатах порядок, обе увешаны картинами маслом работы капитана, как он сам мне сказал. Разумеется, я не искусствовед и не могу судить о достоинствах картин, но для меня было полной неожиданностью узнать, что кадровый гвардии капитан, он же строгий командир роты в училище одновременно является и художником.

«Ну, так какой ответ, юнкер, дадите?». Я искренне поблагодарил за честь и сказал, что не чувствую себя в силах оправдать доверие и потому прошу не назначать меня фельдфебелем. «А кого бы вы могли рекомендовать?». У нас в роте был юнкер постарше остальных, до призыва служил сельским учителем, отметки по всем предметам имел неплохие и сверх всего этого носил красивую черную бородку, которая придавала ему солидность. Это юнкер Батраков, фамилию его я и назвал. После этого капитан отпустил меня в роту. Через несколько дней последовал приказ о назначении Батракова фельдфебелем. Когда я приезжал на рождественские каникулы домой, то рассказал родителям о своем решении, и они его одобрили.

Недели за три до производства к нам в училище были приглашены портные и сапожники от торговых фирм, чтобы снять с каждого из нас мерки на шинели, кителя, гимнастерки, парадные и простые сапоги, каракулевые папахи и т.д. За неделю до производства все было доставлено. Расплачивалось училище из тех 300 рублей, которые отпускались нам на обмундирование. За неделю же нам выдали нагрудные знаки училища в виде красной эмали креста с перекрещенными шашками. Очень красивый значок. Одновременно на всех выпускников не хватило, некоторым пришлось ждать несколько дней. И вот тут произошел прискорбный случай: один юнкер продал свой значок другому. Это стало известно командованию, и продавший значок юнкер был за неделю до производства в офицеры отчислен из училища и отправлен рядовым в тот запасной полк, откуда прибыл.

По положению производить в офицеры должен был государь, но это заменялось телеграммой, оглашаемой нам, выстроеным в манеже юнкерам, которые с этого момента становились офицерами и принимали присягу. После нее начальник училища обратился к нам со словами приветствия и по традиции пригласил нас на молебен, а предварительно



*Солдат Александр Лаговский  
перед отправкой на фронт.  
1914 год.*

нужно было зайти в роты и надеть офицерские погоны. Мы же, привыкшие к командам, а не к приглашениям, не тронулись с мест, пока к нам не подошли курсовые офицеры и не растолковали, что команды не будет, и мы двинемся не в строю, а как нам заблагорассудится.

Распределение по частям состоялось ранее, и мы уже знали, кто куда пойдет. Кончившие училище со всеми отличными оценками имели право избрать любой род оружия и любую воинскую часть. Я к таким не принадлежал и по среднему своему баллу подходил в очередь. К моему удовольствию вакансия в 202 полк

была не занята, и я ее получил. Предстояло еще получить оружие – шашку, револьвер и патроны, а также выпускные деньги, кажется, по 300 рублей. Все это выдавал нам командир роты в цейхгаузе. Когда я расписывался в ведомости, вертевшийся тут же прапорщик Лавров заглянул через плечо в ведомость и позволил себе сказать: «Кто же так расписывается». Это меня взорвало, и я полным голосом разъяснил ему, что замечание его считаю неуместным, что он не знает устава, запрещающего высказывать непрошенные соображения, особенно в присутствии капитана. Бывший командир взвода покраснел, как рак, а я, должно быть, от злости побледнел, и капитан счел необходимым вмешаться: «Не горячитесь, господа, прапорщик Лавров, я не задерживаю вас, вы свободны». Больше я его не видел и не знаю, как он и училище вели себя при Февральской революции.

## СЛУЧАИ ИЗ ЮНКЕРСКОЙ ЖИЗНИ

Чтобы совсем расстаться с училищем и освободить свою память о нем, изложу еще несколько случаев. Днем в воскресенье у Мясницких ворот, ожидая трамвая, я заметил уголком глаза жандармского ротмистра, подходящего к остановке, и отвернулся, чтобы его не приветствовать. Он подошел ко мне вплотную, тогда уж я вытянулся, а он мне сказал, чтобы я при возвращении из отпуска в училище доложил о полученном замечании за уклонение от приветствия. Являться из отпуска нужно до 11 часов вечера, опоздание с рапортом хотя бы на одну минуту влекло взыскание. Что же могло произойти? Юнкера до назначенного срока выстраивались в очередь, но не все к 11 часам имели возможность явиться к дежурному офицеру, и он таким «опоздавшим» говорил: «Неделю без отпуска, приходили бы с запасом времени». Обычно рапорт сводился к докладу, что «происшествий никаких не случилось». Я же обязан был доложить о замечании от жандармского офицера, что и выполнил. Вместо ожидаемого взыскания я услышал: «Правильно поступили, так продолжайте и в будущем, можете идти в роту».

Тут дело вот в чем. Если офицер из армии, а тем более из гвардии уходил на службу в жандармерию или полицию с сохранением офицерского чина, он уже ни при каких условиях не принимался ни в одну из военных организаций. Это был уже отщепенец, хотя формально числился офицером. Все это приобретало уже политический оттенок: армия оберегала себя.

Случай второй. Мы проводили занятия по съемке местности. Был мороз. И нам разрешалось зайти в чайную обо-

греться. Я с одним юнкером забрались в чайную, заказали «пару чаю» и за столиком наносили на бумагу план снятого нами участка местности. За соседним столиком пили чай какие-то возчики. У одного из них остался кусок сахара. Возчик, уходя из чайной к своей лошади, подошел к нам, положил на стол кусок сахара и сказал: «Не побрезгуйте, служивые». Мы, конечно, не побрезговали. По-моему, это было прекрасно.

И последний эпизод. Воскресенье, мороз, я в отпуске, доехал до Театральной площади на трамвае, очень тороплюсь, да иначе и нельзя: шинель без теплой подкладки, сапоги с обычными носками, т.к. портянок не полагалось, папаха закрывает только правое ухо, а на руках черные лайковые перчатки. С Охотного ряда сворачиваю на Тверскую и почти наскакиваю на отставного генерала (видно по погону), успеваю встать во фронт, старательно держу «громоотвод» у папахи, думаю, неужели заставит вернуться в училище? Старик оказался не злой, но что-то начал мне внушать, я даже хорошо не расслышал. Но зато увидел, что его спутница, державшаяся с ним «под ручку», оттягивает его от меня и говорит: «Дедушка, дедушка, пойдемте, а то ведь холодно». Дедушка слушается внуку, внучка улыбается юнкеру, а он жалеет, что невозможно ее поблагодарить. Вот, кажется, и все об училище.

## В ДОЛЖНОСТИ КОМАНДИРА ВЗВОДА

**В**споминать радость встречи с родителями и не приходится, т.к. помню всегда. Надо являться в полк, он размещен по баракам, специально выстроенным

городом в конце Мясницкой улицы (странно, что она не изменила названия, хотя на ней боен давно уже нет). Первая и официальная встреча с адъютантом полка прапорщиком Граф, тем самым, который отправлял меня из Карачева в училище. Затем по всем правилам рапортую командиру полка полковнику Чуйкову. У него такой же значок Алексеевского училища, как и у меня. Значит, дисциплину знает, требует и любит. Тут же дает распоряжение адъютанту подготовить приказ о назначении меня командиром взвода второй роты, где командиром состоит подпоручик Греков. Иду к нему, рапортую, получаю взвод, но в этот день фактически не вступаю в командование, а изучаю расписание занятий, беседую со взводным унтер-офицером (на погонах три нашивки, не молодой уже человек), затем командир роты предлагает мне познакомиться с другими офицерами роты, рекомендует зайти в офицерское собрание полка, осмотреться, пообедать и отпускает меня до утра следующего дня.

Явился вовремя, взвод построен, взводный унтер-офицер скомандовал и отрапортовал. Поздоровался, ответили хорошо. Программу занятий знаю, но уверенности не хватает: в училище научили выполнять команды, но не научили командовать. Умница унтер-офицер ходит за мной следом и при малейшей моей заминке подсказывает ненавязчиво шепотом правильную команду. Фамилия его Тимофеев, он в кадре, значит с маршевой ротой не пойдет, а вот таких взводных командиров-офицеров проводил, вероятно, много. Перерыв на обед, и опять занятия.

От напряжения уставал первые дни сильно. Командиры остальных взводов успокаивали, что втянусь быстро. Прапорщик Трус, совсем мальчик, бывал у меня дома, он очень понравился моей матушке, она и напутствовала, и снаряжала его из нашей квартиры на фронт в качестве командира маршевой роты. Наш полк был прикреплен к стрелковой дивизии, находившейся тогда на румынском фронте. Миниатюр-

ный прапорщик Леман прекрасно играл на рояле и выступал в полковом собрании на любительских концертах.

Познакомился и с офицерами других рот. Шелухин, сын нотариуса из Риги, талантливый скрипач, которому у себя дома я с удовольствием аккомпанировал, как и Васе Шилкову, бывшему литейщику из Сибири, обладателю приятного баритона. Его я демонстрировал и в семьях своих знакомых. Простецкий, из кинешемских счетоводов, Иван Усин, возрастом постарше остальных, оставил дома жену и двоих сыновей. У него была удивительная способность быстро и легко сходитья с людьми. Впоследствии, явившись из плена, в который он попал на острове Эзель, он на первое время и обосновался у нас, т.к. с женой в Кинешме у него не ладилось.

## СЛУЖБА В ШТАБЕ ПОЛКА

Прослужил я в роте всего две недели. Из штаба полка потребовали от командира роты доклад, освоился ли я со службой на взводе, и получили ответ, что со взводом справляюсь. После этого меня прикомандировали к штабу полка, но так как там штатной должности для меня не было, а штаты нарушать нельзя, то я числился в роте. Численность полка доходила иногда до девяти тысяч, адъютанту одному управляться трудно, кроме того председатель полкового суда капитан Бортовский просил постоянного секретаря суда, командир же полка, вероятно, рассчитывал, что я, как коренной костромич, буду полезен штабу полка и ему, как начальнику гарнизона.

На новом месте подружился с Л.Графом, забубенной головушкой, познакомился с помощником командира полка полковником А.Я.Храпачевым. У него большая семья, двух



девочек он завозил по утрам в Григоровскую гимназию и никогда не забывал захватить меня из дома в полк. Помимо службы была у меня и личная жизнь. По вечерам в квартире адъютанта, который жил близ бараков, собирались любители «железной дороги» и я в том числе. Играли не по крупной, но иногда банки доходили и до сотни. Каждый, сорвавший банк, оставлял под тарелкой несколько рублей, к ужину накапливалась сумма, за которую денщик адъютанта доставлял ужин. Никакого вина не бывало, да и не могло быть, т.к. в первый же день войны все винные лавки были закрыты, а частные погреба опечатаны. Для вечеров в офицерском собрании нашлась лазейка: хозяин собрания узнал, что в одной из рот служит хозяин ренского погреба, опечатанного в Вологде. И спросил его: может быть, не все опечатано. Солдат ответил, что если бы ему удалось съездить в отпуск, то он смог бы кое-что достать и продать. Периодические отпуска были, но это все поступало только на торжественные ужины с гостями.

У меня было правило никогда не играть в долг, на запись. Если я проигрывал деньги, что у меня имелись с собой, я кончал игру. Родители мои об этом знали, за меня не беспокоились, знали они, что у нас кроме карт никаких других развлечений не бывало. Хотя и редко, но засиживались до утра. В этом случае, напившись чаю у гостеприимного хозяина, заходили в полковую парикмахерскую, брились, освежались одеколоном и без опоздания являлись на службу. Молоды были.

## ЛОШАДИНЫЕ ИСТОРИИ

Несколько вечеров подряд мне сильно везло, я набрал порядочную сумму и решил купить предложенную мне немудрую лошадку и пролетку со съёмным кучерским облучком, что превращало пролетку в шарабан, в котором матушка моя любила прокатиться без кучера, а роль его обычно исполнял приписанный ко мне в качестве денщика обмороженный на фронте рядовой Савин Иван Павлович из юрьевецких крестьян. Когда меня выслали из полка, он добился, конечно, не без моей помощи, чтобы его одиночным порядком тоже выслали в мою новую часть. Очень скромный, чистоплотный человек. В гражданскую войну я встретил его на Северо-Западном фронте, был он тогда каптенармусом полка, обрадовался мне как отец родной. В шестидесятых годах, когда он, возвращаясь в Юрьевец из Рыбинска от сына, директора какого-то завода, проезжал на пароходе мимо Костромы, то прислал мне с попутчиком поклоны.

Узнав о моей покупке, Граф потерял покой. «Не уступлю Викторовичу» - сказал он и купил на торгах в пожарной команде красавца вороного жеребца. Пробовал его за городом, ходит прекрасно. Далее началась потеха: при поездках по городу нельзя было нигде останавливаться, так как конь, будучи остановлен, уже самостоятельно решал, сколько времени ему стоять, а по площади на нем вообще нельзя было проезжать мимо пожарной команды.

Когда Граф провозжал меня домой на своем красавце, то у ворот нашей квартиры я соскакивал с экипажа на ходу, иначе жеребец мог простоять долго. Очевидно он, привыкший выезжать на пожары, полагал, что каждая остановка – это ожидание ликвидации пожара. Были случаи, когда хозяин бросал коня в городе, шел домой пешком и высылал денщика узнать, в каком настроении озорник.

Про денщика стоит рассказать следующее. Граф в приливе нежности подарил одной своей знакомой ценный золотой браслет, который все мы привыкли видеть у него под обшлагом кителя. Исчезновение браслета заметил и денщик, но, разумеется, не позволил себе спрашивать об этом. Через некоторое время Граф с удивлением обнаружил, что браслет лежит на ночном столике около кровати. Кого же спрашивать о находке, как не денщика. Тот с довольной физиономией объяснил: «Ваше благородие, зачем добру пропадать, пригодится и в другой раз. Я сходил к вашей бывшей знакомой, сказал, что вы требуете браслет обратно, она и отдала, но крикнула, чтобы все мы пропали пропадом». Как Граф выцарапался из этой истории – не знаю.

Не лучшая история произошла с нашим общим другом, командиром роты Добровым. Опять замешана женщина. Ему пришлось по какому-то поводу прекратить знакомство с одной дамой. При расставании дама угостила его самодельной настойкой, что усилило грустное настроение героя. Чтобы развлечься, он пошел в полк, на конюшне потребовал верхового коня, на что имел право, как командир роты, и начал гарцевать по военному городку. Пришла ему в голову нетрезвая мысль, заехать в штаб полка, не слезая с коня. Дело было к вечеру, писарей в канцелярии не оставалось, а в комнату адъютанта собирались по вызову фельдфебели рот. Слышат, в канцелярии какой-то страшный грохот, валятся скамейки и столы. Выскочивший в канцелярию Граф пытался вразумить наездника, а когда это не помогло, скомандовал фельдфебелям: «Именем командира полка приказываю снять командира роты с коня, отвести к хозяину собрания, а коня в стойло».

Все это было быстро исполнено, а к утру весь полк хохотал, но командиру полка было не до смеха: о скандале узнают в штабе бригады, надо что-то предпринять. Приказывает адъютанту арестовать Доброва на трое суток с исполнением обязанностей, отобрать у него, как положено, шашку, а

мне приказывает составить проект приказа, который в копии пойдет в бригаду. Командир полка подписал составленный проект приказа об аресте прапорщика Доброва «за верховую езду в неуказанном месте». У нас-то все знали, в чем дело, а в бригаде даже не заинтересовались, по какой дорожке проехался прапорщик.

В пятой роте у Шубского в переменном составе оказался изумительный портной Филатов. В свободное от службы время он с разрешения командира роты выполнял заказы офицеров полка. Шил кителя, меховые бекешки, брал не дорожке городских портных, но шил гораздо лучше. Мне он сшил френч, какого у меня не бывало, а бекешу подогнал так, что стоило застегнуть один крючок, как остальные застегивались сами собой. Все были довольны. Целый год Филатова не зачисляли в маршевые роты, но дольше его задерживать было невозможно, и Шубский его зачислил в очередную роту, затем наедине сказал: «Если ты, Филатов, в Ярославле случайно отстанешь от эшелона, то не пытайся его догнать, а возвращайся в мою роту. Разумеется, Филатов случайно отстал и вернулся в полк, где и пробыл до самой революции, когда достиг степеней известных, вплоть до председателя Московского облисполкома, однако выше не пошел, так как дни его кончились. По всей вероятности, командир роты, юрист по образованию, ценил Филатова не только как портного, но и как большевика.

После того, как я побывал с визитом у дочери командира полка, полковник счел своей обязанностью нанести визит моим родителям, а затем присылать им приглашительные билеты на вечера в офицерском собрании. У полковника был ярко выраженный «старый закал», потому он лично провожал мою матушку до экипажа, когда она вместе с отцом возвращалась домой из собрания.

Бывал там и старый генерал в отставке Маргаритский. Во время танцев специально для него оркестр играл польку,

так как старик других танцев осилить уже не мог, а польку отплясывал, пригласив какую-нибудь молодую девицу. Сын генерала Маргаритского в армии не служил, так как сильно кособочил. Закончил он Гейдельбергский университет за невозможностью по каким-то причинам получить высшее образование в России. Позднее, вероятно, удастся о нем еще упомянуть, теперь же, кстати, о полковом оркестре.

По штатам запасного полка оркестра не полагалось. А какой же полк, в котором иногда накапливалось до девяти тысяч человек, без оркестра? Делалось все очень просто. При каждом прибытии в полк людей адъютант производил разбивку по специальностям. Первый вопрос и команда: «Музыканты есть? Два шага вперед». Если такие находились, то их спрашивали, могут ли они достать инструмент. Музыкант докладывал, что инструмент выкопает хоть из-под земли, если получит командировку или отпуск на несколько дней. Отпуск давался, человек ехал и возвращался с инструментом, а иногда и с кучей нот. Так в полку и сколотился духовой оркестр в 32 трубы. Хорошо играли, нашелся и капельмейстер.

## ЛИКВИДАЦИЯ «ЧП»

Пришлось мне как-то по приказанию командира полка ликвидировать одно чрезвычайное происшествие. За расположением полка в перелеске повесился недавно прибывший в полк солдат. Из хозяйственной команды взял двоих солдат с заступами, пригласил полкового врача с санитаром. Обрезал веревку. Врач констатировал смерть от удушения, труп раздели, никаких других следов насильственной смерти нет, в кармане никакой записки. Похоронили тут же.

Позднее приказал изготовить в роте дощечку с фамилией, именем и отчеством несчастного и приладить ее на холмике на тот случай, если приедут родные, которых адъютант уведомил о преждевременной смерти солдата. Опросил людей в роте, никто не мог сообщить ничего, указывающего на причины гибели их товарища. Подал рапорт командиру полка. Но на этом дело не кончилось: нашлись чудачки, которые преследовали меня просьбами дать кусочек веревки повешенного, это якобы приносило в чем-то счастье. Пришлось разочаровать таких просителей – я приказал санитару сжечь веревку, в исполнении убедился лично.

Как-то летом узнали, что на днях приедет и проведет смотр командующий войсками Московского военного округа Мрозовский, о котором говорили, что не только требователен, но и жесток беспредельно. Волновались и готовились все от мала до велика. Чистота в полку всегда была, но тут довели ее до идеальной. Человек двадцать солдат в разных ротах оказались немундированными, ходили в своих домашних платьях, так как не хватило обмундирования. Командиры рот решили таких полуштатских вояк загнать на чердаки барачных, а пожарные лестницы, по которым можно забраться на чердаки, передвинуть подальше, имея в виду, что Мрозовский не остановится перед осмотром и чердаков. Этим чердачным узникам приказано было даже к слуховым окнам не подходить в день приезда командующего. Я не знаю, как проходил смотр, но все обошлось благополучно, и командир полка мог успокоиться.

На моей обязанности лежало оформление приговоров полкового суда. Дел мало, и только о самовольных отлучках. Исполнение всех приговоров, как в них и указывалось, откладывалось до конца войны. Все сводилось к чистой формальности. Для технического обслуживания полкового суда мне дали одного писаря Аничкина, пожилого интеллигентного человека. У меня язык не поворачивался говорить

ему «ты», и мы с ним условились, что наедине будем нормальными вежливыми людьми, а по службе уставы требуют «тыкать».

## СМЕРТЬ КОМАНДИРА

Приказано мне было организовать солдатский театр. Фактически все делал писарь Лисовский, я же нес ответственность перед командиром полка да пожертвовал свои крахмальные воротнички к штатским костюмам, галстуки, шляпы, вплоть до вышедших из употребления дамских шляп матушки. Какие пьесы ставились – не помню. Женские роли исполняли не солдаты, а знакомые солдат-актеров. Чтобы как-то отблагодарить «актрис», я добился, чтобы после репетиций и спектаклей им подавали лошадей и развозили по домам.

После смотра, проведенного командующим округом, мирное житие продолжалось недолго. Должен был приехать командир бригады генерал Бусов, который славился как справедливый, выдержанный начальник – не самодур. Да командиру полка и нечего было особенно волноваться после смотра Мрозовского.

В назначенный день и час полк выстроен на плацу. Командир полка ждет в штабе сигнала, по которому он должен быть на плацу и рапортовать приезжающему генералу. Я был в штабе полка вместе с командиром и заметил, что от него пахнет валерьянкой. Значит. Дело плохо, чувствует себя неважно. Я позволил себе высказать предположение, что не будет ли лучше, если командир полка останется в штабе, а встречать и рапортовать генералу поручить полковнику Храпачеву, который уже находится на плацу. Командир полка

сказал, что делать этого нельзя, приказал мне занять свое место на плацу, а он сейчас же выйдет сам.

Бегу на плац. Вижу, как с одной стороны приближается коляска с генералом, а с другой появляется командир полка. Он скомандовал: «Полк, смирно, равнение на середину» и пошел навстречу генералу, чтобы отрапортовать. Все мы видели, что походка у командира не уставная, он спотыкается и падает. Но все должно продолжаться своим чередом. В командование автоматически вступает полковник Храпачев, он и рапортует генералу, а теперь уже бывшего командира полка полковника Чуйкова санитары по приказанию полкового врача капитана Самойлова уносят в околотов, без каких-либо признаков жизни. Смотр продолжается. Так проходит земная слава. Хоронить отправили в Орел, на родину покойного. В Костроме полк выстроился шпалерами от бараков до вокзала.

Вскоре приехал вновь назначенный командир полка полковник Гембицкий, чудом спасшийся после тяжелого ранения на поле боя, пролежал там два дня прежде чем попал в госпиталь. Врачи, оперировавшие его, говорили, что он, несмотря на почтенный возраст, остался в живых только потому, что никогда не курил и не выпил ни одной рюмки вина. Его единственный сын-офицер погиб на фронте. Старик в каждом молодом офицере искал черты сходства со своим погибшим сыном, находил эти черты и во мне.

## ВАГОН С ПОДАРКАМИ

**К**ак и в Великую Отечественную войну, так и в первую войну с немцами шли солдатам на фронт многочисленные посылки-подарки. В декабре 1916 г. в Костроме накопился целый вагон таких посылок для стрел-



ковой дивизии, которую пополнял наш полк, почему именно он и взялся доставить вагон по назначению на румынский фронт. Вручить подарки было приказано мне, тогда уже подпоручику. С двумя унтер-офицерами добрались до Плоешти, но дальше штаб корпуса нас не пустил, на фронте шли тяжелые бои. Вагон у нас забрали, а нас завернули обратно, и мои предположения остаться в дивизии не осуществились.

Тогда я решил провести своих товарищей, высланных из Костромы в 469 Арзамасский полк, охранявший балтийское побережье за Ревелем. Литера мне выдали, и я приехал в Балтийский порт. Там меня встретили с распростертыми объятиями Усин, Шелухин, Шилков и еще кое-кто из нашего 202 полка. Пробыл у них два дня, съездили верхами к маяку Пакерорт, побывал в офицерском собрании. Представился командиру полка, старику-полковнику с офицерским Георгием на груди. Ему понравилась выправка Алексеевского училища, похвалил он своих офицеров, прибывших к нему из 202 полка, и сказал, что согласится зачислить меня в его полк, если меня сюда вышлют.

Вернулся в полк, представил документы о сдаче вагона с подарками. Подал рапорт о высылке меня в 469 полк. Поскольку я не числился в постоянном составе, а в переменном пробыл уже 11 месяцев, меня все равно следовало выслать. Но чтобы попасть на Северо-Западный фронт, надо было иметь направление из запасного полка, расквартированного в Иваново-Вознесенске, куда меня и отправили. Ехать со мной, чтобы навестить родителей, отпросился совсем молоденький прапорщик, фамилию его запомнил, знаю только, что на букву «к».

В Иваново-Вознесенске сразу с вокзала пошли на квартиру родителей моего спутника. Отец, мать и сестра – все рабочие текстильной фабрики, квартира недалеко от вокзала в полуподвальном помещении, чистота изумительная, как и гостеприимство. Появились, чтобы провести вечер с офицерами

еще несколько славных девушек-работниц. Сидим, чаи распиваем и узнаем о революции и отречении царя от престола. Как-то странно, но на всех присутствующих все это произвело не особенно сильное впечатление. Однако служба службой, и утром я должен явиться в полк для дальнейшего направления. Там чувствуется некоторая растерянность, но главное в сознании у всех, что за отречением царя мы уже свободны от присяги и будем служить только родине – России.

Чтобы отступиться от меня, адъютант полка очень быстро оформил документы для меня, я поблагодарил и направился опять на квартиру гостеприимных хозяев, чтобы подождать вечернего поезда на Кострому, куда я все же решил заехать. Не знаю, какие порядки в городе ткачей ввела революция, но я предпочел не двигаться пешком и взял извозчика. На главной улице нас остановил какой-то мужчина, вышедший на середину дороги. Подошел ко мне, вижу, что не совсем трезвый, протягивает мне руку и говорит: «Поздравляю». У меня не было оснований отказываться от рукопожатия, и я принял поздравление. На том и расстались.

В Костроме, в полку, куда, собственно, мне и не нужно было являться, первым увидал Графа с огромным красным бантом на груди, виднелись красные ленточки на папах у солдат. Других изменений не заметил.

## НА БАЛТИКЕ

**В** Балтийский порт можно было попасть через Петроград. Там, направляясь на извозчике с Московского на Балтийский вокзал, услышал от словоохотливого возницы, что в Обводном канале, мимо которого мы проезжали, солдаты утопили нескольких офицеров. «Вы уж

как-нибудь поаккуратнее» - посоветовал мне извозчик. Я не чувствовал за собой никакой вины перед народом, не считал нужным прятаться, расставаться с оружием – шашкой и револьвером, которые с полным обмундированием были у меня поверх шинели. Благополучно через вокзал прошел к поданному уже составу и занял верхнее место в вагоне второго класса.

В купе сидели двое штатских мужчин и пожилая женщина. Кто она – не поймешь, но что она озлобленная баба, совершенно ясно. Она всячески поносила офицеров, вероятно, желая вызвать мои реплики. Нельзя было уловить, негодовала ли она на офицеров за то, что они допустили революцию, или за то, что революция не уничтожила всех офицеров. Не знаю, правильно или неправильно я поступил, но в прения не вступал и отлеживался на верхнем диване, на котором проспал до самого Ревеля, сегодняшнего Таллина, где и пересел на местный поезд до Балтийского порта.

Расположился пока у И.И.Усина. Встреча с товарищами по 202 полку была задушевная, чему содействовали и две бутылки коньяка, врученные мне на проводах из полка. Об этом постарался хозяин собрания прапорщик Никитин из москвичей. Офицеры подарили мне золотой изящный брелок в виде офицерского нагана с трогательной выгравированной надписью. Он и сейчас хранится у жены и должен попасть к внучкам, но долго ли у них побудет – сомневаюсь. Лично Леонид Граф заказал на мой портсигар трогательные пожелания. Каюсь, все словечки перекочевали в свое время в «Торгсин» в обмен на сахар для моей маленькой дочки.

После того, как коньяк был выпит, все, кроме музыканта-скрипача Шелухина, закурили и начали гадать, куда завтра меня назначит командир полка. Оказывается, командир роты Усин совмещал и должность адъютанта, что его тяготило. Мне же роту не дадут, и вероятнее всего быть мне адъютантом. Так и вышло. Дела было немного, несмотря

на то, что полковник Свирский являлся одновременно и начальником гарнизона. Своим новым товарищам я сказал, что в карты играть не умею и не буду. Сделал так, учитывая, что резерва и помощи в случае проигрыша мне ждать здесь не от кого, не как в Костроме, где я жил с родителями. Переключился на шахматы и проводил за ними вечера в офицерском собрании.

Военная обстановка была спокойная, и только изредка у побережья показывались немецкие подводные лодки, но были основания предполагать, что в нашем районе шпионы действовали. В нескольких верстах от города стояла бездействовавшая кирха Матиас. Не раз на колокольне ее замечали вспышки сигнализации в море. Поймать никого не удавалось, тогда решили все пролеты колокольни заложить полностью. Одинокий полковник, квартировавший в светелке над собранием, скучал по вечерам. Он нашел выход. Когда днем в штабе я пытался докладывать ему очередные дела, он отмахивался и приказывал являться вечером к нему на квартиру со всеми делами. Сначала деловая часть, очень непродолжительная, потом у кипящего самовара разговоры. Папиросы у полковника гасли ежеминутно, и он, раскуривая над стеклом настольной керосиновой лампы, каждый раз сокрушался, что теряет годы, прикуривая от лампы.

Воспоминания полковника были очень интересные, слушая их, не заскучаешь. Недаром же у него красовался офицерский Георгиевский крест. Это редкая награда. Вообще в старой армии орденами не кидались, ни у кого грудь не представляла из себя целого иконостаса. Если маршал Советского Союза Буденный, будучи вахмистром в старой армии, получил все четыре солдатских Георгиевских креста, то все знают и понимают, что получил он их по заслугам. Так и у нашего полковника, так как награды давали не за простое, честное выполнение воинского долга, а именно за что-то исключительно доблестное.

С квартиры Усина сманил меня командир противотанковой батареи Шелухин. Он нашел три комнаты у старухи «мадам» Уль да еще с пианино в наше распоряжение. Дом стоял на набережной рядом с бездействующей кирхой. Шелухин нашел подход к старосте кирхи, он же начальник почтовой конторы, выпросил у него ключи от кирхи, и в ней к удивлению стариков и старух стал звучать довольно хороший орган. Мне приходилось ранее играть на фисгармонии, и потому я довольно быстро освоил орган и что-то исполнял в сопровождении скрипки.

Скоро приехал брат Шелухина Александр, вольноопределяющийся артиллерист, а по призванию импровизатор-пианист и постоянный аккомпаниатор для своего старшего брата. Я же остался аккомпаниатором Василию Шилкову. Его огромный репертуар романсов и оперных арий прекрасно звучал при его сочном, сильном баритоне. Так мы и жили: в одной комнате приехавший ко мне из Костромы мой денщик Савин, а в двух других я и братья Шелухины.

С картами я долго крепился, но один случай изменил положение. Как-то вечером я зашел на квартиру одного офицера, где шла игра. Сел в сторонке, участия не принимал, даже не «мазал». Один из игроков совсем проигрался, и когда пришла его очередь держать банк, у него оказалось только 10 рублей, явно мало. Он и попросил у меня 10 рублей, чтобы поставить в банк 20. Мне было неудобно отказать, и деньги я дал. Тут и получилась сцена из «Пиковой дамы»: «сегодня ты, а завтра я». Банкомет все бил и бил ставки, а они в азарте все увеличивались. Когда, по его мнению, рисковать далее было опасно, он снял банк с крупной суммой в несколько сот рублей, вручил мне половину и сказал, что далее будет играть только за себя самого. Естественно, было неприлично, получив «за здорово живешь» деньги, удалиться с ними, и я стал играть. Карта безобразно шла, у меня скопился резервный фонд, с которым я уже не боялся проигрыша.

## В ДОЛЖНОСТИ АДЪЮТАНТА

**А**на службе произошли перемены. В Балтийский порт приехал начальник артиллерии береговой охраны участка капитан первого ранга Овандер-2. На флоте был порядок, при котором офицеры-однофамильцы обозначались порядковыми числами. Один Овандер уже был, значит его брат считался «Овандер два». По чину он был равен нашему полковнику, но по занимаемой должности старше, следовательно и начальником гарнизона должен быть он. В первый же день прибытия «каперанг» в полной парадной форме явился к нам в штаб. Через свою комнату я проводил его к командиру полка. Пробыли они там недолго, и началась «китайская церемония». Полковник проводил «каперанга» только в мою адъютантскую комнату и ни шагу далее, затем я проводил его в переднюю и ни шагу далее, в передней вестовой помог надеть шинель и вышел на улицу, чтобы открыть дверцу автомобиля.

Все пошло своим чередом. Командир роты Усин нашел какую-то заброшенную каменную сторожку и оборудовал там баню, благо в полку можно найти всяких мастеров. Вымыв всю роту, убедился, что угару нет, все подчистил, подмазал, и явился к командиру полка: «Господин полковник, пожалуйте в баню». Полковник был доволен, поблагодарил и добавил, что теперь он понял, на кого городской голова жаловался на расхищение у него забора. Усин сознался в самоуправстве, но доказывал, что всякая уважающая себя баня должна иметь не только деревянный пол и скамейки, но и полок.

Кажется, только у одного Усина была светло-серая шинель мирного времени, в ней он и щеголял в Ревеле, куда частенько ездил с разрешения командира батальона полковника Аникеева, и где он познакомился с двумя эстонками и был у них дома. Один раз летом привез обеих в гости к нам.

Очень славные хохотушки обосновались в нашей квартире, как самой просторной, заняв изолированную комнату. На ночь даже забаррикадировались демонстративно, хотя никто и не собирался покушаться на их девственность – действительную или мнимую.

Надо сказать, что у нас, русских, были вполне приличные отношения с эстонцами, никто на нас не косился, разве только девица крикнет солдату «куррат» (черт), если он недостаточно почтительно будет добиваться знакомства, да и крикнет без злобы, а больше для порядка. Прошло много лет с того времени, и вот сейчас приходится с удивлением и огорчением слышать от товарищей, ездивших на экскурсии в Эстонию, что особо радушного приема они там не встречали. Недавно я прочитал в русском переводе с эстонского роман Лилли Промет «Примавера» и пришел к заключению, что автор во всяком случае не будет награжден орденом Дружбы народов. Послал даже рецензию на этот роман в «Литературную газету», хотя уверен, что ее не пропустят, а написал просто для того, чтобы отвести душу.

Недели через две после приезда нового начальника обороны и гарнизона был получен приказ откомандировать меня для исполнения обязанностей его адъютанта. Каперанг сказал мне, что у них офицеры обращаются друг к другу по имени и отчеству, почему и я должен называть его Александр Эдуардович, а он будет звать меня Александр Викторович. Затем он спросил, догадываюсь ли я, почему именно меня он отозвал из полка, а когда я ответил, что даже не задумывался об этом, он объяснил: «При моем посещении штаба полка вы вели себя так, как не всегда смог бы вести себя даже кадровый офицер, вы не сделали ни одного лишнего шага, провожая меня. Если хотите, столуйтесь с нами в нашей кают-компании, которая за неимением корабля организована в моей квартире».

Я, разумеется, приглашение принял, и там перезнакомился с моряками. Да, это была каста! Например, там был молодой мичман, но выпуска не мирного, а военного времени, так его при официальном обращении никогда не называли «мичман», а обязательно – «мичман военного времени».

Ну, надо поторапливаться, лет мне много, детали буду пропускать. Как-то мой начальник, против обыкновения, сам оформил донесение контр-адмиралу Жерве, сам запечатал сургучом пакет, надписал «сов.секретно в собственные руки», передал пакет мне и приказал отправиться в Ревель завтра с утренним поездом. Я проспал и не успел на поезд. Очень нехорошо: 50 с лишним километров пешком не пройдешь. Вижу, что шофер-матрос моет единственную в городе легковую машину начальника, без разрешения которого никто не имеет права машиной распоряжаться. Семь часов утра, начальство спит, будить его, сознаваться, что проспал – не хочется. Уговорил шофера выручить меня, довезти до Ревеля и «по тихой» вернуться в гараж. Так и сделали, гнали машину на самой большой скорости. Вернулся я вечерним поездом, сразу же доложил, что пакет сдал, ни в какие подробности не вдавался. Не знаю, догадывался ли начальник, что утренний поезд я проспал, но, во всяком случае, приказ был выполнен.

## ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИЙ

После февральской революции в гарнизоне был образован совет солдатских и матросских депутатов. В этом совете было обсуждено предложение утопить адъютанта начальника гарнизона за то, что он разослал по частям гарнизона копии поступившего по радио обращения



какого-то белого генерала. Когда Овандер отправился в комитет, он предусмотрительно не взял меня с собой, а там объяснил, что все было сделано по его приказу, так как он не считал себя вправе скрывать от военнослужащих гарнизона, какие и от кого поступают радиogramмы. Тогда предложение топить меня в заливе было снято.

На побережье Финского залива волны нередко выбрасывали плавучие немецкие мины. У нас был строжайший приказ, запрещающий прикасаться к этим чудовищам. Разоружением их занималась особая команда из Ревеля. Както, после купания на пляже залива Лахепере, вернувшийся домой 12-летний сынок командира батальона Аникеева показал с восторгом обезвреженный лично им взрыватель выброшенной волнами мины. Полковник был в ужасе. Он выстроил батальон на берегу Лахепере, привел туда сына и собственноручно его выпорол (порка была символической) за нарушение запрета. Он надеялся, что солдаты поймут опасность и не повторят эксперимента мальчишки. Не помогло! Через 3-4 дня на том же месте трое купавшихся солдат, поигравшись с миной, были разорваны взрывом так, что от них на деревьях у пляжа остались только куски мяса, и хоронить было нечего.

Полковник Аникеев, суровый и мрачный на службе, преобразался в семейной обстановке. Уже немолодая полковница, двое сыновей-подростков (в том числе и поротый) и прелестная дочь со смешным именем Буби. Когда я, Шелухины, Усин и Шилков приходили к Аникеевым, то с удовольствием принимали участие в детских играх – жмурках, прятках, «веревочке» и т.п., и нам ничуть не было стыдно. А вот в морскую кают-компанию был вхож только я. Там тоже играли в карты «по маленькой» пока командир не уходил спать, а потом, иногда и до рассвета, «по крупной» и при обязательном участии Валентины Ивановны, очень молодой, несоответствующей по возрасту своему мужу. Была она первой или

второй женой – не знаю, но, во всяком случае, последней, и за ней мужу следовало приглядывать.

Уважаемому командиру полка полковнику Свирскому, должно быть, начали надоедать кое-какие новшества и он, решив подлечиться, лег в госпиталь в Ревеле, где и я, и другие офицеры навещали его. Появился новый командир полка, молодой полковник Дзино. Его я почти и не знал. При одной из поездок в Ревель встретил там своего знакомого по университетскому общежитию, юриста Голана. Блестящий лейтенант в морской форме, служит в военно-морском суде. Уговорил меня представиться председателю суда, что я и сделал. Разговор напрямую: «Хотите должность военно-морского следователя? Чин у вас ежовый, ну да мы быстро дотащим вас до капитана второго ранга. Содержание будете получать втрое больше, чем получаете в армии, квартирой обеспечим. Пара лошадей в вашем распоряжении. Если согласны, давайте рапорт».

Я его подал. Не прошло двух недель, как получил копию приказа военно-морского министра Вердеровского о назначении. Все это хорошо, но прежде чем докладываться об этом у себя, решил неофициально побывать в Ревеле. И хорошо сделал: военно-морской суд в Ревеле был ликвидирован, была осень 1917 года, и все шло к Октябрьской революции. Вернулся, как ни в чем не бывало.

В полку появился выборный командир, бывший начальник пулеметной команды Кириллов. Он с двумя адъютантами хотел посмотреть наши береговые 12-дюймовые батареи. Офицер повез гостей на одну из батарей. Приехали на берег. Ничего не видно, лишь когда командир подал команду, по которой открылись люки, из-под земли поднялась батарея-красавица. Овандер и командир батареи свободно владели английским языком, я же только делал вид, что все понимаю.

Произошло в нашей среде еще одно событие семейного характера. Доктор-морьяк женился на эстонке. Праздновали

на их квартире в доме архитектора Адамсона, автора проекта недостроенного в Костроме памятника к 300-летию Дома Романовых. Гранитная основа была уже сооружена, а на ней воздвигнут памятник Ленину. Где в те времена был Адамсон – не знаю, но в Балтийском порту он не жил, и весь чудесный домик занимал доктор.

Всею свое время. В декабре старая армия перестала существовать. Всем, и солдатам, и офицерам, были выданы удостоверения, что «солдат» такой-то демобилизован. Мы, офицеры, все же получили свои подлинные послужные списки, которые впоследствии для службы в Красной армии очень пригодились. Последний командир полка, выборный Кириллов, выехал из полка на паре рысаков, заложенных в коляску. Все это он получил как подарок от комитета. «Все проходит», как вырезал на своем перстне мудрейший царь Соломон, но «Ничего не проходит бесследно», как утверждает Чехов.

## РАБОТА В МОСКВЕ И КОСТРОМЕ

*М*з писем родителей я знал, что в Костроме вместо ликвидированного суда организован трибунал, председателем которого является знакомый мне бывший хозяин часового магазина еврей Боба Машталер. Мне что-то не захотелось «представиться» ему, и я предпочел принять предложение московской полувоенной организации «Центропленбеж». Работа незамысловатая, мы регистрировали и опрашивали возвращающихся из немецкого плена и беженцев. Не помню, какая была зарплата, но продовольственные карточки хорошие – рабочие.

Поселился я в Савеловском переулке у одного бывшего студента, которого в свое время репетировал. Случайно повстречал и костромича Шамонина – сына бывшего директора гимназии. Он заведовал каким-то отделом в наркомате РКИ на Кудринской улице, в бывшем Вдовьем доме, и сказал, что меня туда с удовольствием примут. Решив, что должность инспектора РКИ звучит респектабельнее, чем счетчик «Центропленбежа», пошел туда и получил работу в отдел, наблюдающий за расходованием средств в военных организациях.

Довольно скучная работа, но она иногда разнообразилась. Могу похвастаться, что один раз я был командирован как представитель РКИ на междуведомственное нескольких наркоматов совещание. В другой раз около недели составлял проект доклада нашего наркома в СНК. Поручил мне эту работу мой непосредственный начальник отдела. Интересный у нас по этому поводу произошел разговор. Понятно, что я не знал, в какой форме составляется подобный доклад, и поэтому спросил: «Писать строго деловым канцелярским языком или в форме, близкой к газетной статье?». И получил ответ: «Пишите в двух вариантах, а там посмотрим». Два варианта я подал, что было с ними – не знаю, но судя по тому, что мой начальник меня не обругал, надо думать, что один вариант прошел.

С восторгом встретился с Василием Шилковым, он опять военный, служит в штабе округа и на мотоцикле с коляской мечется по Москве в какой-то должности, близкой к фельдъегерской. Он меня подкармливал сгущенным молоком и тушенкой. Спасибо ему. Он был добряк. Портрет его храню и сейчас.

Все же я сильно отошал, и захотелось мне в Кострому, и работать там по линии РКИ. Помог «Его величество случай». У отца, когда он по совместительству с преподавательской работой был председателем сиротского суда, служил писарем почти подросток Володя, которого отец ценил за добро-

совестную работу. Володя этот стал заведующим губернским отделом РКИ, и когда отец при встрече с ним спросил, нельзя ли меня перевести сюда из наркомата, Володя не только обещал, но и все устроил – по его запросу меня перевели в Кострому. Но и тут я проработал недолго, так как меня призвали в Красную армию, чему я был рад, наступил порядок.

## ПРИЗЫВ В КРАСНУЮ АРМИЮ

*М*оему призыву предшествовало бесконечное заполнение анкет с бесконечным количеством вопросов. Ходил бородатый анекдот по поводу одного вопроса: «Кто была бабушка, прыгала ли она в трамвай на ходу, а если нет, то почему?». В военкоматах нипочем не хотели верить подлинному послужному списку, а требовали заполнения анкеты. Ну, все в порядке, опять на моей офицерской шинели, которую я не успел износить, появились знаки различия – сначала на рукавах, потом на петлицах, вместо золотых погон, к которым армия все же вернулась.

Я где-то читал, что в Отечественную войну, когда было решено вернуть армии погоны, Сталину представили погоны чуть ли не всех армий мира, кроме старой русской армии. Сталин возмутился этим, потребовал образцы и этих погон и утвердил именно эти погоны с совершенно незначительными изменениями. Например, исчезло звание штабс-капитана, появилось старинное звание майора, вместо поручика стал лейтенант, что соответствовало наименованию чинов в других европейских армиях.

Ясно, что меня в числе других офицеров призвали не для того, чтобы любоваться нами в губвоенкомате. Буквально через несколько дней по приказу наркома обороны Троцкого

го, который в те времена был царем и богом, нас, 14 человек, отправили на Северо-Западный фронт, где дело обстояло неважно – кругом белые и интервенты. Тогда мы не знали, что в гражданскую войну были времена, когда у нас оставалось земли 1/14 от бывшей территории России, а 13/14 были не у нас.

До Новгорода нас доехало уже не 14, а 12 человек, так как двое «исчезли в сиянии голубого дня». Принимал нас инспектор пехоты, человек не молодой, и по выправке было видно кадрового офицера старой армии. Объявил о направлении нас во 2-ю стрелковую дивизию, оборонявшую Петроград. Затем добавил, что есть две свободные вакансии на нестроевые должности в Кронштадтскую крепость, и спросил, не желает ли кто получить назначение туда. Никто согласия не выражает, хотя все понимают, что в неприступной крепости было бы куда покойней, чем в стрелковом полку. Тогда инспектор начинает спрашивать уже персонально, и меня первого, стоявшего на правом фланге. Я ответил, что я строевой и на административную должность не претендую. Так же персонально заявили и остальные. Вот тут можно пофилософствовать: ведь от одного слова «согласен» все в корне изменилось бы, отправившись в Кронштадт, мы не долго бы прослужили, там произошло восстание и уцелели немногие командиры.

Отправились к 2-й стрелковой дивизии, которая находилась за Гатчиной в нескольких верстах от железнодорожной станции Волосово. На эту станцию прибыли во второй половине дня. Мерзость запустения, но всего неприятнее действовали на нас обрывки веревок на берегах напротив станции: здесь при отступлении свирепствовали белые. Маршрут к дивизии нам указали в Гатчине. Пройдя несколько верст, уже в темноте были остановлены часовым у батареи артиллеристов, где мы и переночевали у костра, а утром явились в штаб дивизии. Здесь нам дали повозку для нашего личного

багажа и провожатого до деревни, в которой расположился штаб бригады. Мы отрядили туда одного из своих товарищей с нашими документами, сами же за околицей деревни разложили костер и начали питаться из пайков, отпущенных нам в штабе дивизии. Вскоре к нам присоединился вернувшийся из штаба бригады товарищ, сказавший, что всем готовят направление в девятый стрелковый полк, стоящий на позиции, добавил, что кто-то в штабе заинтересовался моей фамилией и спрашивал, откуда такой. Товарищ ответил, что все мы из Костромы.

Хотя в штаб бригады меня никто не вызывал, но я решил туда наведаться и удовлетворить чье-то любопытство. Вошел в избу, за одним из столов увидел командира, лицо которого показалось страшно знакомым, но я не мог вспомнить, где и когда его видел. А он-то, обрадованный, называет меня по фамилии и задает первый вопрос, нет ли у меня махорки. Закурили, узнал я, что передо мной помощник начальника штаба бригады, а где встречались – не помню. «Ну, вот что: тебе в девятый полк отправляться незачем, у нас нужен начальник связи». Говорю: «Отказываюсь, что подведу всех, так как даже полевого телефонного аппарата почти не знаю, в училище только издали видел. Тут меня осенило: это бывший старший юнкер Алексеевского училища Васильев, который наблюдал за нашим взводом в качестве «учителя».

Порешили, что мне прямая дорога – командиром взвода в парк их бригады, оттуда запрашивали двоих. «Может быть, из вашей партии найдется желающий, тогда вместе сегодня же и отправитесь». Я назвал фамилию Врублевского, от которого в дороге узнал, что у него жена только что родила сына, и его тоска грызет. Позвали Врублевского, он согласился на командира взвода в парке. Опять в Волосово, а оттуда с пересадками, на товарниках, добрались до станции Преображенка Варшавской железной дороги на реке Луге. Парк на колесах, вагонов, груженных огнеприпасами, штук 15. Командир

парка Сергей Раевич произвел на нас впечатление странного и даже неполноценного человека. Когда мы забрались в товарный вагон, увидели, что у жарко натопленной буржуйки сидит по-турецки на нарах в одной нижней рубашке немолодой человек, заросший щетиной. Он даже не встал, когда мы пытались представиться по форме, потому и мы позволили себе держаться более чем непринужденно, спросили, в какой теплушке мы можем расположиться.

Вскоре познакомились с командиром взвода И. И. Дондиным. Юркий, очень небольшого роста приветливый парень с лицом, покрытым веснушками. На наш вопрос о командире Дондин молча повертел пальцем у виска и посоветовал не обращать на него внимания, так как он только числится командиром, а в действительности – недоучившийся юрист. Обложился учебниками, рассчитывая сдать в будущем государственные экзамены, не выпускает из рук медной печати и давит ею вшей, которых наловчился таскать из-за пазухи. Много лет спустя, перед началом Великой Отечественной войны я видел Раевича в Москве в каком-то арбитраже в качестве одного из арбитров. Несмотря на то, что я почти год служил командиром взвода в его подчинении, разговора у нас не получилось, вероятно из-за того и расстался я с парком очень сухо.

## ПЕРЕВОЗКА БОЕПРИПАСОВ

Прошло 3-4 дня как я получил от командира приказ доставить по реке Луге в распоряжение первой бригады транспорт огнеприпасов и организовать там передовой взвод парка. Нашел барженку, погрузил в нее силами пятерых красноармейцев во главе с командиром отде-



ления Майоровым огнеприпасы. По документам было точно указано, а теперь по памяти скажу, что взял я трехдюймовых снарядов ящиков двадцать, шестидюймовых – десять, три ящика трехдюймовых химических (они в целости вернулись в парк, так как химическими снарядами и не пользовались), большое количество цинков с винтовочными и пулеметными патронами, ручные гранаты и отдельно взрыватели для них.

19 сентября 1919 года, вечер, по карте вижу, что подплываем к месту назначения, д.Гостятино. Беру из полевой сумки тетрадь для донесений, и дернуло же меня, не добравшись километра до назначенного пункта, написать и подписать рапорт о прибытии. А баржа, протаранив дно о камень, утонула целиком. Мы успели выхватить запалы к гранатам и винтовки красноармейцев. Мое личное оружие – наган, сохраненный со старой армии – при мне. Пароходишко удрал, обрубив канат. Темнеет, дождь. Стоим на берегу, людей не знаю, как и они меня. Помню только фамилию Майорова. Знаю, что огнеприпасы нужны срочно, а они утоплены. Надо вытаскивать. Не уверен, что по моей команде люди полезут в воду, к тому же все беспартийные, как и я, да и вообще в парке не было ни одного партийца, даже комиссар появился много позднее.

Не подавая никакой команды, я быстро разделся, полез в воду, нащупал какой-то ящик и выволок его на берег, благо в воде-то он был легче. Оглянулся и вижу, что Майоров тоже купается, а остальные ребята уже раздеваются. И вот мы в течение нескольких часов все до единого ящика и цинка выудили на берег, сложили в штабеля. Надо сказать, что с головой нырять не приходилось, хотя баржа была целиком под водой. В конце нашей «операции» бывало, что и по горлышко погрузишься. Вылезли, оделись, но и одежда-то от дождя мокрая. Разложили костер. Изумительно, что никто не простудился и не захворал.

Исправил я свой рапорт и отправил его с красноармейцем в штаб бригады. Пришло приказание оставить боепри-

пасы под охраной присланного караула, а всем явиться в штаб бригады. После моего рапорта начальнику штаба мне был задан вопрос: можно ли поручиться, что артснаряды, побывавшие в воде, не подведут. Я ответил: «Не подведут». Мне было сказано, что завтра зарядные ящики с батареей придут на рассвете и что на всякий случай я должен на отпускных документах где-нибудь сделать неброскую надпись «на пробу». Отвели нас в комнату, откуда выселили еврейку-докторшу, несмотря на ее вопли. Накормили, напоили нас на славу и выдали пачку легкого табака. Выспались прекрасно, в комнату к нам принесли солому и выдали одеяла.

Встал я и поднял всех до рассвета, завтрак отложили «до ужина». Отправились к своему складу, там уже ждали зарядные ящики с батареей. Выдал что полагается, пошел в штаб, захватив одного красноармейца, чтобы получил на всех завтрак. В штабе меня встретил Васильев, он выглядел именинником, так как именно он сосватал меня в парк, и я оправдал доверие. Ждем, услышим ли огонь батарей. Начали, значит все благополучно. Васильев посоветовал мне представить к наградам моих красноармейцев. Я собирался это сделать и без подсказки Васильева. От него я узнал, что из Подивы уже выехал следователь, так как там уже стало известно об аварии с баржей. В Подиве, вероятно, собирались щупать командира взвода со всех сторон. Ничего у них не вышло: следователь с чем приехал, с тем и уехал, хотя все же установил, что у меня недостаточно пролетарское происхождение.

Однако это не помешало командиру бригады сделать в дивизию представление о награждении меня орденом Красного Знамени. Все к лучшему в нашем лучшем из миров – ордена я не получил, лишь много лет спустя где-то что-то раскопали и указом Президиума Верховного Совета СССР мне дали медаль «За боевые заслуги». Почему я считаю, что все к лучшему? Если бы орден был получен, меня бы оставили в кадрах, а это мне не улыбалось. Именно поэтому я и не доби-

вался повторного представления. По словам Васильева, в дивизии намеревались поддержать представление, но тут произошел такой случай: эстонцы открыли фронт Юденичу, тот полез на дивизию, чего никто не ожидал, штабу пришлось уходить спешно, уничтожив все документы.

Ко мне на передовой взвод прибыло несколько новых баржей со снарядами. Докторскую избу мы освободили и пристроились на баржах. Тут первый раз в жизни понял, что значит обовшиветь. Сначала испугался, ведь вшей сразу и целиком не выведешь. Сейчас я изложу то, над чем медики стали бы смеяться, но я и мои товарищи, тоже вшивые, были убеждены, что на нас заразная тифозная вошь не нападает – свои вши не пустят. Прodelьвали даже опыты: на лист бумаги выпускали вошь с заведомо больного тифом. Кругом по краям бумаги клали свои руки пальцами к центру. Из всех принимавших участие в эксперименте только один, приехавший из отпуска был не вшивый, а все остальные вшивые. Так вот как вела себя подопытная вошь: она не лезла к пальцам вшивых, а упорно стремилась к руке того, у кого этой гадости не было. Когда мы рассказывали об этом нашей докторше, она не только смеялась, но даже сердилась и утверждала, что все мы сошли с ума. Тема для кандидатской работы. Кандидатов сейчас пруд пруди, а тем, вероятно, не хватает.

Однако позиционная война скоро кончилась. Как-то в ясное теплое утро наша бригадная докторша позвала меня сходить с ней на какой-то хутор близ наших батарей, где, как ей говорили, можно купить меду. На кой черт я пойду с ней, зачем оставлю свой взвод, и мед мне совсем не нужен. Умно поступил. Около полудня с одной батареи прискакали на передках артиллеристы, рассказали, что белые начали наступать. У нас же началась суета. Мне приказано к моей барже прицепить еще две с ранеными и сейчас же вверх по Луге за моторным катером отправляться к Преображенке, если на полпути не получу новых распоряжений от другой бригады,

стоящей недалеко от правого берега реки на каком-то хуторе, название которого я сейчас уже забыл.

Поехали, вернее поплыли. По карте вижу, что следует остановиться и найти вторую бригаду. Капитану катера строго-настрого приказываю ждать меня, не слушать воплей и ругани раненых, требующих удирать к Преображенке. На всю эту ораву командиром я один. Оставил за себя Майорова, пошел искать бригаду. Это оказалось не трудно, но когда километра через два я подошел к хутору, то прежде всего наткнулся на бойцов, сидящих в окопах, а из штаба вытаскивают телефоны и явно эвакуируются. Доложился командиру бригады. Тот предупредил меня, чтобы я не обижался, и пустил многоэтажную реплику, требуя, чтобы я со своим транспортом проваливал что есть духу. Я стал «проваливать», сначала бегом, а поближе к берегу, когда меня уже увидели с катера и баржей, то нарочито неторопливой походкой. Только забравшись на баржу, дал команду двигаться дальше.

В Преображенку прибыли уже затемно. Забота о баржах с ранеными и сестрами отпала, но барже с огнеприпасами велено было продвинуть выше по реке. Тут меня сменил делопроизводитель парка. Куда дивизия, туда и мы. Где не побывали, везде интересные встречи и события, подчас трагические. Вот одно из них. Мы стояли под Ямбургом в километре от железнодорожного разъезда, в большой деревне. Пришло требование на отпуск 50000 патронов для какой-то части. Все, казалось, нормально, если бы кладовщик Шуткин не доложил, что в вагоне у него не больше сотни патронов россыпью – и только. Хотя командир парка у нас и аховый, но надо поделиться с ним. Тот сразу в панику – расстрел обеспечен. Но я сдаваться не хочу, требую от писарей книги учета, подлинные документы прихода и расхода патронов. И нахожу ошибку, как раз на 50000. У меня был грамотный писарь Силистровский, он вел учет поступления. Работали мы в полночь и за полночь без керосина и свечей, а с лучиной

(факт!). И вот при таком освещении записанная Силистровским цифра 37000 поступивших патронов была записана другим писарем как 57000. И эта цифра пошла в дивизию и выше. Попробуй объясни, не поверят, сочтут за саботаж, а это пахнет пулей в затылок без всякого трибунала.

Приказал Шуткину ничего не объяснять приемщикам, а заявить, что все уже роздано. Я знал, что в деревне находится штаб какого-то полка, который должен погрузиться для отправки в Вологду для переформирования. Взял я все наши книги и документы, нашел помкомполка по хозяйству, добился, чтобы он меня выслушал, посмотрел документы и понял, что произошла дикая ошибка. Он понял и сказал, что тут дело пахнет расстрелом, и спросил, что же он может для меня сделать. Была – не была, единственный шанс. Я сказал: «Дайте расписку, что ваш полк получил от нас 50000 патронов несколько дней тому назад. Ведь ваш полк сегодня погрузится и, вероятно, расформируется».

Представьте себе, что такую расписку я получил. Полк уехал. Мы донесли в дивизию, что более ранний расход патронов еще не успели показать в отчетности. Вот на какого человека я нарвался. Жаль, что не запомнил, кто он и откуда, может быть, его наследники такие же люди высшего полета.

А вот другое. Стояли мы недели две под Петроградом в Колпано (не в Колпине, а именно в Колпано), там была, а может быть и есть, церковь с необычной колокольной, наверху которой не крест, а золотой петух. Напротив церкви школа, где мы трое – я, Дондин и, кажется, Андреев, расположились в одной комнате. Школа не работала, но заведующая существовала. Она была не старше нас по возрасту, но получалось так, что взяла на себя роль заботливой матери. Прямо потеха. Мы, в свою очередь, держали себя как любящие, воспитанные дети. По вечерам пили чай вместе. У нас были чай и сахар, хлеб и вобла, а у директорши не было ничего, и мы ее с удовольствием угощали. Когда мы уезжали, эта милая

девушка преподнесла нам, всем троим, по кисету своей работы с какими-то вышитыми шелком словами на неизвестном языке (чухонский что ли?). Как мы не упрашивали перевода на русский, она не дала. Не думаю, что это были проклятья и ругательства.

Недели три снаряжали мы дивизию из своего эшелона, поставленного на товарной станции Псков, а жильё нам отвел комендант города в пригороде Новая березка. Вернее, ничего он не отводил, а сказал: «Залезайте в любой дом». Время было весной, на самой Пасхе, понятно, что никому не хотелось пускать к себе чужих мужиков-красноармейцев, да и одетых-то не по форме, а кто во что горазд. Все-таки разместились по 2-3 человека, хотя и встретили нас в штывы.

Все изменилось через несколько дней, лучше нас и не стало. Понятно, так как ребята-то у нас хоть и неказистые, но не плохие, в каждом доме охотно воду и дрова принесут, починят что надо. Ребят потихоньку подкармливали, а хозяйки кое-где обстирывали их, не отказывались. В здании товарной станции Политпросвет обслуживал нас самодеятельными концертами, показом кинокартин и лекциями, которые читались в добровольно-принудительном порядке учителями. Запомнилось обращение к слушателям. Говорить «господа» или «милостивые государи» нельзя, называть «товарищами» язык не поворачивается да и не хочется. Вот и придумали словечко «братие». Как услышали первый раз такое обращение, кто-то из ребят крикнул: «Чего там, говори прямо - «штация» и все».

Посмотрели мы и на старинный хороший губернский город Псков. Пришло время уезжать из Пскова. Когда погрузились в эшелон, вся Новая березка (не преувеличиваю) вышла провожать. Почти у каждого бойца была какая-нибудь «большельщица». Мне была преподнесена семейная фотография из дома, в котором коротал свободные вечера.

## НА ЗАПАД. ПОД ВАРШАВУ

**Д**ни за днями катятся, обрывая тоненькую нить, и она чуть не оборвалась на Березине и в Орше. Надо нам было постоять несколько дней у разрушенного железнодорожного моста через Березину и полюбоваться на взорванный Белопольский бронепоезд «Генерал Конаржевский». Естественно, что следовало не только выкупаться, но и вымыться по возможности. Пока шли с берега к нашей стоянке, попали под дождь, вымокли. Спать лег в поле на зарядных ящиках, укрывшись шинелью и плащ-палаткой, которые плохо спасали от ночной сырости.

Утром наш комиссар (такой у нас уже появился) угостил меня вареной свежей картошкой. Считалось, что картошка эта – «дары населения». К вечеру меня со свежей картошки и схватило настолько, что я предпочел ехать к Орше в отдельном вагоне. Прекрасно понимая, что нужно поголодать, я довольствовался одним крепким чаем с сухарем. Стало полегче, признаков дизентерии нет, и я послушался своего фельдшера и съел ужин, который он мне прислал. Ну и пришлось в Орше отправиться в госпиталь. Двухэтажное здание бывшего реального училища набито дизентерийными больными. Пожилой врач и немолодая сестра работали, кажется, без смены. Это действительно герои и святые люди. Санитаров не хватало, больные вели себя так, что не только в туалетах, но и в коридорах накинаны поленья и доски, по которым можно двигаться.

У меня была легкая форма, и я строго соблюдал диету и предписания медиков, почему и выздоровел в 10 дней, но исхудал и ослаб страшно. На прогулках перед выпиской порыв ветра валил с ног. Умирили многие, и не из-за плохого лечения, а из-за себя лично: покупали у преступниц-торговок. всякую дрянь, свежие и соленые огурцы и буквально

«жрали» все это потихоньку от персонала госпиталя. Осмотр комиссии перед выпиской выражался в следующем: разденьтесь, поднимите руки над головой (все ребра можно пересчитать). Вопрос: тифом хворал? Если да, то отпуск на месяц, если нет, как у меня, то направление в часть.

Дали сухой паек. Поехал поездом на запад. Железнодорожные пути разболтанные, машинисты новые, дороги не знают. Еду на открытой платформе среди разных грузов. Кидает состав из стороны в сторону. Вечером я решил, что ночью при таких порядках ехать не стоит, и сошел на какой-то станции, сижу на перроне, покуриваю. Подходит ко мне мужчина, одетый в кожу, значит, комиссар какой-нибудь. Прилаживается, что, кто и почему. Узнаю, что он из нашей второй стрелковой дивизии, да еще и земляк – из Костромской губернии, из Кологривского уезда, фамилия его Легконрахов. Живет тут по делам временно, пригласил к себе, поужинали не моим сухим пайком, а его салом и рыбой. Утром он дал мне ориентиры, где искать парк, дал и кусок сала. Через несколько лет мне удалось оказать ему услугу и отплатить за приветливый прием в дороге.

Вагоны наши соскочить с железнодорожных путей не могли, и потому найти их не составило больших хлопот. Первое время по возвращении я занимался восстановлением своих сил, много спал, гулял, а главное – не выпускал из рук котелка с вареными грушами, которых в то время и в тех краях было изобилие. До полного своего выздоровления я, конечно, не сообщал домой о госпитале, это причинило бы родителям излишнюю тревогу, а помочь они мне ничем не могли. Сестре же в хлебный Саратов, где она с мужем жила, написал. Она поняла, что неплохо бы подкормить меня белыми сухарями, и выслала большую посылку. Однако сухарей попробовать не удалось, их съели почтовые воры. На полевой почте мне посылку выдали без видимых признаков вскрытия тары, но там был только мусор и битое стекло по весу посылки. Утешался



тем, что не я украл, а у меня украли. Убежден, что сухари вышли ворами так или иначе «бокком».

В долгом времени или в скором побывал у нас инспектор артиллерии армии Томсон, проверил мою отчетность по движению огнеприпасов и спросил, не надоело ли мне возиться с этим делом, Я ответил, что веселого мало. Думаю, что по подсказке Томсона начартдив Моисеев подписал приказ о переводе моем на должность адъютанта в гаубичный дивизион второй стрелковой дивизии, куда я прибыл и явился к командиру дивизиона Анатолию Александровичу Смирнову, окончившему три года тому назад Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Встретил он меня приветливо, в первый же вечер после служебных разговоров и указаний перешли на бытовые темы. Баритон. Целая папка нот для пения, я их все знаю, так как приходилось по ним аккомпанировать, и в то время техника у меня еще не пропала.

На следующий день принял адъютантские дела от товарища, который получил назначение командиром батареи тяжелого дивизиона нашей же дивизии. Принял и личного коня – кобылу караковую со смешной кличкой Антимония. Позднее, если успею, расскажу, что это была не кобыла легко артиллерийского типа, а истинный кандидат наук. Ей следовало присвоить это звание или степень без зачисления в аспирантуру.

Не успел познакомиться со всеми командирами, как узнал, что приказано двигаться вслед за дивизией походным порядком, а у меня с чего-то появился жар. Осмотрел меня фельдшер, дал хины, сказал, что малярия обеспечена на полгода, но с ней в госпиталь не кладут и не демобилизуют. Хину я принял, но фельдшеру высказал все, что я думаю об его медицинских познаниях. Ночь проспал покойно, утром, как говорят, вскочил в седло и во главе дивизиона рядом с командиром двинулся в поход. Никакой малярии как не бывало. Потом как-то на привале с предварительного согласия

фельдшера пересказал ему наизусть указ Петра Первого о порядке построения воинских колонн. С фельдшером мы условились, что Петр был плохой царь, и его указ тоже никуда не годился, а звучал он так: «Врачей, лекарей и прочую обозную сволочь держать в конце обоза, чтобы они своим гнусным видом славное войско не позорили».

Одна из батарей дивизиона должна была обстрелять предместье Варшавы. Вечером командир сказал, что с батареей выедет сам, с ним собрался и комиссар, а так как конь у него был не ражий, он просил дать ему мою кобылу. В просьбе я отказал и объяснил, что дам только в случае прямого приказа командира. Комиссар его уговорил, и коня пришлось на время дать.

Когда я утром проснулся, то меня удивила необычная тишина в деревне, нет и второй батареи, и обоза. Издалека доносятся пулеметные очереди. Вернулся в избу, хозяйка принаряженная, приглашает к празднично накрытому столу и говорит: «Что, пан командир хочет в плен?». Тут я все понял: командир второй батареи решил, что я уехал с командиром на позицию, это подтверждалось и тем, что на коновязи нет моей кобылы, и подал команду всем следовать за ним по маршруту, указанному ему накануне. Маршрут этот мне, разумеется, был известен, он прошел через мои руки.

Ругаться с хозяйкой не было смысла. Схватил свое личное оружие, шинель, оставил свой вещевой мешок с продуктами и бросился догонять своих. К моему счастью кто-то из бойцов видел, что моего коня взял комиссар, что с первой батареей и командиром дивизиона меня не было, поняли ошибку, выслали навстречу мне заводного коня с бойцом. У меня отлегло от сердца, и тогда я решил, что свой вещевой мешок дарить хозяйке не стоит, но сам не вернулся, а послал бойца.

Батареею догнал быстро, вскоре получил и свои пожитки, а коня своего выручил у комиссара только через три дня. Да,

проспал бы я лишнего полчаса, то быть бы мне в плену у белополяков, хозяйка не разбудила бы меня и сдала тепленького.

## ПРИЕЗД ТУХАЧЕВСКОГО

Я не военный историк, описывающий операции и события, а вспоминаю только личное, что осталось в памяти. Стояли мы километрах в 10 от станции, где находился поезд Тухачевского. Дали нам знать, что придет и посмотрит, готовы ли к бою. Его адъютант сказал по телефону, как бы вскользь, что командующий требует ясных знаков звания на рукавах командиров, чтобы знать, с кем «по ручке» или так. Спешно начали нашивать. У меня полоски получились хорошие, а звезды напоминали форму нарциссов, но красивых.

Начальство прикатило в открытом автомобиле. После представлений и официальной части меня отозвал в сторонку адъютант командующего, немолодой с русой бородкой мужчина, и сказал, что они в штабе погибают, есть нечего и нельзя ли у нас разжиться. Мое дело строевое, а не хозяйственное, свел с начхозом, тот быстро прикинул, сколько чего можно достать у хуторян на «валюту», единственную признаваемую крестьянами, т.е. соль. За вещевой мешок соли достали несколько гусей, уток, поросенка, поделились слегка мукой, все это погрузили на повозку и отправили на железнодорожную станцию еще ранее, чем начальство отбыло после легкого завтрака восвояси на своей машине. Смотрел ли Тухачевский тяжелый дивизион – не знаю.

Как-то на походе в открытом поле подверглись бомбежке с польского, а фактически французского бомбардировщика. В подобных случаях командир останавливает дивизион,

люди, ездовые у коней, рассыпаются по обочинам дороги, но командир, комиссар и я, адъютант, остаются на своих местах. В этом случае, который помню, все обошлось благополучно: несколько бомб взорвалось в поле в стороне от дороги, летчик нас не преследовал, потому ли, что бомб у него больше не было, или по чему другому, забрался повыше и скрылся на запад.

## МОЯ ЛОШАДЬ АНТИМОНИЯ

У артиллеристов того времени многое зависело от конского состава. Надо сказать, что у нас в дивизии кони выглядели лучше цирковых, только крупы не были расчесаны в шашку. Начарт дивизии требовал, чтобы на стоянках во время затишья коней чистили четыре раза в день. Очень мудро: во-первых, люди были заняты, а не болтались, во-вторых, ухоженные кони требовали меньше корма. У нашего командира была прекрасная вороная кобыла хороших экстерьера и кровей, он очень дорожил ей, как, впрочем, и я своей. Стояли они на коновязях всегда рядом, в походе тоже были рядом и привыкли друг к другу настолько, что определенно беспокоились, когда им приходилось расставаться, а когда слышала одна, что другая подходит, то встречала легким коротким ржанием.

Моя Антимония ни разу, ни на каком аллюре не споткнулась, дорогу даже в темноте чувствовала изумительно. Был у нее один недостаток, но его можно объяснить в ее же пользу и простить. Если требовалось по льду пересечь даже небольшую речку, кобыла ни под седлом, ни в поводу не ступит на лед, пока не увидит, что какой-то другой конь уже прошел. Только тогда двинется и она. Очевидно, за ее службу ей пришлось один раз провалиться, и она это запомнила.

Бывают лошади, которые ходят за своим хозяином, как собаки. Антимония за мной не ходила, но была уверена, что я о ней забочусь. Иногда не хватало овса для всех коней, но моя любимица всегда была им обеспечена: свой сахар я отдавал ездому, он «шел в народ», менял сахар на овес, и режим питания не нарушался. Я упоминал, что для классической верховой лошади она была немного тяжеловата, но это искупалось ее выездкой и нравом. Как-то в Белоруссии произошло ЧП – исчезла командирская кобыла. Как это могло произойти – не важно, но интересны следующие события. Командир разогнал людей на розыски, обшарили все в радиусе 50 верст, но никаких следов не нашли. Дней через 10 у коновязи кобыла появилась самостоятельно, но в ужасном виде: на ней был хомут, от которого волочились две оглобли, сама взлохмаченная, худящая, измученная. Ясно, что на ней кто-то варварски поработал, она же, сорвавшись с упряжки, собрала последние силы и ускакала, хотя оборванные оглобли били ее по ногам.

Долог ли был ее путь – неизвестно, но к своим она возвратилась. Ветеринарный фельдшер дивизиона взял ее под специальное наблюдение, ей нужно было не только поправиться, но и успокоиться после тяжелых переживаний. Утверждаю, что Антимония без своей обычной соседки скучала, это было заметно по тому, что аппетит у нее даже к овсу был менее обычного. Забегая вперед, скажу, что при отъезде моем из дивизиона любимица моя доставила меня в Витебск, а трогательное прощание наше состоялось у железнодорожного вокзала.

## ТРОЦКИЙ И УСИН

**В**о времена наших странствий по Северо-Западному и Западному фронтам мы не останавливались в городах, хотя бы и небольших, где в клубе командир мог бы выступить в качестве певца-артиста, а я в качестве аккомпаниатора. В сельской местности пианино можно было встретить в квартире учителя при школе, в домах священника или ксенза. Командир шел и на это, отводил душу. Надо сказать, что баритон у него был очень приятный, чувствовалось умелое исполнение. Жаль было расставаться с таким командиром, но пришлось. Начальнику артиллерии дивизии надоело разбирать постоянные споры командиров гаубичного и тяжелого дивизионов и жалобы их друг на друга по малейшим поводам, а это невольно настраивало агрессивно и офицеров, и бойцов дивизионов друг против друга, что могло вредить общему делу. Начартдив и решил поменять командиров дивизионов: гаубичного перевести в тяжелый, а тяжелого в гаубичный. Вышло замечательно, всякие жалобы и тяжбы прекратились, но у меня вместо Смирнова командиром оказался Гладких.

Ничего плохого сказать о нем не хочу и не могу, но обстановка изменилась, и тогда я вспомнил, что несколько месяцев тому назад был издан приказ Реввоенсовета республики об откомандировании из любых воинских частей дипломированных юристов для службы по этой специальности. На основании этого приказа я и подал рапорт об откомандировании меня в тот губвоенкомат, откуда я был призван. Прошел примерно месяц, и соответствующие документы мне были выданы, и я по железной дороге из Витебска выбыл в Кострому.

Упустил я в свое время упомянуть, как нам в дивизионе предоставлялась возможность повидать и послушать Троц-

кого. Стояли мы недалеко от города Лиды. По телефону из дивизии было приказано всем свободным от нарядов явиться немедленно в город на митинг, где будет выступать Троцкий. Поехали, но опоздали, видели только поезд Троцкого: два паровоза, один международный коричневый вагон, два синих первого класса, один зеленый третьего и один красный товарный, где помещалась корова, так как Троцкий предпочитал пользоваться молочком только от одной определенной коровы. На переднем паровозе были установлены два станковых пулемета, на площадках вагонов охрана в какой-то необычной серой форме.

После этого отступления продолжу о возвращении в Кострому. Здесь события у меня разворачивались так: Иван Усин, в свое время высланный из Балтийского порта на остров Эзель с одним батальоном полка, попал там в плен к немцам, а они в первую войну еще не были такими мерзавцами, как во вторую, и с пленными кое-как считались и отпускали не искалеченными. У Ивана в Костроме оставалась одинокая приятельница-учительница, которую он по мере возможностей подкармливал посылками из Эстонии. Естественно, что приехав в Кострому, Иван прямо с утреннего поезда направился на хорошо знакомую ему квартиру, где «весьма доброжелательные» соседи услужливо распахнули ему незапертую дверь комнаты приятельницы, и он сразу же понял, что оставаться ему здесь нельзя, так как на кровати из-под одеяла виднелись две головы, и одна из них с усами.

Пришел Иван к моим родителям и стал осматриваться в новой обстановке жизни и подумал: «Поеду в Москву к Михаилу Ивановичу Калинину на работу». Поехал и сделался там начальником какой-то канцелярии ВЦИКа, но, думаю, какой-либо второстепенной. А у родителей было потрясение с жильем. Их квартира, как и все здание гимназии, отходила под госпиталь, и отцу предложили отправиться в свой дом. Там к этому времени все шесть комнат занимала семья в че-

тыре человека бывшего правоведа, генерала от юстиции Попова. Отец был крайне удивлен, когда Поповы отказались отдать хотя бы одну комнату, разъяряя, что после революции у квартирантов больше прав, чем у домовладельцев. У него, кажется, было отобрано целое имение, и он едва ли был от этого в восторге. Отец обратился за помощью к губвоенкому Георгиеву, тот дал двоих красноармейцев и приказал им вселить моих родителей в одну из комнат дома. Значит, явился я буквально домой, но в одну комнату из шести возможных.

## ВОЕННЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

Губвоенкомат тогда помещался на Богоявленской, позднее Симановского, улице во втором трехэтажном доме, называемом по имени старого хозяина – Третьяковским (теперь здесь редакция газеты «Северная правда»). Представился комиссару. Посмотрел он мои документы и говорит: «Что-то, братец, уж больно просто оформлено, а надо бы через управление трибуналов. Ну, ладно, работайте военным следователем, у т. Волоцкого никого юристов нет». Начальник следственной части оказался тем самым Волоцким, который, будучи судебным следователем, до революции ездил верхом на исправнике в клубе не то Варнавина, не то Ветлуги.

Венедикт Николаевич меня узнал, как и я его. Работа пошла, а поскольку советского уголовного и процессуального кодексов еще не было, мы заглядывали в Уложение о наказаниях и, не ссылаясь на те или иные статьи, действовали в соответствии с социалистическим правосознанием. Дел совсем мало. Только один раз пришлось выехать в лагеря, которые



были на месте современного привокзального района. Красноармеец перерезал себе горло бритвой. Умирает человек, отправил в госпиталь, по дороге туда он и умер. Допрос товарищей и начальства ничего не дал, кроме предположений острого психического расстройства.

Пайки у нас были тыловые, не такие, к каким привык на фронте, но и этот паек радовал родителей, так как с карточками было совсем неважно. Осенью и зимой на службе замерзали и мы, и чернила на столах. Приладились нагревать кирпичи в уцелевших каминах, для чего использовали архивные документы, нагретый кирпич или камень заворачивали в бумагу и постепенно, держа «грелку» на коленях, бумагу разворачивали. Как-то с кирпичом в руках пришел на доклад к губкомиссару. «Это что значит?», - удивился он, а когда узнал, в чем дело, выпросил у меня эту грелку.

Следственная часть существовала недолго и была за ненадобностью расформирована, меня назначили начальником отделения военной службы моботдела, начальником которого был въедливый латыш из писарей Пиртенек, не пакостник, но требовательный чрезвычайно и знавший наизусть все приказы РВС. Пришлось и мне запоминать. У меня в отделении было человек 10 писарей, которые назывались делопроизводителями, так как от «писаря» пахло старым режимом. Интересно, что и сапожники исчезли, а появились сапоговники. Учительница в школе, рассказывая об испуге, не говорила, что у нее душа ушла в пятки, а сердце ушло в пятки. Потеха. С годами, разумеется, такие загибы исчезли.

Гражданская война заканчивалась, военные организации понемногу свертывались, сокращались и штаты губвоенкомата, перебрались мы на Мшанско-Островскую улицу, в бывшее здание госимущества. Там в 1923 году и закончился первый этап военной службы, когда я был демобилизован в должности порученца.

## В ГУБЕРНСКОМ СУДЕ

Жа другой же день я отправился в губсуд, чтобы наконец начать работу по своей специальности. Председателем губсуда был латыш Кульпе. Вообще все руководящие должности в то время занимали латыши. Много их приехало в Кострому из Риги вместе с эвакуированным сюда заводом Пло. Губсуд помещался в здании на углу Советской и Овражной улиц, так как основное здание суда на площади было добито так, что пользоваться им без капитального ремонта было невозможно.

Я не удивился, что Кульпе при первой встрече сразу же назвал меня по фамилии. Очевидно, откуда-то, вероятно, по секретным каналам, он был предупрежден. Есть вакантная должность народного следователя на половину Костромского уезда. По современным масштабам в мой участок входила половина Костромского района, целиком Красносельский, Судиславский и Сусанинский районы. Принял 70 незаконченных дел. На мое счастье секретарем оказалась очень молодая девица из знаменитой семьи судейских и прокурорских работников Дружининых. Она уже знала и любила свою работу. Дорвался до своей работы и я.

В полгода мы расчистили участок и довели количество дел до 20. Надо сказать, что дела были по большей части бытовые, а для крупных хозяйственных были старшие следователи. Познакомился с судебно-медицинским экспертом А.Н.Городковым, дочь которого я уже знал по ее работе машинисткой в губвоенкомате, там она вышла замуж за заместителя комиссара Ипатова. Не повезло Людмиле Городковой: по демобилизации Ипатов работал ректором сельхозинститута, кажется, в Воронеже. Там Людмила получила диплом ветеринарного врача, но там же сделалась вдовой: муж был расстрелян, убит или вообще ликвидирован, понимай, как

знаешь. От общих знакомых слышал, что вдова Ипатова выдвинулась до начальника ветеринарной службы управления железной дороги или даже наркомата путей сообщения.

## В ГОСТЯХ У ТЁТУШКИ

Оттоп! Надо вернуться ненадолго к губвоенкомату. Там мне в мой очередной отпуск предложили взять литер куда угодно. Посоветовался с родителями и поехал в Архангельск, где у меня не было не только родных, но и знакомых. Выбрал север, так как там еще не бывал. Остановился в гостинице, походил по деревянным тротуарам одиннадцативерстной набережной, пытался на рынке купить в подарок родителям какой-нибудь редкой хорошей рыбы, но к ней приступить не было. Убедился, что в белые ночи можно, сидя у себя в номере, читать газету, не зажигая огня.

Придумал съездить на Соловки. Пришел в контору пароходства, попросил билет. Меня подняли на смех: разве вы не знаете, что туда по своей воле не ездят и оттуда не возвращаются. Я знал, что там есть лагерь, но не знал, что все острова являются запретной зоной. А вот сейчас, в 1974 году, моя московская сватья-докторша сообщила, что она для себя и своей любимицы, нашей общей внучки Оли, уже приобрела на лето туристические путевки на Соловки.

Когда возвращался обратно, решил навестить в Даргуне под Череповцом тетюшку Александру Кузьминичну и свою двоюродную сестру Анну Ивановну Ильинских. Тетюшка уже преклонных лет вдовая попадья, а сестра двоюродная – сельская учительница. На железнодорожной станции Шексна ночью сошел с поезда и по указанию случайных спутников по вагону отправился пешком к Шексне, недале-

ко – несколько верст. В лесу напугал какого-то крестьянина, который вез здоровенное свежесрубленное сосновое бревно, Ясно, что самовольная порубка, потому и был испуган, когда я его окликнул, чтобы убедиться в правильности своего пути.

Вышел на берег как раз к домику перевозчика. Разбудил, объяснил, что мне мало переехать Шексну, а нужно подняться выше, к Даргуну. Столковались. Чудесное раннее утро или вернее конец ночи. Светло, тихо, вода зеркальная. Я сел за весла, хозяин правит кормовым веслом. Плыли недолго, а когда перевозчик меня высадил, то указал направление на Даргун. Пришел я туда и без помех нашел дом тетушки, так как подростком бывал там. Все село еще спит, а у открытого окна сидит Анна Ивановна. Узнала меня, удивилась, очень обрадовалась, велела заходить в дом – двери не заперты.

Несмотря на мои возражения разбудила тетушку: как же иначе, когда Шура приехал. На скорую руку угостили меня чем-то и уложили спать. Пробыл я у них два дня. Хозяйство «замечательное»: один баран, вхожий в дом и знаменитый тем, что по команде умел «топать ножкой», два гуся и три курицы (петух приходящий). В комнате ткацкий станок. Какие ткани изготовляла тетушка – не знаю, но понял, что половички у нас дома ее работы, из тряпок, которые матушка ей посылала. Огород, спускающийся к речке, большой, ухоженный. Трудно понять, как сводились концы с концами. Проводили меня на пароход, на нем я доплыл до Череповца, а там на поезд и домой.

## ДЕТАЛИ СЛУЖБЫ

Еще деталь службы в военкомате. Дел у меня там немного, и я два раза в неделю скрывался часа на два в фабричную школу в качестве аккомпаниатора к уро-

кам физкультуры. Сколько-то мне платили, не помню, но все же плюс. Форменная комедия происходила, когда меня пригласили в Народный дом сопровождать музыкой немое кино. Пианино стояло так, что я не видел экрана, играл по подсказке администратора: если видовая, то, разумеется, вальс в роде Египетских ночей или Амурских волн; ломается Глупышкин или Макс Линдер – давай галоп из Боккачио, а душещипательная драма с Верой Холодной нуждается в соответствующей музыке с завыванием, а у меня вдруг раздастся бравурный марш «Старые друзья», когда мне не дают очередного сигнала. Кое-кто из зрителей, понимавших толк в музыке, помирал со смеха, а остальным было все равно. Немножко заработал и тут.

Возвращаюсь к деятельности народного следователя. В университете профессор судебной медицины Минаков только один раз демонстрировал вскрытие трупа, да и то «свежего», а мне пришлось несколько раз производить эксгумацию трупов, захороненных и месяц тому назад, и полгода, и год. Насмотрелся, чего никому не пожелаю. И вот на склоне своих дней пришел к заключению, что всего лучше кремация, и по этому поводу предпринял ряд шагов, настаивая на сооружении крематория. Отовсюду отказы с нелепыми мотивировками: в Костроме мало умирают, планируются постройки в Ленинграде, Киеве, Новосибирске и только, оборудование надо покупать в Англии на валюту. Зачем в Англии? Наши новые друзья немцы, вероятно, до настоящего времени располагают специалистами по газовым печам и поделятся опытом бесплатно. Да и наши СМУ прекрасно сложили бы примитивные газовые печи, благо газа у нас хватает даже на экспорт. Не обязательно воздвигать пышное здание наподобие Дворца бракосочетаний, а кроме того кое-где сохранились еще и здания церквей. Люди, в том числе и руководящие работники, просто боятся говорить и обдумывать эту тему.

Экстумация по закону должна производиться в присутствии понятых. Один из моих понятых, крестьянин не молодой, не выдержал и упал в обморок. Даже при обычном вскрытии мой молодой практикант Тюриков убежал из комнаты, так как его рвало. Врач-эксперт А.Н.Городков иногда в период вскрытия, желая разрядить тяжелое состояние понятых, прибегал к такому номеру: он обращался ко мне, следователю, и просил меня «дать ему в зубы». Эффект обеспечен. Это означало, что я должен раскурить папиросу из его портсигара и подать ее доктору прямо в рот, так как руки у него самого в трупном яде – он обычно работал без перчаток.

Сослуживцами моими, тоже следователями, были И.В.Сергиевский из кандидатов, о котором я упоминал и который позднее стал старшим следователем, редкостный по уму, работоспособности, интеллигентности человек. Я имел честь считать себя его другом. Совместно мы подготовили к печати одно руководство для следователей. Издательство органов внутренних дел приняло его к печати, я сам видел, что издание было включено в план, но позднее исключено, так как потребовалась дополнительная бумага для чисто политической литературы. Какой-то благожелательно настроенный ко мне работник издательства показал все резолюции и переписку по этому вопросу.

В это же время в «Советской юстиции» была опубликована моя первая статья о необходимости расширить права следователей в избрании меры пресечения, при аресте и в случаях, когда преступник мешает ходу следствия. Вполне понятно, что я был рад, как и мои родители, тем более, что и гонорар выразился в 400 рублей. Через полгода примерно я мог даже возгордиться, так как в УПК было законом внесено соответствующее изменение, о чем упомянуто Грозовым в его учебнике по уголовному процессу.

Всего за долгие годы моей работы было опубликовано в юридических журналах до 50 статей, часть из них храню, на

другую остались лишь извещения, а еще больше статей было отклонено. Вообще мне кажется, что в редакциях установлена своеобразная монополия нескольких лиц, преимущественно апробированных ученой степенью.

Мой сосед по следственному участку Митя Всеволожский, большой театрал и заправила в клубе совторгслужащих, как и И.В.Сергиевский, переведен в старшие следователи. Одного следователя, Анциферова, быстро изъяли из суда «за невозможность использовать на этой работе», так как его брат был товарищем министра юстиции не то до революции, не то при Керенском.

## ШУТКИ ЛИНШИЦА

**Р**аботать мне было легко, сказалась выучка, полученная у Тихановского во время моего кандидата. В то время следователи входили в штат суда, а прокуратура только должна была наблюдать за нами. Одним из таких наблюдающих числился помпрокурора Линшиц, ярко выраженный еврей, выдававший себя за лютеранина неизвестно какой национальности и якобы состоявший до революции кандидатом на судебные должности. Все это «липа». Он, несомненно, умный и ловкий человек со странным прошлым. Когда Владивосток опять стал нашениским, Линшиц оттуда морем приехал в Европу и будто бы в Праге работал как наш разведчик.

Копаться в его прошлом не мое дело, а что он был интересным собеседником – это факт. Умен, но один раз наскочил тоже на умного еврея-адвоката Машталера. Выступая обвинителем по уголовному делу, Линшиц позволил себе привести в адрес адвоката стихи Некрасова: «получив гонорар не-

умеренный» и т.д. Адвокат этой выходки не спустил и сказал, что его труд действительно оценивается сотнями рублей, а вот труд прокурора, исходя из его зарплаты и затраченного времени на обвинительную речь в полчаса, надо оценить не выше четвертака или 30 копеек. Сверх основной прокурорской должности Линшиц читал какие-то лекции в медицинском техникуме. Жил он с женой и маленькой дочкой на улице Свердлова, где по вечерам собиралась разнообразная интересная компания. Ведущую роль играл преподаватель Маргаритский, тот самый, который окончил Гейдельбергский университет. Не особенно здоровый, кривобокий и с некрасивым лицом, он поражал находчивостью и разнообразными способностями: по заказу на любую тему в стиле того или другого поэта мог немедленно составить четверостишие. Доктор Баженов приносил альбом тестов и проводил всех через испытания. Бывал кто-то из юрисконсультов, а также из преподавателей медтехникума и, разумеется, я. Никаких выпивок и вообще никаких угощений не бывало, и чаще всего мы занимались разыгрыванием друг друга, изоощряясь в выдумках, не пренебрегая даже техническими средствами.

Как-то решили посмеяться над одним врачом, не входившим в нашу компанию, и заманили его, чтобы продемонстрировать способности гипнотизера у Линшица. Строго в определенное время, из минуты в минуту Линшиц заявлял, что он может, не сходя с места, заставить одну электрическую лампочку из люстры медленно погаснуть, а затем вновь загореться. Гость, конечно, в это не поверил, но убедился, когда увидел собственными глазами обещанный ему эксперимент. А дело обстояло просто: один из нас – жребий пал на меня – в назначенный для мистификации вечер не показывался обществу, но через заранее отпертые входные двери проникал на кухню, куда в тарелку с водой были выведены оголенные концы проводов от одной из электролампочек. Я обязан был в точно выверенное время медленно разъединить провода, а



затем так же медленно соединить, что я и проделал. Через несколько минут я мог появиться в комнате как ни в чем не бывало, объяснив, что задержался на работе. Наша «жертва» была потрясена.

Придумал Линшиц и не совсем приличную шутку: под обивку мягкого дивана, где обычно усаживались студентки техникума, почитательницы хозяина, подложили ярмарочного петушка, исправно пищавшего, если в него подуть, К петушку подвели тонкую резиновую трубку с грушей на конце. Во время общего разговора гости начинали беспокоиться, ерзать по дивану, конфузиться, укоризненно взглядывая одна на другую, когда из дивана слышался писк. Линшиц время от времени нажимал на грушу, петушок пищал, но все мы должны были сохранять полное спокойствие, как будто бы ничего не слышим. В тот вечер студентки ушли очень рано.

Года через два суд и прокуратура с Советской улицы все же смогли возвратиться на свое место на площади в здание кое-как подремонтированное, с огромной по всему фасаду золотой надписью «Суд и прокуратура», и красовалась эта вывеска долго, пока ее не приказал убрать один из приехавших в Кострому руководящих партийных работников. И правильно сделал.

## ДЕЛО ГРАЧЁВА

Ореди проведенных мной предварительных следствий было одно, которое сыграло в моем служебном положении большую роль. Я имею в виду дело по обвинению Грачева, нашумевшее в общесоюзном масштабе. Содержание этого дела могло бы послужить темой для целой книги в руках писателя. У меня сохранился в руках один экземпляр копии обвинительного заключения, составленного мною, ко-

торый и прилагаю. Добавлю, что дело это мне удалось закончить в 10 дней. Арестовав Грачева в Судиславском районе и препроводив его в костромскую тюрьму, я и допрашивал его там в течение пяти дней, но не более пяти часов кряду, так как более мы оба не выдерживали.

Дело слушалось в зале кинотеатра «Художественный». Обвинял сам прокурор Веселовский. Приговор – высшая мера, расстрел. Президиум Верховного Совета заменил расстрел заключением на 20 лет, но Грачев был освобожден досрочно (неправильно, так как он, как ранее судимый, не подлежал досрочному освобождению).

### ***Обвинительное заключение***

По делу обвинения гр-на Григория Тимофеевича Грачева по 1 ч.73. 1 и 2 п.175. п.п. «а» и «е» 136 и 19 и п.п. п.п. «а» и «е» 136 т. Угол. Кодекса.

В седьмом часу утра 26 июля 1925 года в деревне Иваново Судиславской волости Костромского уезда, когда все трудоспособное население, несмотря на праздничный день, разошлось на покосы, из дома Григория Грачева начал пробиваться дымок, одновременно на улицу вышел хозяин дома с охотничьей двухстволкой через плечо и длинным факелом в руках.

Грачев направился к неветренной стороне деревни, подошел к дому Григория Ивановича Муравьева, плеснул на крышу его керосина из бутылки, привешенной к тому же факелу, поджог дом и перешел для того же к другим: Александра Афанасьевича Муравьева, Дмитрия Александровича Муравьева и Михаила Евлампиевича Лисицина.

Догорающим факелом Грачев поджог стоявшую на корню рожь. Пожар быстро охватил почти всю деревню, а в это время Грачев под звон доносившегося из села Бородатова набата, среди перепуганных детей и женщин, пытавшихся

спасать из огня свое имущество, ходил у пожарища и расстреливал своих однодеревенцев, все вновь и вновь заряжая свое ружье.

Николая Васильевича Муравьева лишил всех троих детей, убил полуторагодовалую Алевтину Королеву, ранил ее бабушку Марью Егоровну и беременную мать Матрену Павловну Королеву, дважды стрелял в Александру Еремеевну Королеву, ранил Лукерью Николаевну Мухину и на ее глазах застрелил ее мать Надежду Ивановну и сестру Анну, которая, по показанию свидетельницы, упала «не пикнув», а мать же еще «потрепыхалась». Ранил Елизавету Никандровну Королеву, девятилетнего Павла Лисицина, молодую женщину Александру Васильевну Лисицину, Дмитрия Михайловича Воронова, убил Анну Алексеевну Муравьеву и Дарью Михайловну Лисицину и четыре раза стрелял в пожилую женщину Александру Васильевну Лисицину, приговаривая ей: «Ах, ты, гад, еще жива».

Других Грачев допрашивал, где муж, издевался, что застрахован дом, но забыли застраховать жизнь, и не обращал внимания на мольбы ползавших перед ним женщин. Сбегавшиеся с полей мужики, находившие трупы своих семейных и развалины домов, не могли оказать отпора Грачеву, а он перешел на выгон, где, стреляя почти в упор, убил 12 лошадей, принадлежавших деревне Иваньково, а затем, с биноклем в руках и не оставляя оружия, перешел на судиславскую дорогу, по которой на помощь подоспевшей в деревню милиции уже шли четверо вооруженных граждан. Обстреляв последних, Грачев смертельно ранил гр. Ципленкова и легко судью Цветаева.

В тот же день при попытке милиции, сопровождаемой толпой граждан, вынести раненого Ципленкова из лесу и позднее, когда начволмилиции с милиционером Виноградовым направились в с. Бородатово, Грачев стрелял по ним (л.д.5,12. об.13,14, 33-35, 42, 55, 69-71, 87, 139 и 193).

Итогом преступления Грачева 26-го июля являются 11 человек убитых и умерших от ран, 8 человек раненых, сожжено 16 домов, один из них двойной – двух домохозяев и 65 хозяйственных построек, уничтожено 12 лошадей (л.д.15, 17, 28, 38, 39, 84, 94, 98, 100, 194, 204, 231, 63, 56, 166-169 и 78об.-80).

В тот же день вечером в Судиславскую волость прибыл районный нарследователь для производства предварительного следствия и начальники уездной милиции и губрозыска с сотрудниками для задержания преступника (л.д.1).

На месте же было установлено следующее:

Небольшая, в два десятка домов, деревня Иваньково, окруженная со всех сторон лесом, непосредственно примыкающим к ее полям, расположенная в стороне от бойкого тракта, отстоит от своего волостного центра на 8 километров и от губернского города на 60 километров. Избы были выстроены в две линии, лицом на полдень, перед деревней по скату к болоту – так называемый «огуменник» с пепелищем хозяйственных построек, амбаров, риг, сараев и частью покосных участков.

Через Иваньково лежат дороги в соседние селения с.Бородатово, Починок-Абросимов, Митронино и Хотилово.

Деревня до революции считалась малоземельной и была арендатором примыкающих к селению угодий купца Третьякова, позднее с переходом к крестьянству этих угодий, душевой надел выражался в 4 с лишком десятины.

Как и большинство крестьянского населения губернии, так и граждане дер. Иваньково издавна имели подсобный отхожий промысел бондарей, часто зарабатывая на нем больше, чем давало им сельское хозяйство (л.д.131).

Однако были семьи и коренных хлеборобов, к каковым должна быть причислена семья ныне покойного Трофима Александровича Грачева. Последний имел детей и от первого брака, умерших перед гражданской войной, и от второго,

в котором 26 января 1878 года родился сын Григорий Трофимович Грачев.

Вся семья была здоровой, душевнобольных, сифилитиков или пьяниц не было, только одна из дочерей, Авдотья, проживающая в настоящее время в Судиславской волости, имеет благоприобретенный сифилис. Об отсутствии больной наследственности говорит как сам Григорий Грачев, так и гр.-н Суворов, хорошо знающий эту семью. Отец Григория Грачева умер в 1907 году 75 лет отроду, мать в текущем году около 90 лет от роду (л.д. 40 и 103 об).

Еще в ранней молодости Григорий Грачев, работая по крестьянству, учился у своего отца заговорам от «чемера» и от «руды», а также немного и сапожничал, что, пожалуй, и не вызывалось необходимостью, т.к. земли у Грачевых было достаточно – три тягла, т.е. 11 десятин и усадебная оседлость, превышавшая «огуменники» других крестьян. Эта земля оставалась у Григория Грачева и после выдела его брата Ивана, предпочитавшего совершенно порвать с деревней и обосноваться в городе со своей бондарной мастерской (л.д. 93 об.).

Отбыв в 1906 году действительную военную службу стрелком ковенской крепостной пехоты, Григорий Грачев возвратился домой и в в 1910 году женился на сироте из подгородной Судиславлю слободы, Парасковье Поздеевой, зная, что она не девушка и уже имела ребенка, которого, впрочем, в живых уже не было (л.д.114 об. и 143 об.).

Еще при жизни отца Григория деревня несколько сторонилась Грачевых. Старик был неуступчив, свое отстаивал крепко, судился с однодеревенцами в волости и всегда стоял на своем, однако до открытого разрыва не доходило: его внучку Анну, внебрачную дочь Авдотьи, крестил Афанасий Королев, а Григорий Грачев был крестным дочери Николая Константиновича Мухина – Марьи (л.д. 4 об, 5, 193).

По отчужденности от деревни Григорий превзошел отца. Скрытный и суровый человек – отзываются о нем все, а однодеревенцы прибавляют: гордый и самолюбивый. Были поводы для того, чтобы развилась у Григория мстительность. По его словам, отец не признавал обязательности хождения «на помочь» в село их прихода чем навлек на себя неудовольствие однодеревенцев, вылившееся в драку. Григорий Грачев затаил обиду на Афанасия Королева и на Михаила Лисицина. Тогда же самому Григорию был нанесен граблями удар по голове, оставивший след в виде рубца и по настоящее время. Запомнил Григорий Грачев, что покойный отец Николая Васильевича Муравьева опилил у грачевской изгороди подпорки, стоявшие на чужой земле, известно это и Парасковье Грачевой (л.д. 20 об, 127, 133 об., 111 об., 112 и 143).

Лет 19 тому назад Григорий Грачев судился Костромским Окружным судом за убийство и был оправдан, хотя Александра Еремеевна Королева упорно, по его словам, лжесвидетельствовала на него (л.д. 113).

В течение 10 лет Грачев служил лесником у судиславского купца Третьякова, проживая дома. По его собственным словам «натиск» деревни на него в это время ослаб – крестьяне чувствовали за ним силу Третьякова (л.д. 114).

Отправившись на германскую войну с 323 пехотным полком в качестве рядового, Грачев заслужил расположение своего непосредственного начальника, земляка, отделенного командира Мухина, который дает о Грачеве лучшие отзывы, как о хорошем товарище и исполнительном подчиненном (л.д. 130 об.).

В апреле 1915 года Грачев, будучи уже санитаром, сдался севернее Карпат в плен, работал санитаром в подвижном германском госпитале, а затем был переведен, как он говорит, за примерную службу на сельское хозяйство. В 1919 году возвратился домой и принялся опять за хозяйство, но на участке

уже меньшем, т.к. одно тягло деревня в его отсутствие отобрала (л.д. 105 об.).

Отношения начали обостряться все больше и больше.

Гр.-не, пользовавшиеся отобранной у Грачева землей – Андриан Васильевич Муравьев, Михаил Евлампиевич Лисичин, Николай Васильевич Муравьев и Афанасий Федорович Королев подали в волземкомиссию заявление о том, что Грачев искусственным образом увеличивает свой надел, припахивая к своим полосам от чужих.

По обследованию это было опровергнуто (л.д. 224).

После выраженного деревней желания произвести землеустройство путем перехода на широкополосицу, Грачев подал заявление о выделе его на отруб. Вследствие споров заинтересованных сторон о месте отруба фактическое землеустройство командированным для этого землемером проведено не было. Одновременно было возбуждено судебное дело об изъятии от Грачева половины его усадебной оседлости. Почти все определения волземкомиссии обжаловались или деревней, или Грачевым. Последний считает, что до сего времени не разрешен один частный вопрос о недопущении его к общественному покосу, а также считает несправедливым решение уземкомиссии о времени землеустройства, вследствие чего Грачев был лишен возможности засеять рожь на предназначенном для него участке (л.д. 224 и об.).

Завед. землеустройством Костромского уземуправления полностью подтвердил стадии прохождения земельных дел, но показал, что Грачев не был лишен возможности поддерживать свое хозяйство, тем более, что за ним осталось право обжаловать определение УЗК в губземкомиссию (л.д. 233).

Уже достаточно озлобленного Грачева еще больше подогревали постоянные уколы его самолюбия, переходящие иногда границы уголовного закона. Его не могли не раздражать возгласы, вроде того: «что сел на отруб», «общипали, общипали» или «нас 17 домохозяев, а ты один, что хотим,

то и сделаем». Вспоминали и девичий грех его жены, величая ее «цыганской блядью», а после того, как у Грачева произошло столкновение с Анной Муравьевой из-за лошадей, окончившееся в камере народного суда приговором Грачеву в виде лишения свободы за побои, прибавилась новая кличка: «Гришка арестант, Гришка крокодил». Жена его Парасковья, явившаяся потерпевшей при продолжении этого столкновения, частично потеряла трудоспособность, т.к. была ранена Афанасием Королевым, который нанес ей удар топором. При рассмотрении этого дела Афанасий Королев сам сослался на то, что Грачев будто бы топором же распорол ему живот, но это в достаточной степени опровергается удостоверением врача, установившего у заявителя лишь многочисленные кожные ссадины в верхней части живота.

При производстве следствия по настоящему делу нашлись свидетели, которые молчали раньше, а теперь подтвердили, что Афанасия Королева натравила вся деревня криками: «Руби у Гришки жену и лошадь». К таковым свидетелям относится Дмитрий Александрович Муравьев. Не отставали от мужиков и их жены, уже текущим летом несколько человек забралось в чистый пруд Грачевых купаться и громко, так что это слышали Грачевы, кричали: «Бабы, девки, идите в Гришкином пруде промывать...» и добавляли название части женского тела, которую не принято обмывать публично.

Однако всех превзошли дети: Николай Муравьев человеческими испражнениями замазывал замки у Грачева, другие ребята, бросая в него комками земли, кричали: «Вот тебе земли кусочек», пятилетний сын Андриана Васильевича Муравьева Алешка ругал Грачева настолько грязной бранью, что ее, несомненно, не понимал и не понимает сам (л.д. 129, 100-118, 226, 142-144, 135 и 136, 138).

Зимой текущего года гр.-не дер.Иваньково обвиняли Грачева и его бывшую работницу бобылку Голубкову в порче колодезной воды. После произведенного милицией дознания



последнее нарсудом было прекращено (л.д. 224).

Обследуя хозяйственное положение семьи трезвого и бездетного Грачева, удалось установить, что хлебопашцем он был примерным, не закошел в отживающих формах обработки земли, в чем ему помогло ознакомление во время плена с постановкой сельского хозяйства в Германии.

Грачев первым в деревне завел плуг, у одного его была веялка-сортировка. Держал 6 ульев пчел, имел железные бороны, сам строил печь для выделки товарного дегтя, найдя, что старинный способ приготовления его не выгоден, лошадь его была племенной маткой, в числе хозяйственного инвентаря были тарантас и зимняя корзина (л.д. 4, 29, 40 об, 70, 104, 105, 118, 119, 184-189).

В зимнее время холостил мелкий скот и, по свидетельству гр.-н окружающих селений, с платой не прижимал, за починку обуви ему иногда отработывали в поле (л.д. 140).

Резко расходятся показания его однодеревенцев и гр.-н окружающих селений по вопросу о том, давал ли Грачев взаимобразно хлеб под проценты или нет, т.е. иначе говоря, был ли он кулаком.

Иван Михайлович Лисицин удостоверил первое, а Федор Флегонтович Гусев из дер. Гришина утверждает, как и многие другие свидетели, обратное. Лица, знавшие имущественное положение Грачева, определяют стоимость имущества от одной до 4 тысяч руб. (л.д. 39, 40 об.).

В дер. Ивановке и во всей Судиславской волости, естественно, возникла мысль о том, что один Грачев без соучастников не в силах был совершить такого исключительного по размерам преступления. Кроме утверждений о том, что жена его не могла не знать и не видеть приготовления Грачева к преступлению, молодые люди Александр Лисицин и Павел Воронов указали на Федора Александровича Муравьева и бобылку Голубкову как на лиц, если не принимавших непосредственного участия в совершении преступления, то, во

всяком случае, знавших о замысле Грачева. Основывались эти догадки на том, что Грачев во время пожара будто бы выслал из деревни малолетних детей Муравьева и лично вытаскивал имущество из его дома в поле, бобылка же Голубкова еще до появления огня сидела в картофельном поле на своих заранее собранных вещах (л.д. 4, 5, 12, 13, 28, 32 об., 35 об., 133 об.).

Подтвердить это с достаточной полнотой не представилось возможным, а кроме этого то обстоятельство, что Грачев выказывал то или иное расположение отдельным лицам, еще не говорит о причастности их к преступлению. Гр.-не эти, несомненно, могли ждать того или иного выступления со стороны Грачева, но этого опасалась и вся деревня и также заблаговременно принимала кое-какие меры. Так, по свидетельству Елизаветы Никандровны Королевой, сноха ее, Матрена Павловна, еще до 26 июля вывезла из Иванькова свое зимнее платье. В окружающих деревнях тоже могли догадываться о намерениях Грачева, т.к. он говаривал: «Пусть «дворинку» берегут себе на кладбище» (л.д. 129 об.).

С достоверностью выяснилось, что Грачев, укрывавшийся от властей с 26 по 31 июля с.г., пользуясь сочувствием к нему окружающего населения, был прекрасно осведомлен почти обо всех мероприятиях уголовного розыска, пустившего на это дело и собаку-ищейку. Начальнику губрозыска было известно, что в ночь на 31 июля Грачев был в доме слободского старика-охотника Суворова, где губрозыск мог бы и задержать преступника, но в целях выявления отношений к этому делу самого Суворова, последнему была дана возможность доставить Грачева в ВИК, что Суворов и сделал, прекратив тем самым слухи о роли его как укрывателя (л.д. 203 об., 3, 10).

Грачев явился в Судиславский ВИК около 2 часов ночи на 31-е июля с.г. безоружным, с запасом свежего хлеба и деньгами в сумме 42 р. с копейками (л.д. 75-80).

Будучи тогда опрошен наследователем, Грачев показал, что ружье с оставшимися патронами он бросил в болото, указать место отказался. По поводу денег, которых у него по имевшимся сведениям должно было оказаться значительно больше, объяснил, что их в сумме до 700 рублей утерял в лесу (л.д.78)...

Привлеченный к следствию и допрошенный в качестве обвиняемого, Грачев признал себя виновным в предъявленных ему обвинениях – умышленных поджогах, истреблении лошадей и почти полностью в убийствах, но не признал себя виновным в сопротивлении власти.

В своих очень подробных и обстоятельных объяснениях признал, что действовал из мести, бил людей хладнокровно и на выбор, жалеет, что не убил Травкина и «эту пакость» Лукерью Николаевну Мухину, когда-то дразнившую его, сознался, что долго искал Анну Муравьеву, но «она хитра, нечистый дух – спряталась», рассчитывал, что убил Александра Лисицина, но вместо него уложил его сестру Дарью. По поводу убийства полуторагодовалого ребенка Алевтины Королевой говорит, что она попала под случайный выстрел, когда с ружьем что-то не заладилось. Утверждает, что напрасных жертв не хотел: какую-то постороннюю девицу-ягодницу, прибежавшую на помощь в деревню, он погнал: «Голубушка, видишь, жгу деревню и бью народ, уйди – пропасть можешь».

Убийство Ципленкова и ранение Цветаева считает несчастием и для себя – стрелял в Травкина, которого считал и считает одним из виновников всех своих бедствий. Утверждает, что многие сказали ли бы «спасибо», если бы убил Травкина. Решительно отвергает стрельбу по милиции, явку свою объясняет желанием рассказать, по его выражению, про «все его мытарства и грязь жизни». Подтверждает вполне все свидетельские показания о том, что давно задумал месть, и из этих расчетов распродал и нарушил свое хозяйство, обманул

окружающих намерением переехать на жительство в Судиславль. Знал заранее, кого бить, кого оставить, к последним отнес пастушенка Александра Муравьева, парнишку смиренного и не озорного. Результатами стрельбы не особенно интересовался: «Упала и ладно, жива – ее счастье, убита – не прогневайся». Не доволен, что в деревне не было мужиков, а то «полезли бы они на меня стадом, побил бы больше». И добавляет: «У меня не задрожали бы руки перестрелять всех своих обидчиков (л.д. 119-134 и 198 об.).

В некоторых случаях объяснения обвиняемого опровергаются свидетельскими показаниями: так, Мария Егоровна Королева удостоверила, что Грачев перед тем, как убить внучку ее Алевтину, целился в эту последнюю. Свидетели Травкин, Судаков, Цветаев и милиционеры показали, что они были обстреляны Грачевым при попытке вынести из леса раненого Ципленкова, товарища по партии двух первых. Нач.волмилиции Осипов и милиционер Виноградов удостоверили, что Грачев стрелял в них, когда они от дер. Ивановково вдвоем направлялись к селу Бородатову (л.д. 42, 14, 43 и об. и 55).

По поводу причин, толкнувших Грачева на преступление, многочисленные свидетели, гр.-не окружающих деревень, почти в один голос заявляют, что Грачев не захотел переломить свой характер, не захотел «поклониться миру-обществу. Свидетелю Сорокину известно, что Грачев обижался на власть ввиду затяжки земельных споров; свидетелю Солодову известно, что Грачев был недоволен членом ВИКа Травкиным. Этот свидетель добавляет: «А по мне и Травкин хорош, тем более, что дела с ним не имел, придешь в ВИК, деньги заплатишь и не показываешься больше» (л.д. 130, 140 об.).

В вопросе об отношении Грачева к власти далее других идет свидетель Николай Михайлович Лисицин, указавший на злорадство Грачева во время неудач Красной Армии (л.д. 27 об.).

Нелады Грачева с деревней умиравшая от ран свидетельница Александра Васильевна Лисицина, 52 лет, объясняет не притеснениями деревни, а только жадностью Грачева к земле. «А что он за имянинник, что ему земли нужно больше других?» - спрашивала Лисицина и почти накануне смерти утверждала, что все зло было в нем самом. Последними ее словами на допросе были: «Смерть на вороту сидит – врать не буду» (л.д. 193 и об.).

По делу предъявлены гражданские иски Госстраха и гр.-на Ципленкова (л.д. 263).

Прочими потерпевшими разъяснено право их на предъявление исков (л.д. 260).

На основании изложенного Григорий Тимофеевич Грачев, 47 лет, из гр.-н дер. Ивановско Судиславской волости Костромского уезда, хлебопашец, средняк, женатый, беспартийный, грамотный, судившийся обвиняется:

1. В том, что он 26 июля 1925 года в дер. Ивановско с целью истребления имущества однодеревенцев своих, поджег деревню, умышленно истребил дома и 65 хозяйственных построек, кроме своих еще 16 домохозяев: Николая Васильевича Муравьева, Александры Еремеевны Королевой, Ивана Михайловича Воронова, Андриана Васильевича Муравьева, Василия Михайловича Коновалова, Василия Федоровича Королева, Ивана Игнатъевича Муравьева, Николая Константиновича Мухина, Дмитрия Александровича Муравьева, Григория Ивановича Муравьева, Александра Андриановича Муравьева, Афанасия Федоровича Королева, Марии Егоровны Королевой, Евдокии Семеновны Голубковой, Елизаветы Михайловны Коноваловой, Федора Александровича Муравьева, т.е. в преступлении, предусмотренном 1ч.175 ст. УК.
2. В том, что тогда же и там же умышленно с целью истребления имущества однодеревенцев своих выстрелами из ружья убил 12 лошадей, принадлежащих гражданам дер.

- Иваньково, т.е. в преступлении, предусмотренном 1ч.175 ст. УК.
3. В том, что тогда же и там умышленно из мести и пользуясь беспомощным состоянием некоторых лиц, выстрелами из дробового ружья лишил жизни граждан: Королеву Алевтину Ивановну, Мухину Надежду Ивановну, Мухину Анну Николаевну, Лисицину Дарью Михайловну, Муравьеву Анну Алексеевну, Муравьеву Таисью Николаевну, Ципленкова Павла Григорьевича, Лисицину Александру Васильевну, Муравьева Николая Николаевича, Муравьеву Анастасию Николаевну, т.е. в преступлении, предусмотренном п.п. «а» и «е» 136 ст. УК.
  4. В том, что тогда же и там же, из тех же побуждений и воспользовавшись теми же обстоятельствами с целью лишить жизни, причинил выстрелами из дробового ружья различные телесные повреждения от легких до безусловно смертельных гражданам: Королевой Александре Еремеевне, Королевой Марии Егоровне, Королевой Маргрене Павловне, Королевой Елизавете Никандровне, Цветаеву Василию Ивановичу, Мухиной Лукерье Николаевне, Лисицину Павлу Михайловичу, Воронову Дмитрию Михайловичу, т.е. в преступлении, предусмотренном 19 и 136 п.п. «а» и «е» ст.УК.
  5. В том, что тогда же и там же оказал вооруженное сопротивление судиславской милиции при попытке задержать его, причем стрелял в милицию и лиц, командированным в помощь ей, т.е. в преступлении, предусмотренном 1ч. 73 ст. УК.

На основании 26 ст. УПК названный Грачев подлежит суду Костромского губернского суда.

Составлено 24 августа 1925 года, гор. Кострома.

Народный следователь Лаговский.

Две интересные детали. 1. Подлинное дело, включая сюда предварительное и судебное следствия, протоколы, за-

ключения и в конечном итоге документ о помиловании – замена расстрела заключением, было своевременно сдано в облархив вместе с другими делами. В списке оно значится, но в натуре его на месте нет. Кто, когда, зачем его выкрал – в архиве не знают. 2. Краткое содержание дела опубликовал в журнале «Рабочий суд» член Верховного суда СССР Мерен, допустил определенный плагиат: он списал мое обвинительное заключение, но я не пытался нигде уточнять этот вопрос «страха ради иудейска».

Не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов о Н.В.Веселовском. Он здравствует, живет в Москве. Из Костромы он был переведен в Нижний Новгород, а оттуда в Японию советником к послу Трояновскому. Долго ли он там работал – не знаю, но думаю, что он был там на месте: он знал английский язык, так как до революции жил в Англии, но в качестве кого – мне неизвестно. Еще в годы работы прокурором в Костроме его кудрявая шевелюра была седой, держался он прекрасно, дело знал, был требователен, корректен, не зазнавался, а оратором был первоклассным. Совершенно неожиданно на днях я получил от него привет из Москвы, после чего мы обменялись письмами.

## МОИ УВЛЕЧЕНИЯ

Около этого времени у меня было три увлечения. Самодельные детекторные радиоприемники различных систем, одна другой сложнее. На трехлучевую антенну, подвешенную с липы нашего сада на мачту над домом, безукоризненно принималась станция Коминтерна, никаких помех, шума, а чистота такая, что было слышно дыхание пев-

цов. Конечно, все это на наушники и под страхом, что при малейшем толчке детектор соскочит с удачной точки.

В Костроме жил Флориан Осипович Иванский, которого мы, радиолюбители, называли отцом радио: он очень помогал советами. В суде нашелся еще один энтузиаст этого дела. Мы с ним устроили приемник в одной из комнат суда и оборудовали полностью возможность приема в подшефной деревне Лиханово под Судиславлем, подарив детектор и наушники. Товарищем моим по этой операции был секретарь суда Яков Квасников. Отец мой с его золотыми руками не только помог смонтировать одноламповый со сменными катушками приемник, работавший от батарей, но взял на себя самые ответственные работы по конструированию приемника. Зимой мы ловили передачи даже из Рима. В начале Великой Отечественной войны все эти приемники пришлось сдать.

Вторым увлечением было аккомпанировать жене Квасникова в ее громадном репертуаре песен, романсов, арий. Жила молодая чета недалеко от нас, да, кстати, выяснилось, что Тася Орлова дальняя родственница, вернее, свойственница по мужу моей двоюродной сестры Лаговской-Курочкиной. Тася любила и умела петь. Если у них собирались знакомые, то пела для них, если никого не было, то просто для себя самой. Бывали у нее и публичные выступления, но не с моим сопровождением, а с оркестром или аккомпаниатором-профессионалом.

Третьим увлечением были шахматы. Но не общепринятые классические, а весьма своеобразные, с четырьмя игроками. Со всех четырех сторон обычной доски приделываются дополнительные ряды, на которых устанавливаются шахматы четырех разных цветов. Игроки, сидящие друг против друга, являются союзниками в нападении и защите против второй пары. Стремятся заматовать какой-либо цвет шахмат. Игра продолжается, пока не будут объявлены шах



и мат обоим противникам. В таких состязаниях чаще всего принимали участие, кроме меня, мой товарищ по гимназии доктор Иван Ник. Лебедев, другой товарищ по гимназии Яков Чемодуров и его жена Ксения, отчества не помню, по фамилии, если не ошибаюсь, Брянчанинова, играли иногда доктора Баженов или Лаврентьев.

Необходимо уточнить некоторые фигуры участников. Лебедев – заядлый шахматист, играл одновременно с 20 противниками, играл вслепую, отвернувшись от доски и обычно выигрывал. Интересная семья, из которой он происходил. Отец имел свою кузницу на Сенной площади. Его старший сын Василий, юрист, был членом Верховного суда и автором первого подробного комментария к Гражданскому кодексу РСФСР. Второй сын Павел – видный работник ЧК, одно время занимал должность председателя Губчека, закончил свои дни трагически. Младший брат Ивана Николаевича Петр – стоматолог, по военной службе получил звание полковника медицинской службы, на пенсии, живет в Москве.

Яков Чемодуров, тогда адвокат, позднее увлекся собаками, преимущественно доберман-пинчерами, переехал в Москву и в парке Горького заведовал целым питомником собачьим и был, кажется, доволен. О своей жене он говорил, что она дочь военного генерала из свиты, но как это ни странно, образование получила не в Смольном, а в обычной женской гимназии. Для нас это не имело значения, и мы в ней видели просто гостеприимную, безукоризненно воспитанную хозяйку.

Наряду со всем этим и даже в первую очередь была моя следственная работа. Все серьезные документы я составлял по вечерам дома, так как днем времени из-за допросов или разездов не хватало. Единственный транспорт – это пара серых в тарантасе или санях с конной станции уисполкома. Ко мне всегда присылали знавшего все маршруты старика-ямщика Митю Арбуза. Дороги были дальние, например,

чтобы добраться до Андреевской волости, приходилось тратить весь день. Тарантас без верха, осенью никакой плащ не спасал от дождя: приедешь на место, а шинель колом стоит и едва к утру просохнет.

Иногда выезжал и не на проишествия, а в плановом порядке в ту или иную волость – Судиславль, Сусанино, для допросов свидетелей по месту их жительства, чтобы не вызывать в Кострому. Если из поездки удавалось возвратиться днем, то захваченные с собой вещественные доказательства – окровавленные ножи, топоры, банки с внутренностями и даже задушенных младенцев сдавал в камеру суда, а если возвращался к ночи, то приходилось разгружаться дома, а вернее в сарае, так как матушка моя на какие-либо другие хранилища не соглашалась.

Не по поводу таких вещественных доказательств, а совсем по другим основаниям я невольно встревожил и огорчил матушку, дело в том, что еще работая в губвоенкомате, я познакомился с дочкой хозяев последнего в Костроме до национализации цирка-шапито. Такие цирки ежегодно вырастали на плацу, где сейчас детский цветник. Моя знакомая выступала в качестве балерины в клубах, театрах, когда там ставились оперы или оперетты с танцами. Надо сказать, что на мою долю особого успеха не выпало, но моя заинтересованность в этом знакомстве не поощрялась моей матушкой и даже тревожила ее.

А в Москве мое предварительное следствие по делу Грачева было отмечено приказом Крыленко о моем переводе на должность помпрокурора Костромской губпрокуратуры, что и определило мою дальнейшую работу. Упомянув фамилию Крыленко, не могу удержаться от воспоминаний о проделке нашего Кологривского уездного прокурора Р., человека, не особенно одаренного, но быстро реагирующего на возможности продвижения по службе.

Он, не будучи лично знаком с Крыленко, но зная его склонности к охоте, послал ему телеграмму, что обложил медведя, и приглашает вместе с собой «взять» его. Крыленко не приехал, поблагодарив через секретаря за приглашение. А затем Р. из Кологрива был переведен в Москву приказом Крыленко.

В нашем Костромском уезде, в Андреевской волости, был и особый охотничий заказник Троцкого. Главным егерем был Ванька Губер, бывший костромской реалист. Когда и с кем приезжал Троцкий, держалось в тайне, приезжали инкогнито, подробности знал Губер и еще те, кому следовало об этом знать, чтобы охранять персону Троцкого.

Позднее в течение нескольких лет в деревне Ведерки за р.Костромой держал охотничий домик с несменяемым егерем писатель Новиков-Прибой. Это был мой участок, и я случайно видел и Новикова, и сопровождавшего его Пришвина. Какой-то молодой, неоперившийся писатель использовался маститыми на побегушках в пару с егерем.

## ОБВИНЯЮТСЯ ТЕКСТИЛЬЩИКИ

**Р**абота помощника губпрокурора не представляла для меня трудностей, но нужно было выступать по уголовным процессам в очередь с другими помощниками. И это меня тревожило. Первое дело, которое мне поручили, это дело по обвинению группы работников текстильной фабрики имени Молотова (тогда она еще называлась так) в преступной халатности, в результате которой было стравлено несколько тысяч метров полотна.

Дело я изучал досконально. Но самостоятельно не мог понять премудрости химических формул отбеливающих то-

вар составов. В этом мне помог отец, прочитавший несколько лекций по химии. Для меня это было очень важно, так как по делу вызывались химики-эксперты, да и защита, несомненно, будет обыгрывать вопрос с химикатами.

Я так боялся выступить первый раз при полном зале слушателей, среди которых были и мои знакомые, что умолял своих товарищей по прокуратуре и самого губпрокурора не приходить в зал заседаний, когда мне будет предоставлено слово для обвинительной речи. А дома я сказал: «Дорогие папа и мама, не расстраивайтесь, но я решил бросить прокуратуру, где на первом же процессе я осрамлюсь».

Процесс продолжался два дня, вечером второго дня надо выступать. Все прокурорские работники, в том числе Бобровский и Самарянов, бывшие дореволюционные прокуроры пришли. Начал говорить, не узнаю своего голоса. Ну, думаю, в этом доме мне больше не бывать, а потому и волноваться не стоит. Отложил в сторону написанный заранее конспект речи, набрался храбрости и заговорил уже своим голосом. Все обошлось благополучно, домой вернулся довольный, следовательно, и родители были довольны.

С этого и пошло. Меня часто назначали обвинителем на процессы, и это мне нравилось. Среди судебных работников нашлись спортсмены-лыжники П.А.Победимский, Г.П.Алякритский, Н.Н.Виденкова. Они сумели сколотить большую группу лыжников, которые с большим удовольствием по выходным дням совершали загородные прогулки.

## СМЕРТЬ МАТУШКИ

**Д**ома у нас 23 января 1928 года – несчастье, скоропостижно от кровоизлияния в мозг умерла матушка, Людмила Кузьминична. Днем она потеряла сознание, перевезли ее в первую городскую больницу в отделение Миши Лаврентьева. Он растерялся и, как мне кажется, ничего существенного не предпринял. Случись это в 1974 году, матушку смогли бы спасти, тогда же не было даже пиявок, а единственная в городе машинка для отсоса крови не работала. Я ездил к хозяйке этой машинки, главному доктору Каретниковой, она, ни минуты не медля, поехала со мной в больницу, пыталась отсосать от головы кровь, но ничего не удалось сделать.

Я уверен, что мама все понимала, но не могла ничем реагировать, только крупные слезы катились из глаз. Мне позволили остаться на ночь в больнице, но в самый момент смерти меня не было около мамы, я был в коридоре, откуда меня и позвали. Сестра милосердия В.Госкина со шприцем в руке уже отходила от кровати покойной. Меня отправили домой, где ждал отец. Вот мы и остались вдвоем. Утром телеграммой вызвали сестру из Саратова и двоюродную сестру из Даргуна. Очень поддерживала нас семья доктора А.Н.Городкова.

Из морга первой больницы переправили гроб в Богословскую церковь на Горной ул. для отпевания, затем похоронная процессия со священником во главе (в 1928 г. это еще не запрещалось) отправилась на Новое кладбище, где у нас было свое место с одной могилкой маленького братца Виктора. Никаких поминок мы не устраивали, как их не было и после смерти отца и не будет после моей. В том же году переехала в Кострому сестра из Саратова. Позднее явился и зять Николай.

## ДЕЛО О ПОДЖОГАХ

*М*оя работа в прокуратуре шла нормально, пока не началось гонение (временное) на беспартийных специалистов. Мне кажется, что тут сыграл какую-то неблагоприятную роль помпрокурора Галкин, поместивший в стенной газете пасквиль в мой адрес. Меня это не обеспокоило, во мнении всех товарищей по работе я ничего не потерял, одновременно был уверен, что Галкину это «выйдет боком», как и всем, кто делал или, вернее, пытался сделать мне гадость. Так и произошло в будущем: единственный сын Галкина был так воспитан отцом, что сделался убийцей и, несмотря на все старания отца, был осужден.

Для меня не было неожиданностью, когда во время очередного моего доклада губпрокурору, его фамилия была, кажется, Ковалев, он заявил мне, что со мной ему придется расстаться. Выслушав это, я продолжал свой доклад, не выразив никакого удивления и не заявляя никаких просьб. Тогда мое поведение удивило прокурора, и он сам начал на мой выбор предлагать другие работы: не соглашусь ли я быть народным судьей (ведь ни для кого не было секретом, что «выборы» судьи – это форма). Я отвечал, что судьей быть не желаю. Защитником? Тоже не хочу. Юриконсультантом? Отвечал, что это мне подойдет. Условились, что я сам предпринимать ничего не буду, все сделает прокурор и мне скажет. Я на этого прокурора не в обиде, было такое веянье, и противиться ему он не мог, да и сам-то он был в прокуратуре человек случайный.

Нет, прежде чем расстаться, на этот раз с прокуратурой, хочу вспомнить одно уголовное дело, по которому мне пришлось выступать по поручению предыдущего прокурора Сидорова. В Красносельском районе, в селе Прискоково, происходили поджоги один за другим. Крестьяне были на-

пуганы, озлоблены, подозревали друг друга, в общем получила «Bellum omnium contra omnes». 31 поджог не был раскрыт. Горели сараи, бани, стога сена, жилые дома. После 32 поджога взялся за дело старший следователь Митя Всеволожский, объединил все материалы, проанализировал их, допросил массу народу и привлек по косвенным уликам восемь человек.

И на предварительном, и на судебном следствии, продолжавшемся три дня, выяснилось, что поджигатели использовали даже химию, о чем в закрытом заседании подробно рассказал эксперт-химик. Восемь обвиняемых, пять адвокатов, полный зал клуба (дело областным судом слушалось с выездом на место, а может, суд был не областной, а губернский?) да вдобавок губернский прокурор Сидоров, присутствующий на процессе и проверявший меня.

Поскольку пришлось оперировать косвенными уликами, моя обвинительная речь затянулась на четыре часа. Помимо общих трудностей для обвинителя мне нужно было следить за составом суда – слушают ли меня или зевают, следить за пятью адвокатами, которые могли придаться к каждому моему слову, если оно сказано неудачно. Нельзя было упускать из вида поведение слушателей в зале: если кто-то встает и уходит – значит, моя речь не интересна, не захватывает. Да тут еще сидит и слушает меня прокурор Сидоров, человек дельный, с юридическим образованием. Вот и извольте в такой обстановке говорить четыре часа, да еще в духоте и жаре. Хотя и молодой я был, а устал сильно. Реплики после речей адвокатов не брал. Приговор был обвинительный, Верховный суд жалобы осужденных отклонил. Лучшим подтверждением правильности моей позиции обвинителя было то, что поджоги и пожары в Прискокове прекратились.

## РАБОТА ЮРИСКОНСУЛЬТОМ

**В**озвращаясь к расставанию с прокурором, отмечу, что он свое слово сдержал, и мне не нужно было искать юрисконсультской работы, мне предложили ее в Кредитсоюзе, объединявшем крестьянские кредитные товарищества. Платили больше чем в прокуратуре, но на первых порах встретились трудности: я был криминалистом, а не цивилистом. Никогда не забуду, как мне помог осваиваться на новом месте Сергей Александрович Огородников, младший из трех братьев-юристов.

Старший – член первой Государственной Думы, кадет, подписавший в свое время Выборгское воззвание, был. Тоже в свое время, расстрелян. Второй – тоже адвокат, но не общественный деятель, успешно работал правозащитником в суде. Младший, Сергей, был юрисконсультом в какой-то организации, он совершенно бескорыстно взял на себя шефство надо мной первые 1-2 месяца. Все к лучшему: столкнувшись с финансами и бухгалтерией, я понял, что недостаточно быть юристом, и необходимо приобрести знания и экономиста, почему я и зачислился заочником в Финансово-экономический институт при Наркомфине СССР.

Учебную литературу высылали, требовали выполнения контрольных работ, что я старательно и проделывал не без удовольствия и азарта. Контрольную работу на тему «Деньги» рецензент оценил отметкой «удовлетворительно», указав на якобы допущенные мною ошибки. Как грубо выражаются, я «задрался», написал возражения и получил из института подтверждение, что я прав, победа была одержана. Эти занятия дали мне очень многое, в частности, при выступлениях в государственных и ведомственных арбитражах я чувствовал



себя более уверенным, чем мои противники – только юристы или только бухгалтеры.

Еще до зачисления в заочный институт, в то время, когда на самодельные приемники ловили станцию им. Коминтерна, начались передачи уроков английского языка. Преподавателями выступали Войнилович-Няньковские – авторы самоучителя английского языка в двух томах. Разумеется, я учебник купил и передачи регулярно слушал, посылал контрольные работы, прикладывая, как требовалось, почтовые марки по 40 копеек. Работы возвращались иногда с отметками «very nice». Когда по радио говорил преподаватель, все было понятно, а когда передавали выступление какого-то негра – не понял ничего.

Надо сказать, что во время знаменитой забастовки шахтеров 1926 г. в Англии, многие партийцы бросились на изучение английского языка. На что именно рассчитывали они – не знаю, а я довел себя до того, что, бывая в Москве, торжественно покупал в киоске «Манчестер гардиан» и не менее торжественно прочитывал газету, но сознаюсь, что через пятое на десятое, однако понимал все без словаря.

Во времена моей работы в Кредитсоюзе начались «чистки» аппаратов в поисках врагов советской власти. Искали не там, где надо, была только трепка нервов. Мне приписывали дворянство, так как отец мой, якобы, генерал. Пришлось читать публичную лекцию «Табель Петра Первого о 14 рангах». И доказывать, что преподаватель в чине статского советника – не генерал, автоматически становились дворянами дети действительных тайных советников. Я же по отцу – потомственный гражданин, а по университетскому образованию – личный дворянин-разночинец. Отступились, с работы не выгнали, как из Кредитсоюза, так позднее и из горисполкома по отделу коммунального хозяйства.

## НА КОМБИНАТЕ ИМЕНИ ЛЕНИНА

**Ж**а этих местах я пробыл недолго, но руку набил хорошо, что стало известно председателю горисполкома Михалеву, а он, сделавшись директором комбината им. Ленина, уговорил меня поступить на комбинат. Там мне были созданы прекрасные условия: хорошая производственная карточка, большая по сравнению с другими юрисконсультами зарплата, отдельный кабинет, отдельная секретарша, право пользоваться конным транспортом для деловых поездок, машинописное бюро обязано было печатать мои документы вне очереди.

Через год я настоял, чтобы мне дали помощника, поскольку работы действительно было много. Подчинялся только директору или его заму по коммерческой части, а этим замом долго состоял очень знающий и умный еврей, служивший до революции в коммерческом суде в Одессе. Обладавший тактом, он в случае несогласия со мной по тому или иному вопросу говорил: «А не лучше ли будет сделать по-другому». К сожалению, не могу вспомнить его фамилию, она явно еврейская. С нашего комбината, где его по какому-то поводу начали травить, он перешел на такой же льнокомбинат в Вологду.

Начальником планового отдела прислали из Главка инженера Н.М.Митюшина, он имел какое-то отношение к делу промпартии и был обязан еженедельно являться в какое-то «бдящее» учреждение. Помощниками моими в разное время были П.И.Чистяков, одноклассник по гимназии, замечательный не только тем, что знал дело, но и тем, что, будучи страшным заикой, обладал способностью ругаться хотя бы минут 5-10 не заикнувшись ни на одном слове (а были они стилия непечатного). Недолго поработал со мной С.Н.Калинников,

он ушел в адвокатуру за «длинным рублем», чего со своими недюжинными способностями и добился быстро. В.В.Вознесенского я переманил с фабрики «Искра Октября». Замечательный товарищ, труженик, обладавший легким характером, мы подружились семьями, а вот с другими работниками комбината мы поддерживали только деловые отношения, и хорошо делали.

Большую группу инженеров репрессировали, главный механик Малышев был уничтожен, его жена, не имевшая никакого отношения к комбинату, десять лет пробыла в лагере. Человек семь, в том числе белильщик Соловьев, несколько лет находились в лагерях, пока не были полностью реабилитированы.

Ходить мне из дома на комбинат было далековато, рассчитывать на единственный кустарный автобус, пересекавший весь город, было нельзя, но по молодости лет это неудобство игнорировалось. Ежегодно на целый месяц меня военкомат вызывал на сбор для проверки конского состава и оформления конских паспортов. Чаще всего вместе со мной работал ветеринарный врач Казанакли, очень вспыльчивый горячий южанин, приходивший в бешенство, если выводили лошадей не так, как он требовал. Мне приходилось сглаживать назревавшие конфликты с колхозниками. Дочь Казанакли, медицинский врач, в настоящее время заведует поликлиникой в Костроме.

## ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

*П*еред началом войны я был уже женат на Наталье Александровне Ивановой, дочери заведующего Зотовской фабричной больницей, сама она работала

фармацевтом в аптеке. Буквально через несколько минут после выступления по радио Молотова, сообщившего о нападении немцев, посыльный из военкомата вручил мне приказ приступить в шесть утра к исполнению моих обязанностей председателя приемной конской комиссии в конце Галичской улицы, в сосновом лесу, где теперь кладбище. Примерно за месяц до этого мы уже проводили репетицию организации такого пункта со всем оборудованием и коновязями. Тут же была комиссия по приему повозок и упряжи. Объединял работу комиссий тоже командир запаса, директор школы слепых Л.А.Колгушкин.

Надо отдать справедливость, что мобилизационные планы были разработаны точно и поэтому наша работа по приему лошадей шла без сучка и задоринки. Все мы были еще не обмундированы, так как числились только на сборе, а не мобилизованными. Вечерами я бывал дома. Как-то ко мне зашел старик-инженер Макарьев, автор солидной монографии под заголовком «Линия ж.д. Кострома – Галич». В те годы, когда Кострому бросали то в Ивановскую, то в Ярославскую области, монография не только не имела успеха, но признавалась чуть ли не крамольной, так как шла вопреки интересам Ивановской области. Пришел ко мне Макарьев в день образования Комитета Государственной Оборона. Мы поговорили о военных делах и сошлись на том, что было бы своевременно ветку на Галич построить, дублируя ярославскую связь Москвы с востоком. В тот же вечер я написал, а Макарьев подписал и послал на имя председателя ГКО напоминание о проекте ветки Кострома-Галич. Мы даже не ожидали, что через неделю получим письмо из Управления делами СНК СССР с уведомлением, что по вопросу о строительстве ветки дано распоряжение т. Арутюнову. Но мы не знали, кто это такой. Было получено письмо и из Наркомата путей сообщения, где высказывалось сожаление, что в настоящее время вся ранее составленная документация по

ветке со всеми архивами отправлена куда-то в Сибирь. И Макарьев и я были патриотами и немедленно сообщили в наркомат, что в Костроме, в горисполкоме, в таком-то шкафу горплана, имеются дубликаты всей документации, мол, приезжайте и берите. Почему Макарьев говорил так уверенно? Да потому, что он был нештатным консультантом горплана и все о материалах своего детища – ветки знал досконально.

Инженеры приезжали, документы забрали, и строительство, как стратегическое, началось силами ж.д. строительного поезда. Когда немцев погнали от Москвы на запад, стройпоезд понадобился в другом месте, актуальность строительства ветки отпала, попробовали продолжить работу методом народной стройки, но из этого ничего не вышло. П.Ф.Макарьев, умирая, завещал мне поднять вопрос о ветке тогда и там, когда и где я сочту возможным.



*А. В. Лаговский, сотрудник  
прокуратуры в Костроме.  
1943 год.*

Я работал уже помощником прокурора вновь образованной Костромской области, когда решил выполнить завещание: написал подробное письмо Г.Димитрову, первому депутату от Костромы в Верховном Совете СССР. К своей великой радости через обком КПСС был уведомлен, что строительство возобновится, но «к сожалению, не все делается так быстро, как бы нам хотелось». Это письмо находится в архивах обкома КПСС или передано болгарам, приезжавшим на торжества по поводу образования в Костроме нового района – Димитровского.

Однако до настоящего времени не выполнен один пункт проекта Макарьева: ветка Кострома – Галич есть, а 25 километров железной дороги в обход ярославского узла постройки, от соседней с Нерехтой ж.д.станции Сахареж до Гаврилова Яма с выходом на Семибратово, не проложены. В прошлом году из МПС СССР мне очень коротко ответили, что это строительство до 1980 года не предусматривается. Ну, мне больше делать нечего.

Возвращаюсь к первым дням войны. Официально меня мобилизовали, когда отправили в Москву, в Управление трибуналов на Каляевской улице. Наехало юристов видимо-невидимо. Меня должны были назначить председателем трибунала какой-то дивизии, но вчитавшись в анкету, где значилось, что я побывал в Италии и Австрии, отставили это дело и вернули меня в горвоенкомат, а моего спутника С.Н.Дружинина из делопроизводителей суда назначили секретарем трибунала и отправили в Новгород.

Дружинин попросил меня сообщить об этом его жене. В первый же день возвращения в Кострому я пришел к жене Сергея и выполнил его поручение. А в ответ услышал: «Ерунда все это, Сергей на днях вернется, я только что гадала на картах – выходит так». Как кому угодно понимать, но Дружинин через три дня был дома, его вернули, так как он захворал заразной рожей на ноге. Больше его не тревожили.

Несмотря на то, что за десяток лет работы юрисконсультантом, я принес комбинату миллионы рублей, расстались со мной по-хамски: жене моей пришлось много раз обращаться на комбинат, чтобы получить мою зарплату. Подумал: если останусь живым, на комбинат не вернусь.

В военкомате получил назначение на должность командира отдельного пятиротного транспортного батальона, я же должен был его сформировать. Моим замом по хозяйству назначен М.И.Стругов – работник торговли, завфинчасти – Смирнов из горфо, старшим ветврачом – А.И.Грацианский,

очень немолодой специалист. Первыми прибыли ко мне пять девиц – санитарных инструкторов. Горисполком отвел мне здание 25 школы на Лагерной улице. Ежедневно прибывали красноармейцы, все немолодые, лошади. Из комсостава для рот первым прибыл на должность командира взвода молодой человек, который помимо официальных документов показал только мне, как командиру батальона, особо секретное удостоверение для его будущей работы.

Первое время комиссара у меня в батальоне не было. В период организации было трудно, дома не ночевал, жил в батальоне на казарменном положении и, по правде сказать, умучился, а от военкомата никакой помощи не получал. Горвоенком Видякин только требовал ежедневных докладов о ходе формирования. Спасибо начальнику 1 части Егорову, он научил, как надо при всех обстоятельствах сдать точно в 18.00 нужную отчетность.

В личном составе штаба батальона удалось к общему удовольствию провести некоторую перемену: очень не молодой и беспартийный старший ветврач тяготился своей работой, а одному партийному ротному ветврачу хотелось быть старшим. Его желание я удовлетворил, а Грацианского вернул в военкомат «за невозможностью использовать». А.И.Грацианский давно уже скончался, а его сынок, главврач психологии в Никольском, до сих пор вспоминает, как его отец был доволен.

Когда батальон был полностью укомплектован, люди обмундированы в меховые полушубки, упряжь полностью в порядке и лошади начищены, я перешел в подчинение 7 резервной армии, расставшись с военкоматом. Очень скоро из армии на смену мне прислали нового командира Волкова, перенесшего контузию на фронте, меня поставили на вакантную должность начальника штаба. Жить бы и радоваться: Волков – юрист, душа человек. Но все испортил назначенный на должность комиссара Дергачев. Он не был дураком, он хо-

тел, чтобы все было хорошо, но он был болен шизофренией, никому ни в чем не доверял, ко всем придирался на каждом шагу, в том числе и ко мне.

Сам ставил себя в смешное положение. Потребовал, чтобы у него была отдельная чернильница с красными чернилами и этими чернилами должен был пользоваться только он. Как-то я дал ему на подпись письмо, в котором инициалы адресата после его фамилии не были разделены точкой, и в конце не было точки. Писарь отпечатал так: Петрову НА. Комиссар отказался подписать: «Тут напечатано НА, а нужно Н.А.». Поставил бы своими красными чернилами две точки, если ему уж так хотелось, но нет – вызвал писаря, заставил на машинке поставить две точки, а мне сделал замечание.

Подобные этой нелепости повторялись и мне так надоели, что я через командира батальона подал в армию рапорт о переводе в другую часть, объяснив, что делаю это из-за ненормальных отношений со стороны комиссара. Из армии приехал инспектор по кадрам. Я попросил, чтобы мои объяснения были приняты в присутствии комиссара, так как я не хотел выступать в роли шептуна или сплетника. Поговорив без меня с комиссаром, инспектор сказал, что нас «разведут», но делать этого не пришлось, так как все пять рот были раздерганы по дивизиям, и батальон перестал существовать.

Меня вернули в военкомат, а там поручили формирование новых частей: двух арtpолков РГК, железнодорожной бригады. Все это я сделал и остался без определенной должности в качестве порученца. Случайно встретил демобилизованного секретаря трибунала Шишова, работающего опять народным следователем, который посоветовал мне вернуться в прокуратуру, если военкомат меня отпустит.

Поехал в Ярославль, так как в то время Кострома числилась в Ярославской области. Явился к облпрокурору Мишутину (позднее он играл большую роль и в партийных органах, и в прокуратуре СССР). Созвонившись с горвоенкомом



Видякиным, который обещал демобилизовать меня, если я нужен в прокуратуре, Мишутин подписал приказ о назначении меня помпрокурора Ленинского района Костромы.

Пока я находился в батальоне, у меня был ездовым татарин Якуб Измаилович Кадыбердеев, а его брат Алей – ездовым у начальника пункта. Замечательно дисциплинированные, прекрасно знающие лошадей, неподкупно честные и чистоплотные люди, жаль было расставаться с Якубом, когда его с остатками батальона отправили на фронт. По окончании войны он благополучно возвратился в Кострому в свою Татарскую слободу. Показательно, что оба Кадыбердеева не привезли из Германии никаких трофеев, хотя бы зажигалки или пустяковой ленточки, так как брезговали имуществом немцев. А вот целая квартира одного моего знакомого врача, теперь уже покойного, не в обиду будет ему сказано, обставлена мебелью, привезенной от немцев.

С этими татарами мы и теперь знакомы семьями. Как-то в «Роман-газете» я прочитал в переводе с татарского «Белые цветы» Абдурахманова. Вещь эта мне понравилась, и я, желая порадовать своих друзей Кадыбердеевых, выписал из Казанского издательства этот роман на татарском языке. И в какой-то праздник преподнес Кадыбердеевым эту книгу. Они растрогались, но оказалось, что читать татарский текст может, и то едва-едва, только одна хозяйка, Магира Муфтиевна, хотя говорят они по-татарски свободно.

Был у меня в военкомате дружок, начальник первой части Лапин, которому мне удалось помочь в ликвидации запутанных семейных дел. Военком полковник Видякин сдержал слово и я сделался помощником прокурора Ленинского района Мизгирева. Там были еще два помощника, два следователя и секретарь, занимали одну комнату, посередине которой стояла буржуйка – железная печь, топили ее все время сами, заготавливая дрова из плах, валявшихся во дворе и занесенных снегом.

Для меня самым тяжким было поддерживать обвинения в военном трибунале и обвинять работниц, которые не выдерживали и самовольно бросали работу на фабриках и заводах. Наказание было стандартное: 8 лет лагерей. Положим, что никому из осужденных не пришлось отбывать все сроки, так как после победы над Германией все такие дела были прекращены, осужденные освобождены, и судимость с них снята. Такие дела в трибунал передавала прокуратура, которая и арестовывала самовольно уходивших с работы. Чтобы не отправлять дела в трибунал, мы подолгу уговаривали привлекаемых вернуться на работу. В этом случае оказывался только прогул, а не оставление работы. Я всегда радовался, когда мне удавалось убедить в необходимости вернуться на работу. Дело прекращали, и работницу немедленно освобождали из-под стражи. Всем было тяжело, холодно и голодно. Трудно представить, как моей жене Наталье Александровне, уже воспитывавшей маленькую дочь Людочку, удавалось кое-как вести хозяйство.

## ДЕЛА ДОМАШНИЕ

Описывая свое плавание по служебным волнам, я не отмечал своих личных домашних дел. После смерти мамы сестра и зять приехали из Саратова, комнат уже хватало для всех: семья Поповых освободила квартиру. Доктор Миша Лаврентьев, вспоминая просьбу матушки познакомиться с «барышнями Ивановыми», как-то в театре познакомил меня с моей будущей женой. Свадебное путешествие на Черноморское побережье было скромное – с экскурсионной группой. Регистрировались мы в Туапсе «по тихой» от своей группы, а нашим спутникам Наташа говорила, что мы жены-ты уже 10 лет.



*Наталья Александровна - жена  
А.В. Лаговского. 1920-е годы.*

До сих пор мы жалеем, что не удосужились повенчаться. Только в Костроме, когда я привел в дом молодую жену, отец благословил нас иконой. Есть такая присказка: «Семь топовров вместе, а два веретена врозь». Так вышло и у сестры с Наташей – до разрыва дело не доходило, но отношения были неважные. Отец прихварывал, сдавало сердце, и в последнее время он слег. Никогда не забываю, как к больному внимательно, сердечно относились и зять

Николай Александрович, и Наташа, несмотря на то, что в то время она ждала своего первенца. Отец не дождался внучки недели три и скончался 18 октября 1931 года. Дома в то время находились только двое – он и Николаха. Последний, находясь близко от отца, не заметил, как дыхание прекратилось, а в предыдущие дни отец страдал, жалуясь, что не хватает воздуха. Как мы не догадались взять кислородную подушку?

Наташа была под постоянным наблюдением известного всей Костроме доктора-акушера А.В. Чернова, который наметил день ее явки в родильный дом на теперешнем проспекте Мира. Роды прошли без него, а когда он с небольшим опозданием явился и осмотрел роженицу, то за что-то сделал замечание акушерке. Пробыла жена в больнице три месяца. Это был не 1974 год, и в больнице не все было ладно, даже льду не хватало, и я вырубал его на Козьмодемьянском пруду и таскал в больницу, не хватало какого-то лекарства, ходил за ним в аптеки.

Доктор захотел проверить кровь и послал ее в бакинститут на анализ, мне же велел на другой день принести ему ответ. Когда я пришел в бакинститут, там докторши подозрительно засуетились, выдали анализ, а там написано – сепсис. Я понял, что дело плохо, прибежал к Чернову. Он в буквальном смысле начал ругаться многоэтажными словами, сказал, что не верит анализу, что докторши, б...и, наврали. Анализ повторили: все в порядке. Доктор имел обыкновение заходить в больницу и по ночам, часов в 12. Иногда брал меня с собой, и если жена не спала, то можно было и повидаться с ней.

Не обошлось и без юмора. Я спросил А.В., не надо ли поддержать тонус у роженицы и не достать ли для нее коньяку. Получил согласие, коньяк принес. При посещении жены заметил, что бутылка быстро пустеет, спросил, можно ли так «поправляться». Вся палата рассмеялась, так как А.В. при всей честной компании больных дегустировал коньяк, желая здоровья всем роженицам. В настоящее время его место заняла дочь, Мария Алексеевна, пользующаяся такой же популярностью, как и ее покойный отец.

## ОПЯТЬ В ПРОКУРАТУРЕ

**В** 1944 году наконец-то Кострому освободили от «ига» сначала Иванова, потом Ярославля. После ее раскулачивания Костроме трудно встать на ноги. Создана областная прокуратура, Москва назначила меня начальником гражданско-судебного отдела. По штату у меня один помощник и секретарь. Помощники часто менялись и чаще всего шли в гору. Н.Н.Соснина работает зампредела Верховного суда одной автономной республики. Мазо – начальник профобразования всей области. Одну секретаршу со средним

образованием заставил заочно кончить юридический институт, и она сейчас подвизается юрисконсультком крупного треста.

Пожалуй, всех умней и самой знающей помощницей была сейчас покойная М.В.Смирнова, хотя у нее образование было всего семь классов. Ее я вытащил из Кологривской райпрокуратуры, и свою квалификацию она поднимала на шестимесячных курсах в прокуратуре СССР. Лучшей секретаршей была Н.И.Мокшанчикова – образование не высокое, секретарствовать обучилась в нарсуде. Порядок содержала в нашей канцелярии образцовый и за честь отдела стояла горой. Только личная жизнь у нее не задалась: муж, знатный водопроводчик на фабрике и хороший семьянин, умер рано, одна из дочерей еще ребенком страдала полимиелитом, никакое лечение и курорты не помогали, мучается и в настоящее время.

Боюсь, что воспоминания о работе в облпрокуратуре могут показаться хвастовством, но это не так. Первый наш областной прокурор был из милиционеров, доверял нам полностью, и мы работали на совесть, характер у него легкий и с начальством мог ладить. Свою прокурорскую карьеру закончил в должности прокурора автономной республики. Его прокурорскую работу фактически и всецело выполнял заместитель Лесовов, который когда-то, где-то был прокурором области, но «погорел» и к нам попал из начальников общего отдела Ярославского облисполкома, откуда его вытащил бывший помощник, шагнувший высоко.

Лесовов, юрист по образованию, знал работу по общему надзору и уголовного отдела, а гражданско-судебный надзор выучил из моих рук. Первое время наши отношения были хорошие, мы поделили лекции в облпартшколе, где за час нам платили по 40 рублей (до реформы), одновременно мне разрешались лекции и в школе милиции, и в институтах – педагогическом и сельскохозяйственном, а эпизодически и заочникам технологического института. При известном на-

пряжении можно было подработать на лекциях в текстильном и торговом техникумах, от них я отказался скоро, так как там лекторам без ученой степени (а у меня ее не было) платили за часы очень мало. Бесплатные лекции от общества «Знание» я не считаю, они были обязательными.

Знакомство мое с прокуратурой РСФСР началось после одной комплексной ревизии, проведенной в облпрокуратуре. В выводах акта было записано: «Все отделы облпрокуратуры работают неудовлетворительно, кроме гражданско-судебного отдела». После этого начались вызовы в прокуратуру РСФСР на месячные «стажировки», а по сути вызывали меня батрачить: во всякой прокуратуре время от времени накапливались залежи неразрешенных дел, никому не хотелось связываться с ними, для разгрузки и вызывали «стажеров».

Через 2-3 года стали вызывать и в ГСО прокуратуры СССР. Это было очень лестно, и работал я не за страх, а за совесть. Один раз меня ловко там «разыграли». Мне предложили про-рецензировать постановление по гражданскому делу, составленное уже окончившим стажировку товарищем. Вижу, что работа никуда не годится: ссылки на законы не точные, написано юридически неграмотно, не отражена самая суть дела. В таком «зубодробительном» духе мною и была составлена рецензия. Когда я сдал все материалы шефствующему надо мной товарищу, и он познакомил с моими выводами весь отдел, радости у всех, кроме меня, и смеху не было конца.

«Вы знаете, чью работу рецензировали?» Отвечаю, что понятия не имею. «Ну, так вот, ваше заключение мы покажем вашему новому начальнику ГСО прокуратуры РСФСР и он вас съест: ведь именно его работу вы проверяли». Я взмолился: не погубите, товарищи! Оказывается, действительно: вместо старого, работавшего много лет, начальником ГСП был назначен новый товарищ, но ему повезло, так как замом осталась та же Кудрейко, что была и ранее – большой знаток дела.

Если бы я был помоложе, то от успехов у меня закружилась бы голова, но так как я уже не первой молодости, то в телячий восторг, когда мне дважды совершенно официально предлагали переводы в прокуратуру РСФСР, не впадал и отказывался, убоившись московской суеты и отдаленности намечавшихся для меня квартир: один раз в Химках, а другой в Болдине.

В прокуратуру СССР меня не звали, но оказали большую честь, назначив в состав комиссии по комплексной ревизии Куйбышевской облпрокуратуры. Бригадиром нашим являлся знаток дела и большой дипломат, государственный советник юстиции, т.е. генерал, фамилию его запомнил, знаю только, что он еврей. Двое членов комиссии были из аппарата прокуратуры СССР, оба старшие советники, и последний был «аз многогрешный». Главный мой грех состоял в том, что я был беспартийным, единственным на весь СССР начальником ГСО областной прокуратуры, Не состоя в партии, я всегда был твердо уверен, что в ней сосредоточены ум, честь и совесть. И в соответствии с этим я и работал как прокурором, так и преподавателем в ВУЗах.

На вокзале в Куйбышеве нас встретил представитель облпрокуратуры с легковыми машинами. Сразу же поехали представляться прокурору области, а от него в лучшую городскую гостиницу, где для нас были забронированы комнаты. Второй день начался со знакомства с аппаратом отделов. Разумеется, меня бригадир направил в ГСО. Очень покорило меня, когда при входе моем в отдел все встали. Недоставало только команды: «Встать, смирно, товарищи командиры». Работников отдела больше, чем у нас, так как и районов в области вдвое больше. Все женщины. Никаких сводок специально для ревизии я не требовал, смотрел сам, что мне нужно.

Работали и утро, и вечер, с перерывом на обед в нашей же гостинице, там же после обеда и отдыхали. Выезжали и в районы, мне досталась Сызрань. Личных знакомств с ап-

*Все было именно так...*

---

паратом облпрокуратуры мы не заводили, но в областном суде я разыскал бывшего секретаря прокурора Костромского губернского суда Н.М.Васильева, того самого, который был откомандирован в сенаторскую ревизию сенатора Кривцова. Н.М. работал в Куйбышевском облсуде кодификатором, его печатные за каждый год подборки издавались отдельными книгами. Жил он в комнате при суде одиноким вдовцом. Меня сразу узнал, страшно обрадовался. Рассказал о гонениях, которые испытывал как бывший казачий офицер и работник царской прокуратуры, и как смог твердо встать на ноги и спокойно работать в результате помощи, оказанной ему лично т. Кировым. При расставании со мной подарил мне свои справочники за несколько лет.

Проработали мы в Куйбышеве более месяца. Когда все подытожили, составили акт, наш бригадир, отпустив нас, сам еще остался, чтобы доложить о результатах ревизии в обкоме партии.



*Возвращение из служебной командировки. В центре А. В. Лаговский.  
1960-е годы.*



## УЧЁБА ДОЧЕРИ

**В** Костроме началась моя обычная работа – и прокурорская, и преподавательская, а дома пришлось решать серьезный вопрос. Моя любимица, единственная дочь, переходила в 10 класс явной кандидаткой на золотую медаль, но у нее была конкурентка, пользовавшаяся особым покровительством директорши школы, учитывавшей, что отцом девочки, несомненно, способной, был никто иной, как замоблпрокурора, а я не зам, а пом. К тому же он был товарищем директорши по партии. При прочих равных показателях медаль получила бы конкурентка. Учитывая реальную обстановку, а также и то, что медаль давала право на льготное поступление в университет, и то обстоятельство, что в свое время медали были у меня, жены, сестры – дочь должна была тоже завоевать золотую медаль.



*Дочь Люда Лаговская в школьные годы. 1949 год.*

Пришел я к заведующему ГорОНО с просьбой перевести дочь в любую другую школу. Выслушав мои объяснения, зав. перевел дочь в 29 школу. Там были одни девочки при очень строгой директорше Евдокии Ефимовне, почему и школу прозвали монастырем святой Евдокии. Школа, преподаватели и подруги – новые, но это не помешало Людочке закончить школу с честью. После каждого экзамена она забегала в парадной с белым фартучком форме ко мне в прокуратуру и с



*А.В. Лаговский с дочерью Людмилой.  
1955 год.*

сияющим лицом докладывала об успехах.

Все это хорошо, и надо поступать в Московский университет на юридический факультет. Ни я, ни мать на этом не настаивали, дочь выбрала сама, она видела, что моя работа мне нравится, и сделала вывод: если папе нравится, значит, хорошо.

Осложнения на каждом шагу. В сопроводительном к документам письме в университет написали, что желательно

общезитие, через две недели документы были возвращены с отказом в зачислении, так как общезитие предоставлено быть не может. Тут уж меня «взорвало», поехал сам, обратился к декану, тот сразу же убедился в грубой ошибке приемной комиссии, поняв, что общезитие указывалось только желательным, но не обязательным, что дочь, имеющая золотую медаль, вправе на зачисление даже без вступительного экзамена. Извинился и все исправил.

Это уладилось, встал вопрос о квартире. Вспомнили «тетку» Сашу московскую, да ко времени отъезда в Москву поднялась у Людочки температура. Час от часу не легче. Спасибо опытным докторам, которые сказали, что девочка перерывалась, совершенно здорова, пусть едет и успокоится. Провожала ее в Москву мать. Дело с квартирой утряслось, дочь поселилась у «тетки» Саши вместе с проживавшей уже у нее архизасекреченной инженершей Асей, и жили они там трое душа в душу.

Были времена культа личности Сталина, а мы устроили еще один культ личности – Людмилы. И в результате появилась уникальная (уверен в этом) вещь: четыре переплетенных тома переписки дочери с нами. Надо отметить, что самый объемистый том оказался за первый курс и всех тоньше – за четвертый. Первая телеграмма гласила, что устроилась благополучно там-то, а последняя телеграмма через четыре года – «Встречайте, вагон пятый». Интересно бы узнать, есть ли еще такие чудачки или нет. Спрашивал многих, никто не знает.

## ПРЕДЛОЖЕНИЯ И НЕПРИЯТНОСТИ

*А* на работе происходит следующее. Когда мне требовалось получить подпись начальства под какой-либо бумагой, я заходил к заму Лесовому сам, но как-то случилось, что он меня вызвал и сообщил, что получает назначение начальником ГСО прокуратуры республики, что он дал согласие, одновременно добившись и моего перевода туда, если я не возражаю, а квартиры в Москве обеспечиваются. Соображаю: это уже третье предложение «беспартийному товарищу», Лесовов во мне нуждается, чтобы в Москве было на кого опереться, дочь учиться в Москве, квартира будет. Отвечаю: «Благодарю, приемлю, ничтоже вопреки глаголю».

Как развивались события дальше? Злые языки утверждали, что областного прокурора совсем не устраивало потерять такую ломовую лошадь, как его зам Лесовов, который был одновременно хитер, как лис, и будто бы областной «накапал» в республике на своего зама, почему и приказа о его переводе не последовало. Уверенности в этом у меня нет, но это вполне возможно.

Неприятности и несчастья посыпались на зама: умерла жена, умерла старшая дочь, арестованная за растрату, смерть ее последовала в зале суда при рассмотрении дела. Виновником этого несчастья был сам отец: во-первых, он должен был видеть, что дочь, проживающая в одной семье с ним, расходует немалые деньги сверх своей зарплаты; во-вторых, он обязан был полностью покрыть растрату; в-третьих, он мог повлиять на то, чтобы дело не дошло до суда, и никто бы его не осудил за это. Переживал он болезненно и то обстоятельство, что его перестали приглашать лектором в облпартишколу, тогда как моя работа там продолжалась. Большим его недостатком являлось непомерное подхалимство перед партийными органами, вернее, перед лицами, которые в какой-то мере соприкасались с этими органами. По какой-то незначительной по существу жалобе он поднял всю прокуратуру, и сам потерял покой только потому, что жалоба исходила из здания обкома партии, от одной из официанток буфета.

Когда облпрокурором стал Корсаков, бывший начальник следственного отдела, то в его кабинете происходили ежедневные неофициальные совещания с двумя замами – Лесовым и Родиным на тему не очередных задач прокуратуры, а о том, как получше, повыгодней выглядеть перед обкомом партии. Из этой тройки сейчас в живых только Кирсанов, который состоит на какой-то работе в возрожденном министерстве юстиции.

## ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

Иногда начинал сомневаться, не лучше ли мне было посвятить себя преподавательской работе. Отец, двое дядюшек, сестра и зять были преподавателями. Не только для того, чтобы заработать почасовую оплату, что, несомненно, играло роль, мне доставляло истинное удовольствие читать лекции для студентов по Основам советского права. Материал я знал, примеров из практики было множество, привычка к публичным выступлениям выработалась в прокуратуре. Я никогда не читал лекций по заготовленному тексту и, подчеркивая это, стоял не за кафедрой, а рядом с ней. Молодежь, студенты – такой прекрасный народ, и так хорошо меня принимали, что на лекциях я не утомлялся, а молодец, заряжаясь молодостью от своих слушательниц и слушателей.

С моей преподавательской работой происходило поистине что-то странное, если перечислять, где я читал лекции. Многолетняя работа в облпартшколе – это еще объяснимо из-за отсутствия подготовленных партийцев, но до сих пор мне не ясно, как меня в ЦК партии утвердили преподавателем Основ советского права в консультпункте Высшей заочной партийной школы. Положим, что этому утверждению предшествовало представление мною в ВЗПШ в Москву работы на заданную тему. Держался я там до тех пор, когда меня сменила там дочь, которая преподает и в настоящее время.

В стационаре педагогического института читал с основания его до тех пор, когда эту работу пожелал взять на себя облпрокурор Адушкин году в 1969. Считаю это вполне закономерным. С заочниками-педагогами сейчас работает вместо меня дочь. Самая большая нагрузка была у меня в

Караваевском сельхозинституте, когда в прокуратуре я уже не состоял, а вообще-то преподавал в сельхозе со дня его основания. Когда институт перебрался из города в Караваево, ездил туда без всяких затруднений, так как автобусы ходили регулярно через 10 минут.

Одно время мне там доплачивали полсотни за юрисконсультскую работу, но от нее я быстро отказался. Во-первых, неловко было получать деньги за работу, которой почти не было, и во-вторых, неприятно было выступать в народном суде, за работой которого я совсем недавно наблюдал как прокурор. «Доверяете, не доверяете, встаньте, сядьте, есть ли вопросы...», только еще не спрашивали, грамотнее или нет.

Учебный корпус в Караваево выстроен на славу: светло, тепло, просторно. Недоразумений у меня со студентами не бывало, относились ко мне хорошо, как и в педагогическом институте. Я чувствовал себя счастливым, когда кто-либо из моих слушателей задавал вопрос: «А можно ли по окончании нашего института поступить заочником в юридический институт?». Значит это, что смог заинтересовать.

Был один случай, рассказ о котором звучит как анекдот. По теме уголовного права я упомянул о знаменитом процессе Веры Засулич и порекомендовал студентам ознакомиться в свободное время с советским изданием трудов А.Ф.Кони, и сам зашел в богатейшую библиотеку института. Спрашиваю у дежурной, есть ли у них Кони, в ответ слышу: «Сейчас о лошадях у нас ничего нет». Мне пришлось искать книгу при помощи зав.библиотекой, очень эрудированной женщины, с которой у меня было знакомство еще по педагогическому институту.

Бережно храню полученные от студентов книги с дарственными надписями, благодарственные и поздравительные письма и даже маленькие настольные часы-будильник. Удивительное дело: ни разу не опоздал ни на одну лекцию. Перед тем, как меня допустить в технологическом институте

до занятий с вечерниками-экономистами, мне была устроена проверка: я должен был провести пробную вступительную лекцию в присутствии ректора Анохина, проректора по учебной части, декана факультета и желающих студентов. Пожалуйста. Встал сбоку кафедры на два академических часа без перерыва и постарался доказать, что меня слушать можно.

Храню и групповые фотографии разных групп по повышению квалификации банковских, торговых и профсоюзных организаций.

Только что прочитал мемуары Маршала Советского Союза Василевского. Автор не скрывает, что он попович, и приводит фамилии многих знаменитых поповичей и вообще всех выходцев из духовного звания. Мне кажется, что следует список пополнить, по крайней мере, Михаилом Ломоносовым, который сделался Ломоносовым не потому, что он сын помора, а потому, что сын дьяконицы, которая и была его первой учительницей и наставницей.

Для меня не ясно еще, кто были родители Джугашвили-Сталина. Где-то было написано, что его отец сапожник, но едва ли в таком случае его сын был принят в духовную семинарию. Насколько мне известно, туда не принимали никого, кроме детей из духовного звания. Вполне возможно, что отец Джугашвили и не гнушался работой сапожника, так же как и священник Василевский вместе со всей своей семьей справлялся с крестьянским хозяйством или мой дед, Никанор Алексеевич Лаговский, будучи дьяконом в poste Троица-Чудца Галичского уезда и не имея наемных рабочих, сам ходил за сохой, вспахивал свой надел единственной лошадкой.

Выходцы из духовного звания были трудолюбивы, шутами у сильных мира сего не бывали, предоставляя эту должность шутам Балакиревым. Интересная деталь: все гимназисты, сыновья учителей семинарии, т.е. внуки священников

или дьяконов, все кончали с золотыми медалями, как и попovны, попадавшие в гимназию, а не в епархиальное училище.

## ОТПРАВКА НА ПЕНСИЮ

Очень мне неприятно вспоминать, как кончилась моя работа в прокуратуре, но приходится. Однако предвзвременно отмечу, что в 1951 г. был избран депутатом Свердловского райсовета и даже членом исполкома. Пришлось запрашивать прокуратуру СССР, можно ли мне быть членом исполкома. Разъяснили, что можно, т.к. я не прокурор района, а помоблпрокурора.

В феврале 1959 года из отдела кадров прокуратуры республики прибыл человек по борьбе со старостью. Фамилия его Лавров (неужели сын пакостника прапорщика в Алексеевском военном училище?). Кадрица наша сказала, что всех старше я. Он на меня и навалился, расписывая прелести «заслуженного отдыха», уходить я не собирался, тогда началась обработка меня в кабинете облпрокурора: давайте заявление об уходе по собственному желанию. Облпрокурор Сидоркин, прекрасно зная мою работу, мог бы сказать кадровику, мол, оставьте Лаговского в покое. Но он сидит и молчит, знал, что его скоро снимут, но хотел отдалить этот момент. Я заявил, что заявления моего об уходе по собственному желанию они не получают, пусть увольняют, если для этого найдут хотя бы какой-нибудь предлог, и ушел из кабинета.

На другой день я на работу не вышел, забежали, спрашивают дочь, которая работала помпрокурора района, почему я не иду, пусть явится. Дочь ответила, что едва ли я приду. Ясно: меня должны уволить за прогул, а написали, что ввиду перехода на пенсию. Разумеется, можно было написать про-



курору республики или СССР, но я не стал этого делать, благо лекциями я был вполне обеспечен и мог работать сколько угодно, так как мне присвоили в собесе персональную пенсию. На мое место была из райпрокуратуры переведена дочь.

Облпрокурор очень быстро был снят. Один его зам, уклонившийся от поддержки меня, вскоре умер, другой зам, уговаривавший меня в угоду инспектора по кадрам подать заявление об уходе, просуществовал тоже недолго: умер в должности прокурора Курской области. Я замечал, что каждый, кто мне навредит, получит «боком, или по службе, или в личной жизни».

«Труженик ушел на заслуженный отдых». Ерунда это и лицемерие. Смешивают два понятия: пенсионер и инвалид. Офицер, прослуживший 25 лет в мирное время, начинает получать пенсию в 45 лет. Он совершенно здоров и, конечно, будет работать, получая одновременно и пенсию. Не всякий



*Людмила Лаговская, сотрудник прокуратуры Костромской области. 1954 год.*

мужчина, достигший 60 лет, имеет возможность и захочет «сидеть у камина» и «отдыхать», он не мыслит себя без работы, хотя бы и бесплатной, или постарается взять работу в тех организациях, где разрешается, получая зарплату, сохранять пенсию. Советник юстиции Филимонцев с пенсией менее 100 рублей поступил сторожем на склад облснаба. Старший советник юстиции Володя Крылов работает истопником в домоуправлении. Бывший прокурор Парфеньевского района служит рассыльным в райисполкоме.

*Все было именно так...*

---

Уж очень много у нас пенсионеров, и надо бы повысить пенсионный возраст до 70 лет. На это советская власть не пойдет, а надо бы. Про себя я не говорю, у меня персональная пенсия 70 рублей, и ее держусь, хотя и считаю, что должен получать максимум в 80 рублей. Очевидно, какого-то показателя у меня не хватает. 12 лет состоял на бесплатной общественной работе в должности заведующего общественной приемной газеты «Северная правда», но уже полгода там не бываю, так как почти потерял голос из-за злейшего ларингита. Доктор обещает вернуть голос, но я на это уже не надеюсь, а значит, и общественная работа у меня кончилась.

В 82 года надо сознать, что дело идет к концу. Хорошо, если он будет «безболезнен, не постыден и мирный». Много написано о том, что умирающие произносят какие-либо значительные слова «le mot». У А.Ф.Кони упоминается о двух судебных деятелях. Один в последнюю минуту сказал: «Заседание закрывается», а другой привел даже текст от Писания: «Вкушая, вкусих мало меду, и се аз умираю». Я ничего не заготовил, а умирать не хочется...



*Семья дочери Лаговского - Баженовых: Людмила Александровна с мужем - Алексеем Дмитриевичем, дочери Ольга, Марина. 1970-е годы.*

## ЗЕРКАЛО ЦЕЛОЙ ЭПОХИ

*Послесловие Людмилы Александровны  
Баженовой-Лаговской*

Свои воспоминания папа писал в 1973-1974 годах, а умер он 2 января 1975 года от рака гортани, оставив добрую память не только у родных, но и у сослуживцев по прокуратуре и областному суду. В этом плане мне было легко входить в коллектив юристов, т.к. они знали отца, и его доброе имя мне помогало. Помнили его и ученики – студенты первых выпусков пединститута – Морев, Ступеньков, Клица.

Мне хочется дополнить папины воспоминания некоторыми моментами. Так, Александра Порфирьевна Богородская, в девичестве Кардакова, была дочерью ссыльных народников, которые умерли от туберкулёза, она воспитывалась в Мариинском приюте, а в семью Лаговских попала случайно, познакомившись с папиной сестрой Марой. Дед, Виктор Никанорович, готовил её к сдаче экзаменов за курс мужской гимназии с тем, чтобы она получила право работать учительницей начальных классов в земской школе. Она экзамены сдала и после Череповца уехала в Ростовский район Ярославской области, там работала в школе и вышла замуж за сына священника Богородского (имени не помню). Она рассказывала, что когда на Пасху священнику несли праздничные яйца, то их скапливалось очень много и, оказывается, эти яйца прямо со скорлупой засаливали в кадках. Не знаю, надолго ли обеспечивалось такое хранение.

«Тётя Саша», как я её называла, отплатила нам добром: все 5 лет учёбы в университете я жила в её небольшой комнате коммунальной квартиры в арбатском переулке – Староконюшенном. Кроме меня в этой же комнате жила Ксения Ми-

хайловна Сперанская – инженер-авиастроитель, работавшая в КБ, как впоследствии выяснилось, по первому спутнику.

Несколько слов о Марии Михайловне Горовиц. У неё лечились мои дед и бабушка, отец и мама, я и мой муж. Когда она совсем состарилась, её взял к себе в Ленинград племянник – отставной военный. У Марии Михайловны была необыкновенная скатерть тонкого черного сукна, на которой мелом расписывались её друзья, а она потом эти подписи обшивала цветным шелком. Поскольку никакого порядка в подписях не соблюдалось, то скатерть выглядела фантастически, в разного цвета полосках, бабочках, закорючках. Очень жаль, что, уезжая из Костромы, Мария Михайловна сожгла эту вещь, считая, что без неё никто не сможет вспомнить людей, бывших ей близкими.

Мне неприятно, как папа написал о Василии Арсеньевиче Ремнёве – «милиционер». На самом деле первый прокурор области Ремнёв был великолепный человек, доброжелательный, приветливый, умеющий строить отношения с людьми. За время его работы никаких личных претензий со стороны местного начальства и других наших подведомственных и «соучастников» в деле правосудия не было. Не случайно после Костромы В.А.Ремнёв был переведён прокурором Чечено-Ингушской республики. О работе там он рассказывал нам, когда, выйдя на пенсию, вернулся вместе с женой, хирургом Раевской Надеждой Васильевной, в Кострому. Теперь три областных прокурора, Ремнёв, Сидоркин и Адушкин, похоронены на нашем кладбище почти рядом. И мы, старые сотрудники, вместе с молодыми работниками навещаем их могилы.

Папа упомянул о своём зяте – муже сестры Маргариты, Голубинском Николае Александровиче. Он был моим крестным отцом, и я его и тётю Мару очень любила. Николай Александрович окончил Московский университет, филологический факультет, работал в Самаре, а после смерти моей

бабушки Людмилы вместе с женой Маргаритой вернулся в Кострому. Мы все жили в доме деда, Виктора Никаноровича. Оба они преподавали в школе №30, а после образования Костромской области и создания партийной школы их пригласили туда. Тётя Мара вела географию, а дядя Коля – русский и литературу. Оба они пользовались уважением и любовью.

После смерти тёти Мары дядя Коля стал очень религиозным и старался не пропускать церковных служб по большим праздникам. Администрация партшколы с пониманием относилась к таким желаниям преподавателя и переносила его уроки с утренних часов на более позднее время. Это звучало совсем по-христиански. Детей у них не было.

О Леониде Андреевиче Колгушкине. Свои воспоминания он стал писать, глядя на папу, который говорил ему, что прошлое сидит в человеке, и, наверное, если напишешь, то будет легче. Леонид Андреевич с женой и сыном Юрой были друзьями моих родителей, встречали вместе праздники. Когда кончилась война и вернулся с фронта дядя Якуб Кадыбердеев, то на празднике в Татарской слободе были мы и Колгушкины. Магира Кадыбердеева, жена Якуба, в войну приносила нам к Пасхе ряженку и творог, а мне подарила валенки. Сказала, что катали Химе (её дочери) и мне. Вообще эта татарская семья трудилась не покладая рук. У них были корова, овцы, куры. И всё сохранилось и без хозяина, Магира работала сама и дочь с сыном приучала. У папы, мамы и у меня сохранились самые светлые воспоминания об этих людях.

О Жоховых. Сын папиного гимназического друга Алексей Дмитриевич Жохов объявился в Костроме в связи с какой-то юбилейной датой на собрании Григоровского историко-родословного общества. Мы познакомились, и он стал приезжать в Кострому с желанием организовать музей в память своего знаменитого дяди-мореплавателя, в честь которого его и назвали. С большими трудами он получил разре-

шение на половину флигеля, расположенного на территории бывшей усадьбы. На основном доме (ул.Войкова,16) стараниями историко-родословного общества и лично руководителя Костромского отделения Фонда культуры Антонины Васильевны Соловьёвой была установлена мемориальная доска в память Жохова Алексея Николаевича.

Теперь немного о нашей семье. Я вышла замуж за Алексея Дмитриевича Баженова, внука преподавателя Костромской духовной семинарии Ивана Васильевича Баженова. На доме №19 по проспекту Текстильщиков висит мемориальная доска в память об Иване Васильевиче, который был известным краеведом и председателем Костромского церковно-исторического общества. В 1913 году он показывал царю и царице собор в Ипатьевском монастыре и выставку древностей. Об этом есть сведения в книге, описывающей пребывание царской семьи в Костроме.

У нас с мужем родились две дочери – Ольга и Марина. Я решила быть юристом, глядя на отца, который всегда увлечённо рассказывал о своей работе. Наверное, и дочь Ольга поступила на юрфак МГУ под моим влиянием. Правда, папа этого не дождался, он умер в год окончания Олей школы. Теперь Ольга живёт в Москве, вышла замуж, родила сына. Она работает в Генеральной прокуратуре, но связи с нами (теперь уже со мной одной) и школьными подругами не теряет, когда приезжает, то у нас собираются её подруги и друзья. Внук Алёша не захотел быть юристом, увлечён техникой, компьютерами и с друзьями пытается что-то изобретать.

Младшая дочь Марина окончила Московский мединститут, вышла замуж, умерла в Москве при родах, оставив мужу двух сыновей. Отец и его мама детей вырастили, им уже по 19 лет, учатся в педагогическом институте. Мы с мужем по мере сил им помогали, летом дети приезжали к нам. Приехали и на мои 80 лет. Вот такое окончание жизни нашей семьи.

\* \* \*

*Дожив до того возраста, когда отец писал свои воспоминания, я решила, что сдать их просто в архив невозможно. На мой взгляд, эти мемуары – зеркало целой эпохи. И хочется, чтобы их прочитали люди, интересующиеся прошлым Костромы, и не только её. Поэтому эти записи хорошо бы иметь не только в архиве, но и в наших библиотеках.*

*Обратившись в редакцию журнала «Губернский дом», я нашла поддержку и помощь, благодаря чему папины воспоминания выходят в свет. Огромное спасибо всем, кто любезно принял участие в подготовке и издании этой книги.*



*Правнуки слева направо: Степан, Алексей, Геннадий. 2011 год.*

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                       |     |
|---------------------------------------|-----|
| Детство.....                          | 6   |
| Мальчики и девочки.....               | 11  |
| Хозяева и квартиранты.....            | 16  |
| Наш друг Брунко.....                  | 26  |
| «Мои университеты».....               | 30  |
| У нас свой дом.....                   | 35  |
| В гимназии и музыкальной школе.....   | 40  |
| Личная жизнь.....                     | 46  |
| Экзамены.....                         | 53  |
| В усадьбе Чалеевых Готовцево.....     | 60  |
| Московский университет.....           | 64  |
| Участие в переписи населения.....     | 73  |
| Костромское землячество в Москве..... | 77  |
| Путешествие в Италию.....             | 80  |
| Встреча с Горьким.....                | 83  |
| Окончание университета.....           | 87  |
| Начало службы в Костроме.....         | 89  |
| Свидание в Ярославле.....             | 98  |
| Выездная сессия суда.....             | 99  |
| Первый армейский опыт.....            | 101 |
| Военное училище.....                  | 102 |
| Случаи из юнкерской жизни.....        | 117 |
| В должности командира взвода.....     | 118 |
| Служба в штабе полка.....             | 120 |
| Лошадиные истории.....                | 122 |
| Ликвидация «ЧП».....                  | 125 |
| Смерть командира.....                 | 127 |
| Вагон с подарками.....                | 128 |



|                                 |     |
|---------------------------------|-----|
| На Балтике.....                 | 130 |
| В должности адъютанта.....      | 134 |
| Время революций.....            | 136 |
| Работа в Москве и Костроме..... | 139 |
| Призыв в Красную армию.....     | 141 |
| Перевозка боеприпасов.....      | 144 |
| На Запад. Под Варшаву.....      | 151 |
| Приезд Тухачевского.....        | 155 |
| Моя лошадь Антимония.....       | 156 |
| Троцкий и Усин.....             | 158 |
| Военный следователь.....        | 160 |
| В губернском суде.....          | 162 |
| В гостях у тётушки.....         | 163 |
| Детали службы.....              | 164 |
| Шутки Линшица.....              | 167 |
| Дело Грачёва.....               | 169 |
| Мои увлечения.....              | 183 |
| Обвиняются текстильщики.....    | 187 |
| Смерть матушки.....             | 189 |
| Дело о поджогах.....            | 190 |
| Работа юрисконсультom.....      | 192 |
| На комбинате имени Ленина.....  | 194 |
| Первые дни войны.....           | 195 |
| Дела домашние.....              | 202 |
| Опять в прокуратуре.....        | 204 |
| Учёба дочери.....               | 209 |
| Предложения и неприятности..... | 211 |
| Преподавательская работа.....   | 213 |
| Отправка на пенсию.....         | 216 |
| Зеркало целой эпохи.....        | 219 |

Историко-краеведческое издание

Александр Лаговский

«ВСЁ БЫЛО ИМЕННО ТАК...»

Книга воспоминаний  
о Костроме и костромичах XX века

Редактор Николай Муренин  
Составитель Татьяна Гончарова  
Фото из домашнего архива Л.А. Лаговской-Баженовой,  
архива редакции журнала «Губернский дом»

Дизайн, верстка: Т. В. Зайцева

Формат 60х90/16. Объем 14 п.л. Бумага офсетная.  
Печать офсетная. Тираж 300 экз.  
Отпечатано: Издательский дом «Линия График Кострома»



СТАРИНА СТАРИИ ДВОРЪ

СТАРИИ

ЧЕТЫРЕ ЧОРТА

КАКОВАТО

ТО-КО-ТОУ